

Ник Алнек

Нет пути назад.

- Расскажите немного о себе.

- Я уже рассказывал.

- Знаю. Но мне интересно услышать, а не читать. Обещаю, больше Вас никто не потревожит.

- Я вам не верю...

- Хорошо... Тогда спрашивать буду я... Судя по записям, Вам тридцать пять лет и на свет Вы появились в мае, 27 числа, 3515 года, после полудня, в детском инкубаторе. Пока все верно?

- Да.

- Что это за инкубатор?

- Один из инкубаторов. В них новорожденные находятся под присмотром специально обученного персонала.

- Понятно. Итак, Вы работаете в небольшой конторе по поимке беглецов и носите женское имя Софи. Софи Краут, если быть точным. Скажите, почему у Вас женское имя?

- У моей матери было девять сыновей, но она мечтала иметь дочь. Наконец Департамент Контроля выдал ей лицензию на ребенка женского пола по имени Софи. Матери имя понравилось, и она закрепила его за собой, но, когда настал момент идентификации младенца, оказалось, что из-за путаницы с маркировочными пистолетами ей снова достался мальчик.

- Как это произошло?

- Просто нерадивая акушерка умудрилась перепутать меня с этой девочкой, лежавшей рядом, и вшила мне в бедро ее биор. Если бы Вы знали, какой разразился скандал! Моя мать рвала и метала, но изменить что-либо было невозможно.

- Почему?

- Когда биор попадает в тело, он тут же растворяется и становится частью человеческого организма. Разумеется, с того момента любой биосканер фиксировал меня, как особу женского пола по имени Софи. Департаменту пришлось приносить извинения и вносить некоторые изменения в программу сканеров, иначе в дальнейшем моя жизнь превратилась бы в одну большую проблему... У Вас есть сигарета? Очень курить хочется.

- Да, конечно. Вот, возьмите... Скажите, а какое имя Вы должны были получить как особь мужского пола?

- Сократ.

- Значит, той девочке дали мужское имя?

- Не знаю. Возможно. Тогда маркировали нескольких младенцев...

- Что было дальше?

- Когда мне исполнилось четыре года, меня перевели в школу-пансион. В нем я жил и учился до восемнадцати лет.

- Другими словами, Вы воспитывались вне семьи?

- Да, как и мои братья.

- Софи, чем Вы стали заниматься после того, как закончили школу?

- Пошел работать. Департамент Занятости выдал мне направление на работу.

- Хорошо. Я читал, что Вы сняли небольшой домик на юге Европейской провинции, в тихой деревушке на берегу моря. Судя по записям, Вы любите это место.

- Очень. Там потрясающий воздух. Он пьянит без всякого вина. Мне не хватает моего уютного дворика, дикого винограда, плотно обвившего его, плетеного кресла, в котором я часто сижу с закрытыми глазами и слушаю шум прибоя, вытянув вперед босые ноги.

- Да Вы просто поэт, Софи... Скажите, когда Вы общались с моими коллегами, то часто упоминали термин «Зазеркалье». Можно об этом поподробнее?

- Этот термин появился задолго до моего рождения. В середине двадцать первого века.

- Вы так считаете?

- Я ничего не считаю, это исторический факт.

- Даже так? Что же это за исторический факт?

- Группа ученых проводила в коллайдере какие-то свои очередные эксперименты. Видимо, в какой-то момент времени, даже не подозревая об этом, они запустили процесс образования пространственно-временных разломов. Поначалу их никто не замечал. Лет тридцать. Так, время от времени, в интернете появлялись заметки о разноцветных свечениях, возникавших то тут, то там на пару-тройку минут.

Писали даже о том, что невольные свидетели этих явлений клялись под присягой, что в радиусе этих свечений исчезало все, что в них находилось, двигалось или произрастало. Поползли разные слухи, но видные ученые, впрочем, как и не очень, в своих выступлениях, ссылаясь на физику природных явлений, миражи и что-то там еще, поспешили назвать все это безобидными фантазиями очень впечатлительных натур...

- Продолжайте...

- Когда свечения прочно обосновались на определенных участках Земли и уже не меркли ни на одну секунду, испугались все. Те, кто проживал в непосредственной близости от загадочных явлений, бросали свои дома, имущество и устремлялись в другие места. За считанные дни вымирали целые города...

- Печально. А как повели себя ученые?

- В школьных учебниках по истории сказано, что ученые пробовали оправдаться, но, когда начался весь этот хаос, к проблеме подключились военные. Они взяли под свой контроль странные зоны, затем согнали лучших ученых в какой-то бункер и заставили изучить этот странный феномен... Можно еще сигарету?

- Берите... Что еще сказано в учебниках?

- В них сказано, что вскоре ответ был найден и подтвердились давние догадки о многомерности пространства. Цитирую: «Началась новая эра в истории физики как науки, а вместе с ней и новый виток в жизни человечества».

Сначала все шло замечательно. Ученые догадались, хотя, возможно, им и подсказали, как «разорвать» ткань пространства, чтобы связать две отдаленные точки друг с другом.

- Вы сказали «подсказали». Кто подсказал?

- Не перебивайте меня, а то я запутаюсь! Я, знаете ли, в школе был не лучшим учеником. Потом... Потом Вам все станет ясно.

- Хорошо. Простите меня и продолжайте.

- Так вот, им подсказали, как «разорвать» ткань пространства, после чего человечество приобрело возможность перемещаться из одного места в другое. Теперь можно было

спокойно, за считанные секунды, попасть из Парижа в Нью-Йорк, из Лос-Анжелеса в Пекин, не расходуя при этом больших денег и времени на долгие перелеты. Это привело ко всеобщему ликованию. Особенно счастливы были те, кто боялся летать. Разумеется, не все сразу бросились испытывать на себе преимущества порталов. Их боялись, обходили стороной, отговаривали других. Вы бы стали, рискуя своим здоровьем и жизнью, пользоваться тем, что не понимает и не принимает рассудок?

- Нет.

- Вот и другие боялись входить в порталы. Но время берет свое, и спустя какие-то несколько лет никто уже не мог представить себе жизнь без этих переходов. Отпала необходимость в транспорте. Практически отпала. Воздух стал намного чище - в него уже не попадало столько вредоносных примесей, как раньше.

- Что было потом?

- Люди научились путешествовать между многочисленными слоями пространства. Многие из них оказались местами обитаемыми, в большинстве которых жили люди, анатомически ничем не отличавшиеся от нас. Мы стали познавать их миры, торговать, влюбляться. Одним словом, мир преобразился и его некогда более или менее видимый горизонт стал бескрайним.

- Красиво сказано.

- Это я процитировал из школьной программы. Знаете, еще в детстве, на уроке «Сотворение мира», наша учительница рассказывала нам, шестилеткам, что мир соткан из огромного количества слоев, отличных друг от друга числом пространственных или временных координат. Она говорила: «Мироздание, дети, похоже на толстую книгу, состоящую из множества страниц, каждая из которых представляет собой целый мир со своими законами Вселенной. Подобно тому, как книга имеет много страниц, так и мир состоит из огромного множества слоев, имеющих свое отдельное пространство, отличающееся от другого своими формами».

Потом она попросила сказать, из скольких координат состоит наше пространство. Но никто из нас не знал. Весь класс молча сидел на полу, скрестив ноги, и тупо смотрел на нее. Учительница тогда разозлилась и заорала: «Какие вы все глупые! Вам скоро семь лет, а вы не знаете, что мы живем в трех координатах, не считая времени!» - и стала рассказывать о местах, в которых время имеет несколько измерений – два, три, а иногда и больше, и что все эти времена движутся одновременно, только с разными скоростями...

- Она бывала в таких местах?

- Вряд ли. Но пожелала всем нам когда-нибудь попасть в многовремье, чтобы по достоинству оценить его существование. В более старших классах один мой приятель пытался объяснить мне о жизни в тех слоях. Впрочем, не думаю, что Вам это будет интересно.

- Вы неправы. Мне все интересно.

- Он как-то сказал: «Не знаю, как местные аборигены воспринимают свою реальность, но думаю, что на самом деле не все так плохо. Прикинь, ты познакомился с девчонкой, назначил ей свидание, ну, скажем, в парке, а сам на это свидание опоздал. И все – она ушла, на звонки не отвечает. И в то же время ты помнишь во всех подробностях, как суперски провел с ней день, у вас любовь, туда-сюда, потом вы поженились. Класс, да?»

Я тогда его спросил: «А если времен три?»

И он ответил: «Тогда еще круче, парень! Может, ты в одном и опоздал на свидание, но в другом по пути домой встретил другую».

Я тогда еще рассмеялся и сказал: «Ага, и помню, как у нас с ней любовь, семья, дети и все такое... А если меня чем-то придавило по дороге домой, то я живу и помню собственные похороны?»

«Ну, теоретически да», - согласился со мной приятель.

- Софи, а почему Вы сказали, что сначала все было замечательно?

- Потому что позже оказалось, что не все так хорошо, как виделось в начале. Создание порталов привело к тому, что многие профессии стали просто не нужны, люди теряли работу, а с ней и возможность нормально существовать. Но это была лишь первая ласточка той беды, что уже витала над головами людей.

- Что Вы имеете в виду?

- Другие реальности, или, как многие окрестили их, «Зазеркалье», преподнесли человечеству удивительный подарок – новую медицину и чудеса генетики. Мы почти перестали болеть и стали долго жить.

- Сколько?

- До двухсот и более лет. Как показало время, люди были не готовы к таким сюрпризам. Жить долго хотелось всем, но не все умели правильно жить долго, либо не справлялись психологически. К тому же подрастало новое поколение, которому тоже требовались определенные условия для нормального обитания. И хотя многие оставались в других мирах, людей от этого не становилось меньше. Начались убийства: из-за рабочего места, из-за жилья, из-за еды, из-за политических взглядов, религиозных убеждений, да и просто так. Люди сильно деградировали и сходили с ума, каждый по-своему. Они грабили, убивали, насиловали друг друга. Выходить на улицу без оружия считалось безумием. Жизнь больше не представляла никакой ценности, и у многих пропало желание иметь потомство. Впереди замаячила демографическая катастрофа, а вместе с ней разрушения во всех сферах жизни.

И тогда президенты всех стран были вынуждены пойти на крайние меры. Они создали ОП – Объединенное Правительство, которое тут же изменило и засекретило коды доступа в Зазеркалье. Были образованы новые правительственные структуры. Одной из таких структур стал Департамент Контроля над рождаемостью и смертью, который тут же обязал каждого взрослого человека воспитать как минимум пятерых детей. Те, кто не хотели их иметь, облагались большими налогами. Все эти действия подкреплялись шквалом передач о новых взглядах на происходящие процессы в обществе, о разлагающей идеологии Зазеркалья и прочее, прочее, прочее.

Кроме того, жить теперь разрешалось не более 150 лет. Отсрочку получали лишь те, кто, по мнению Департамента, был полезен обществу – политики, ученые, деятели искусств...

- И все с этим смирились?

- Разумеется, нет! Все эти шаги ОП вызвали шквал возмущения, и по миру прокатились протесты: против закрытия Зазеркалья, против принудительного ухода из жизни, против самого ОП и просто против ВСЕГО! Их, правда, быстро погасили, зачинщиков упрятали в тюрьмы, запретили ношение любого вида оружия, а в некоторых регионах ввели военное положение. И у людей начался психоз «БЖ» – Боязнь Жизни, известный в старину как «Синдром живого трупа».

- Это когда появляется устойчивое стремление к суициду?

- Да. Люди впадали в тяжелейшую депрессию, кончали жизнь самоубийством поодиночке или группами. Тогда ОП под предлогом избегания некоего опасного заболевания, проникшего к нам из Зазеркалья, объявило о начале повальной вакцинации населения новым препаратом «Пиатон». Большинство, поверив в загадочную болезнь, выстраивались в

очередь за спасительной прививкой. На деле «Пиатон» оказался обыкновенным наркотиком, обладавшим сильным седативным действием. Люди успокаивались, однако побочный эффект этого препарата вызывал у них не только сильную психическую и физическую зависимость, но и разрушительно действовал на некоторые органы. Их замена стоила ОП огромных средств, и препарат быстро заменили на другой – «Окситон», не только вызывавший состояние умиротворения, но и позволявший человеку не испытывать усталость на протяжении многих часов. Через пару месяцев восемьдесят процентов населения не могло обходиться без этого лекарства. Несмотря на то, что последний наркотик не приводил к сильным физиологическим разрушениям, ОП заявило, что отныне дети будут вынашиваться в специально разработанных инкубаторах.

- Расскажите мне о своей матери.

- Я не знаю, что о ней рассказывать.

- Что-нибудь, в общих чертах. Как ее зовут, как она выглядит...

- Ее звали Джул.

- Почему звали? Она умерла?

- Не знаю...

- Хорошо. Итак, ее звали Джул.

- Она была высокой, красивой, генетически абсолютно здоровой женщиной. Ни одного изъяна. Ее покойные родители были людьми успешными, богатыми и влиятельными, что дало ей возможность учиться в лучших школах, одеваться в самых дорогих бутиках и отдыхать на самых шикарных курортах. Разумеется, читала она и смотрела только то, что было разрешено и одобрено специальным Департаментом по Воспитанию и Образованию. Когда ей исполнился двадцать один год, она вышла замуж за старшего брата своей школьной подруги - только потому, что тот являлся послом в одном из миров Зазеркалья и это давало ей право не только беспрепятственно бывать там, но и, возможно, продлить себе жизнь.

- Она любила Вас с братьями?

- Нет. Она никогда нас не любила и предпочитала навещать сначала в инкубаторах, а затем раз в год в пансионатах. Все остальное время Джул проводила в свое удовольствие.

- Вы когда-нибудь бывали у нее дома?

- Родители обязаны приглашать детей к себе хотя бы раз в месяц.

- Ваша мать так и поступала?

- Нет. Два-три раза в год Джул устраивала семейные обеды, на которые кроме нас приглашала многочисленных друзей и знакомых.

- А как Вы думаете, зачем она приглашала посторонних на семейные обеды?

- Думаю, это была показуха. Некий отчет перед другими.

- Вы часто общаетесь со своими братьями?

- Нет. Я о них даже и не думаю, впрочем, как и они обо мне.

- Скажите, а у Вас есть отец?

- Да. Маленьким я видел его от силы раз пять: карьера посла не позволяла ему часто бывать дома. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, он исчез. Кто-то говорил, что его убили, кто-то предположил, что он остался в Зазеркалье и у него другая семья. Джул очень злилась.

- Почему?

- Потому что она не могла больше посещать Зазеркалье.

- Я читал в Вашем досье, что Вы посетили Зазеркалье. Как Вам удалось это сделать, учитывая положение дел?

- Зачем Вы хотите это знать?

- Чтобы понять, как Вам помочь. Или Вам не нужна наша помощь?

- Нет. Да. Не знаю.
- Расскажите, как Вы туда попали?
- Если я расскажу, Вы поможете мне?
- В этом и заключается моя задача, Софи...

- Хорошо. Это случилось за месяц до моего дня рождения... В то утро звонок будильника прогремел над моим ухом, как раскат грома, заставив меня вынырнуть из объятий Морфея, а, может, и самого Гипноса с жуткой головной болью. Не открывая глаз, я сел на край тахты и, оперевшись локтями в колени, начал пальцами массировать виски. Боль стала уходить. Рядом слышалось цоканье, и я почувствовал на своем лице горячее дыхание. Это был Хвост – моя немецкая овчарка, мой единственный друг, которому я могу рассказать все, что накопилось в моем воспаленном воображении. Я люблю его, и Хвост платит мне тем же.

- Ты-ы прро-осну-улся? – протяжно поинтересовался он.
- Почти, - ответил я и открыл глаза.

Пес стоял рядом и вилял хвостом. Протянув руку, я потрепал его по загривку.

Не смотрите на меня так – я не сумасшедший. Это теперь звери умеют говорить. Не все, но умеют. Спасибо генетикам. Лет пятьсот назад они изменили что-то в их мозгах и гортани, что привело к большому научному открытию.

- Рра-або-ота-а? – пес посмотрел на меня преданным взглядом.

- Да, приятель, - сунув ноги в шлепанцы, я с трудом поднялся и побрел на кухню. – Сейчас тебя выпущу, потом накормлю. Когда вернусь, не знаю. Я оставляю тебе еды на вечер.

- Хо-орро-ошо-о, - Хвост двинулся следом за мной.

Я открыл дверь, и пес выскочил в садик.

Добежав до любимого куста, Хвост внезапно остановился и, повернувшись ко мне, провыл:

- Джу-ул. Вче-ерра-а.

Я поморщился. За последний месяц это был уже пятнадцатый звонок от нее.

Придется с ней поговорить. Сварив себе кофе, я уселся за стол и, поправив на своем запястье вирком, набрал номер матери.

- Слушаю, но не вижу, - раздался ее голос.

- Привет, Джул, это Софи.

- Наконец, - в ее голосе слышалось слабо скрываемое раздражение, - я ждала твоего звонка еще вчера. Разве твоя псина не передала тебе?

- Говори, что тебе нужно, мне скоро уходить.

- Почему я тебя не вижу?

- Нет времени подключать голограмму.

Она знала, что я вру, но ничего не сказала, лишь, наигранно вздохнув, промурлыкала:

- Ты слишком много работаешь, сын. Тебе ни на что не хватает времени. Из-за этой работы ты до сих пор не женился и не завел детишек. И друзей у тебя нет.

- У меня есть Хвост.

- Хвост, - хмыкнула в ответ Джул. – Он не может заменить тебе жену и детей. Кстати, через месяц тебе исполнится тридцать пять. Ты помнишь об этом?

- Помню, - буркнул я.

- Тогда в чем дело? Надо отпраздновать это событие. Если дело в деньгах, то я могу одолжить тебе небольшую сумму. Ты же понимаешь, после того, что сделал твой отец, я осталась совсем нищей.

- Понимаю, - согласился я. - Рестораны, модные показы, вечеринки. И везде надо поспеть. Джул, ты можешь спать спокойно, у меня есть деньги. Правда, вечеринка отменяется.

- Но... - начала было она.

- Не стоит ломать комедию, мама. Мы оба прекрасно знаем, что тебя мало заботит жизнь собственных детей. Если бы не закон, ты вряд ли бы завела нас.

- Даже если это и так, ты не вправе упрекать меня.

- Так зачем ты звонила?

- Меня волнует судьба моего прошения в Департамент. Ты случайно не в курсе: по нему принято решение?

Я знал, но надеялся, что она не спросит.

- Нет, не знаю, - снова соврал я ей. - Постараюсь сегодня все выяснить.

- Да-да, узнай и позвони, - в ее голосе слышалась нервозность. - Мне снова пришло напоминание. Кстати, меня пригласили в качестве модели на грандиозное шоу. Представляешь? Оказывается, я еще интересна людям! Они придут на меня посмотреть. Меня никак нельзя лишать жизни. Ты передай им это. Никак. Я могу принести казне много денег. Ты все запомнил? И позвони. Сразу же, как только узнаешь.

Я отключился. Конечно, я ей не позвоню. Просто пошлю сообщение, что Департамент Контроля над рождаемостью и смертью сожалеет о том, что мадам Джул Краут обязана покинуть этот мир через шесть месяцев, потому как не считает указанную в прошении причину веской для принятия положительного решения в пользу продления жизни. Еще я напишу, что Департамент благодарит ее за сто пятьдесят лет преданного служения обществу и настоятельно рекомендует, обратившись в любое юридическое бюро, привести в порядок все свои дела и составить завещание. Даже посоветую ей такое бюро. Я очень надеялся, что она мне больше не позвонит и следующая наша встреча состоится только на ее похоронах.

Прибежал Хвост. Его лапы были влажными от утренней росы.

- Ку-уша-ать, - попросил он. Я поставил перед ним миску с едой, а сам поплелся в ванную. Там я привел себя в порядок, затем убрался на кухне, оделся и включил для Хвоста его любимый канал для животных. Он тут же, запрыгнув на мягкую тахту и вытянувшись на ней во всю длину, уставился на экран. Я улыбнулся и тихо закрыл за собой дверь.

Моя контора находится на втором этаже одного из деловых центров Европы. Когда мне не нужно рыскать в поисках беглецов, я люблю сидеть здесь, в небольшом кабинете ловцов, и, медленно покручиваясь в мягком кресле из стороны в сторону, наблюдать за бурлением жизни сквозь затемненное стекло окна.

Вот и в тот день, откинувшись на высокую спинку кресла и наблюдая за прохожими, я разговаривал с моей домовладелицей:

- Анна, скорее всего, я вернусь поздно. Сможете покормить и прогулять Хвоста?

- О чем речь, Софи! Я сейчас же за ним схожу и возьму его к нам домой. Ты же знаешь, как Альберто любит гулять с ним по берегу моря.

Сеньора Анна – дама в возрасте. Я не знаю, сколько ей лет. Возможно, около семидесяти. Она, как и все ее предки, принадлежит к церкви «Истинная Жизнь», которая запрещает переходы в другие земли и призывает чад своих прожить столько, сколько отпустит Сам Творец. Тех же взглядов придерживается и ее муж Альберто. Им принадлежит немного земли на берегу Средиземного моря. Будучи молодыми, они возвели на ней Храм, куда из многих мест стали стекаться приверженцы их веры. Но после того как на «Истинную Жизнь» начались гонения и Храм подожгли, им ничего не оставалось делать, как построить

на этом месте небольшую деревню, в которой любили останавливаться на отдых художники, писатели и поэты. Поселившись в одном из домов, я стал единственным, кто не вписывался в эту творческую атмосферу.

Супруги сами воспитали пятерых детей, из которых лишь двое остались жить рядом с родителями. За те семнадцать лет, что я снимаю у них дом, мы очень сблизились. Когда я решил завести собаку и получил на это разрешение, сеньор Альберто лично сопровождал меня в питомник, где помог выбрать щенка. Если мне приходилось много работать, то я оставлял Хвоста с ними. Он был очень привязан к старикам, тем более что свои первые слова пес сказал благодаря им.

Я был доволен, что Хвост не будет скучать, и хотел было приступить к работе, но меня отвлекла Эдит – секретарша шефа, восхитительная женщина лет ста двадцати. Когда я только устроился в контору, у нас с ней случился бурный роман. Она стала моей первой женщиной, и я даже сделал ей предложение. Эдит тогда рассмеялась мне в лицо и ответила отказом. Видите ли, для семьи ей нужен мужчина состоятельный, а не вчерашний школьник, который годится ей во внуки. После того разговора мои отношения с ней стали носить исключительно рабочий характер. Недавно, напившись, на ее очередные вздохи по поводу того, что мужчины видят в ней только потенциальную любовницу, а не жену, я умудрился ляпнуть, что у нее еще вся жизнь впереди...

Эдит медленно вошла в комнату и не спеша подошла ко мне, соблазнительно покачивая бедрами. Аккуратно подвинув в сторону флешку с данными на беглецов, она поставила на стол чашку горячего какао и, развернувшись, так же медленно направилась к двери. Взявшись за ручку, Эдит, лишь слегка повернув голову в мою сторону, сказала:

- Звонил Лоренц. Просил срочно с ним связаться.

- Спасибо.

Пожав плечом, Эдит вышла, затворив за собой дверь.

Отхлебнув из чашки ароматный напиток, я поудобнее устроился в кресле и стал внимательно изучать информацию, мелькавшую на экранах регистратора. Полностью погрузившись в работу, я забыл о том, что должен позвонить Лоренцу. Когда же я вспомнил о нем, у меня сразу заныли зубы.

Лоренц был моим шефом. Высокий, несколько полноватый мужчина пятидесяти двух лет с редкими лоснящимися волосами и маленькими, близко посаженными глазками, он производил отталкивающее впечатление. Каждый раз, когда мне приходилось с ним общаться, он постоянно что-то жевал. Я потянулся к запястью и с ужасом обнаружил, что виркома на руке нет. Видимо, я забыл одеть браслет после душа. Придется надеть очки. Поморщившись, я нацепил их на себя и, не отрываясь от экранов регистратора, произнес вслух:

- Звонок Лоренцу.

По линзам очков пробежала рекламная строка, после чего появилось лицо жующего шефа.

- А, Краут! – с набитым ртом воскликнул он.

- Вы искали меня?

Лоренц тщательно вытер рот салфеткой и спросил:

- Ты получил новое досье на беглецов?

Я скосил глаза на левый нижний экран регистратора. По нему медленно полз список имен тех, кто не явился в Дом Забвения на прошлой неделе. Теперь, спустя три дня, они были объявлены в розыск и их данные поступили во все офисы, занимавшиеся поиском потенциальных покойников.

- Да, - я снова сфокусировал взгляд на шефе. - На кого-то стоит обратить особое внимание?

- Номер пятьдесят, - отозвался Лоренц. - Красная метка.

«Особо опасен», - про себя подумал я и, отыскав глазами нужный номер, прикоснулся к нему пальцем. Передо мной развернулось голографическое изображение молодой женщины с короткими темными волосами, пухлыми губами и большими синими глазами. Она улыбалась, отчего на ее щеках образовались очаровательные ямочки.

- Вы уверены, что она из беглецов? Выглядит естественно молодо. И взгляд молодой женщины.

Лоренц аж поперхнулся:

- Красная метка! Краут, проснись! Она не беглец и не подлежит уничтожению. Ее просто надо найти и доставить в Департамент Общественной Безопасности. Хочешь знать, сколько дают за ее поимку? Миллион кредитов. Ты когда-нибудь слышал о таком?

- Нет, - ответил я. - В какое дерьмо она сунула свою миленькую головку, если за нее отваливают целое состояние?

- Тебя как ловца это не должно волновать, но я намекну. Она - дочь Артура Зарин.

- Я должен его знать?

- Софи, ты меня поражаешь! Ты не только должен, ты обязан знать его имя. Из школьной программы.

- Да я как-то не отличался большой любознательностью. Кто он такой?

- Профессор физики, возглавлял группу ученых, изучавших пространственные разломы.

Я даже присвистнул:

- Не может быть! Ему же тогда...

- Очень много лет, - закончил за меня шеф. - Несоизмеримо много.

- Как же он умудрился столько прожить?

- Благодаря Зазеркалью. Он провел там слишком много времени, тем более в самых закрытых слоях, куда доступ имеют единицы. Вернулся оттуда лет сорок назад. Находился в фаворе у ОП, но спустя год был лишен всех званий, отлучен от науки; ему перекрыли доступ в иные миры. Поговаривают, что он нашел проход в срез прошлых событий.

- Это тоже в школе изучают? - поинтересовался я.

- Не ломай комедию, Краут, - шеф явно был не в настроении. - Об этом мне рассказал старина Аарон.

Аарон... Аарон... Аарон... Я пытался вспомнить, где я слышал это имя. Ах, да! Аарон - муж сестры Лоренца. Точно! Он работает в администрации ОП и частенько, выпив больше положенного, делится слухами и сплетнями, гуляющими в кабинетах власти.

- Мало того, - продолжал Лоренц, - в это же время при загадочных обстоятельствах один за другим погибают все члены его рабочей группы. Где сам профессор, никто не знает.

- Так в чем проблема? Надо проверить биосканы...

- Ему черт знает сколько лет! Тогда еще не было биоров! - рявкнул Лоренц и побагровел.

- Извините, забыл, - я откинулся на спинку кресла. - Значит, его дочь является всего лишь приманкой? А в Департаменте уверены, что она знает, где находится ее родитель?

Лоренц потер мочку уха и хмыкнул:

- Это не наше с тобой дело. На кону стоят большие деньги, и это все, что меня интересует.

- Вы хотите, чтобы именно я поймал эту девицу?

- Понимаешь, Софи, ты хороший ловец. Впрочем, что я говорю! Ты один из лучших. У тебя потрясающая интуиция!

- Благодарю, - мне было приятно услышать похвалу от этого человека.

Лоренц откашлялся и продолжил:

- То, что ты видишь – приблизительная картинка того, как она может выглядеть сейчас.

- Они создали ее на основе фотоанализа отца и матери?

- Нет.

- Хорошо. Тогда, почему они не запустят фотосканеры? Быстрее получится.

- А кто тебе сказал, что они этого не сделали? Вся загвоздка в том, что мы не знаем ее имени и даже если задержим похожую на нее женщину, то как докажем, что она и есть дочь профессора?

- ДНК ее отца.

- А у нас есть это ДНК?

- Понятия не имею.

Лоренц поджал губы:

- Софи, у нас нет его ДНК. Кстати, она из того же инкубатора, что и ты. Все, что у нас имеется - это адрес дома, где якобы профессор жил одно время. Кое-кто обещал мне придержать этот адресочек на пару часов. Если поторопишься, то успеешь попасть туда первым. Принимайся за дело!

И он отключился.

Засунув руки в карманы брюк, я нервно ходил по кабинету из угла в угол. Я не люблю искать людей, когда за ними гоняется еще сотни две ловцов. Приблизившись к столу, я оперся о него руками и решил еще раз пробежаться глазами по досье дочери профессора.

Итак, «мисс Зарин, родилась 2 августа 3515 года в австралийском отделении детского

инкубатора...»

Там же, где и я.

«Присвоен номер 4.992.550.932. Была похищена из инкубатора собственным отцом и отбыла в неизвестном направлении. Настоящее имя, как и биор, не известно».

И как же она тогда училась в школе? Или лечилась, когда болела? Это абсолютно невозможно сделать, если биоскан не определяет биор. С этим я решил разобраться позже и вернулся к досье...

«Возможный адрес пребывания, возможный номер виркома...»

Везде «возможный», но попробовать стоило. Я набрал номер. Раздались гудки. Один, два... девять. Включился автоответчик. Сначала я услышал задорный женский смех, затем какую-то возню, шушуканье и только затем приветствие:

«Привет! Это Аврора. Самая красивая, самая обворожительная, самая изящная, самая удивительная, самая умная, самая веселая, самая обаятельная, самая-самая, что просто не

нахожу слов. Я пошутила! Самая сексуальная, стильная, шикарная, чертовски артистичная, неумолимая, дерзкая, забавная и просто идеальная! Согласны? Тогда смело оставляйте сообщение, и я обязательно перезвоню».

Это явно была какая-то другая особа. Не думаю, что дочь профессора была так наивна, чтобы оставлять свое приветствие на виркоме. Часы показывали одиннадцать. В Доме Забвения меня ждали только в пять вечера, и я решил сгонять по возможному адресу пребывания беглянки.

Через пять минут я уже входил в просторный вестибюль, стены которого украшали двенадцать исполинских полуфигур мужчин и женщин. Эти мраморные красавцы-титаны, выходящие телами из стен, держали на своих могучих плечах высокий расписной потолок. Между ними находились затемненные арочные проемы - порталы. На удивление было немногочисленно. Я подошел к одному из свободных проемов и, набрав на дисплее, висевшем сбоку, код местности, стал ждать. Через пару секунд по затемненной глади проема пробежала первая рябь – это был сигнал, подтверждающий, что переход возможен. Когда рябь усилилась, я сделал шаг.

Ожидая, пока местный паренек подгонит мне электромобиль, я, заложив руки за спину и закрыв глаза, наслаждался звуками Тихого океана. Его волны с мягким гулом накатывали на берег и, ударяясь о небольшие каменные пороги, с мягким шумом убегали обратно в толщу воды. Здесь, в Центральной Америке, был поздний вечер. Где-то совсем рядом играла музыка, слышались голоса, нестройное пение и смех. Как же жарко и душно! Я открыл глаза, снял пиджак и ослабил узел галстука. В моем распоряжении было часа четыре. Потом я должен был вернуться в контору и прямо оттуда мчаться в Дом Забвения.

Ко мне на большой скорости подъехала машина с откидным верхом. За рулем, широко улыбаясь, сидел посыльный.

- Сеньор, извини, долго ждать! - с сильным акцентом прокричал паренек, выскакивая из машины и уступая мне место. – Ехать прямо, потом право и вверх на гора. Там то, что искать. Может, сеньор хотеть взять номер отель?

- Нет, спасибо.

- У нас есть хороший девочки, мальчики, есть маленький возраст. Сеньор любит?

- Нет!

Усевшись за руль машины и настроив навигатор, я тронулся с места. Под колесами зашуршал гравий. Дом, где могла жить дочь профессора, находился не на побережье, как я предполагал изначально, а практически в горах, в стороне от шумных курортных мест. Навигатор предательски молчал. Проехав несколько километров и не встретив ни одного указателя, я чуть было не проскочил поворот. Резко затормозив и выругавшись, я полез во внутренний карман пиджака за очками. Они, конечно, вещь хорошая, удобная и в некоторых ситуациях незаменимая, но у меня от них начинала сильно болеть голова. И не только у меня. Когда-то они стали огромным прорывом в области IT-технологий. Тогда, благодаря очкам, отпала необходимость таскать с собой разные девайсы. Очки соединяли в себе всё и давали владельцу неограниченные возможности. Со временем они превратились в неотъемлемую часть имиджа. Появилось много модельеров, придававшим оправе и линзам всевозможные формы и цветовую гамму. Но не все были рады появлению такого девайса – многие считали, что он способствует вмешательству в личную жизнь других людей, находящихся рядом, так как их передвижения моментально становились известны широкой публике. Суды были завалены исками. Противники использования этого устройства в общественных местах предпочитали самостоятельно вершить «правосудие». Они срывали очки с тех, кто их носил, разбивали или давили ногами. Иногда, за компанию, доставалось и

владельцу очков – его избивали, а порой и калечили. Но никакие действия не могли отбить желание у тех, кто хотел постоянно находиться онлайн.

Спустя какое-то время с теми, кто не мог расстаться с очками целый день, начали происходить странные вещи: их преследовали головные боли, резь в глазах, воспаление век, а в некоторых случаях и слуховые галлюцинации. Врачи забили тревогу: сильно возросло число онкологических заболеваний среди любителей очков, и, когда лет через двести на свет стали появляться младенцы с признаками дистрофии глазного яблока и головного мозга, власти многих государств, существовавших еще в то время, запретили использование этого девайса. Только в крайних случаях, только спецслужбам и только на короткое время. Так как я был ловцом, то имел право на ношение очков, но пользовался ими крайне редко.

Надев очки, я открыл карту и, сдав назад, свернул на узкую извилистую дорогу, идущую сквозь кипарисовую рощу. Миновав ее, электромобиль устремился вверх. На крутых горных поворотах ему явно не хватало мощности. Он еле полз, и у меня начали сдавать нервы. Еще немного, и я бы собственноручно сбросил машину в пропасть. Останавливало только то, что, судя по карте, которую я видел на линзах, мне требовалось преодолеть еще приличное расстояние. Минут через двадцать я уперся в отвесный склон горы, на котором пучками произрастала какая-то зелень. Дальше дороги не было, но в свете фар был виден небольшой подъемник. Облегченно вздохнув, я снял очки и, заглушив мотор, вылез из машины. Дул сильный, пронизывающий ветер. Поежившись, я достал из машины пиджак и быстро надел его на себя. Медленно приблизившись к подъемнику и внимательно изучив его, я встал на платформу и дотронулся до панели. Подъемник дернулся и медленно пополз вверх. Интересно, в каком веке устанавливали эту рухлядь?

То ли от холода, то ли нервишки окончательно расшалились, но меня стало потрясывать. Только этого мне и не хватало! Решено, как только доберусь до этой девицы и доставлю куда надо, сразу возьму отпуск и буду сидеть дома, в саду, и читать Хвосту вслух книги. Или мы будем валяться на диване и тупо смотреть все, что показывают многочисленные каналы – главное отключить мысли.

Подъемник еще раз дернулся и остановился. Ступив на каменистую почву, местами покрытую мхом, я огляделся. Пологий склон представлял собой почти ровный участок земли, где у подножия другого горного хребта стоял дом, умело скрытый от посторонних глаз. Его стены были покрыты материалом, напоминавшим кору дерева, а в больших окнах отражались растущие на соседних склонах деревья. Где-то рядом слышалось журчание горного ручейка. Я подошел к дому и подергал за ручку двери. Она была заперта.

Постучав, я прислушался. В доме царила тишина. Тогда я попробовал хоть что-нибудь разглядеть через толстые стекла окон, но было так темно, что моя надежда на внезапную удачу стала быстро улетучиваться. Потоптавшись еще немного, я решил, что пора уходить. И именно в этот момент в глубине дома вспыхнул огонек. Я не поверил своим глазам. Неужели она дома? Огонек стал приближаться, и через несколько мгновений дверь мне открыла пожилая женщина в длинной белой рубахе. На голове у нее красовался старомодный чепчик, а в руках она держала медную старинную лампу, освещавшую ее морщинистое лицо.

Посмотрев на меня строгим, чуть мутным взглядом, старуха сурово сказала:

- Мы ждали тебя еще утром. Проходи!

И она посторонилась.

Меня явно с кем-то спутали, но я ничего не сказал и лишь молча переступил порог дома. Свет от лампы был тусклым и не позволял увидеть многое: лишь пару обшарпанных диванов да низкий журнальный столик на трех ножках.

Прошаркав мимо меня, старуха буркнула:

- Жди здесь.

- Мэм, включите свет - я темноты боюсь, - ляпнул я первое, что пришло мне в голову.

Старуха что-то пробормотала себе под нос, но свет зажгла. И тут я обомлел. Все стены были заставлены книжными шкафами, в которых плотными рядами стояли или лежали самые настоящие книги. На меня это произвело ошеломляющее впечатление. Такого количества книг я не видел даже в музеях. Неужели когда-то во всех домах находились такие библиотеки? Вряд ли. Они занимают слишком много места. Куда удобнее электронные хранилища.

Я не удержался и протянул руку к одной из книг. Прикоснувшись подушечками пальцев к ее корешку, я ощутил шероховатость материала. Аккуратно вытащив реликт, я открыл его на первой попавшейся странице, и мне в ноздри ударил странный едковато-кисловатый запах, от которого тут же защекотало в носу. Я громко чихнул. Обветшавшие и пожелтевшие от времени страницы казались хрупкими и готовыми в любой момент рассыпаться у меня в руках. Испугавшись, что этим все и закончится, я быстро захлопнул книгу и поставил ее на место.

- Не привыкли нынче люди к настоящим книгам, вот и чихают от бумажной пыли, - услышал я голос хозяйки дома.

Обернувшись, я посмотрел на пожилую женщину. Она поманила меня к себе пальцем, и я послушно подошел к ней.

- Вот это надо передать получателю, - сказала старуха, протягивая мне толстую тетрадь.

Я взял тетрадку в руки, и из нее тут же что-то выпало и мягко спланировало на пол.

- Какой неуклюжий! - возмутилась старуха.

- Извините, мэм, случайно получилось.

Я нагнулся и поднял всю в изломах и с неровно оторванным краем старинную фотографию, запечатанную в непроницаемую пленку, на которой была запечатлена красивая молодая женщина.

- Кто это? - спросил я, рассматривая фотографию.

Старуха кинула на нее безразличный взгляд и, пожав плечами, ответила:

- Я так давно живу, что не помню.

Заложив фотографию между листами, я захлопнул тетрадь и сказал:

- Тогда я пойду.

Старуха открыла мне дверь, и я вышел в прохладу ночи.

Вернувшись в контору, я быстро пролистал страницы тетради. Они были исписаны математическими уравнениями, странными символами и схемами. Ни одного слова. Настоящая головоломка, которую я очень хотел разгадать, но времени было в обрез, и я, сунув тетрадь во внутренний карман пиджака, начал готовить документы по беглецам. От работы меня отвлек звонок. Это был Лоренц.

- Есть новости, - заявил он, как только его лицо проявилось на линзах очков. - Конкурирующая контора поймала одного парня. Он ошивался около того самого дома, где когда-то жил профессор.

Я напрягся. А вот и курьер нашелся.

- Когда?..

- Час назад. Так что можешь туда не соваться.

- Я только что оттуда вернулся.

- И?..

- Ничего. Профессор там не живет. Его дочь тоже. Только старуха. А что за парня там взяли?

- Обыкновенный курьер. Работает в одной небольшой фирме. Неделю назад им поступил заказ. Нужно было забрать что-то из этого дома и передать это что-то завтра в руки некоего гражданина в Новой Зеландии. Парни у этих курьеров все заявки просмотрели. Действительно есть такой заказ.

- Думаете, у банка будет сам профессор?

- Не думаю. Поэтому по-прежнему нас интересует только его дочь. Ты должен ее поймать. Миллион кредитов.

- А что старуха? Ее арестовали? - поинтересовался я, стараясь вложить в свой голос максимум равнодушия, на которое только был способен.

- Да кому она нужна! Уверяет, что никого не видела, ничего не знает, вот только я ей не верю. Эх, знать, где там камеры слежения установлены, думаю, мы много интересного узнали бы.

Я хорошо понимал, о чем говорил шеф. Официально считалось, что камеры слежения в Центральной Америке, как и еще в парочке подобных мест, где находились самые значные курорты мира, якобы не устанавливались. На самом деле скрытые камеры в этих местах были повсюду и предназначались для слежки за политиками и толстосумами. И желающих заполучить информацию о буйствах развлекающейся публики было много.

- А если запросить информацию со спутников? - предложил я.

Лоренц расхохотался:

- Софи, ты порой, как наивное дитя! С каких пор военные помогают Департаменту Безопасности? Они ненавидят друг друга. Забудь!

- Шеф, а Вам не кажется странным, что той старухе явно больше ста пятидесяти лет, а ее никто не трогает?

Лоренц помолчал, а затем ответил:

- Кто их разберет. Это не наша забота. В списках беглецов она значится?

- Нет.

- Так почему у нас должна болеть голова?

Ровно в пять вечера я прибыл в Дом Забвения и, быстро поднявшись на второй этаж, вошел в комнату ожидания. Мои беглецы находились уже там, под присмотром двух полицейских из ДОБа. По всей видимости, их уже успели накачать убойной дозой транквилизаторов - движения были заторможенными, а взгляды безжизненными и потухшими.

Кивнув полицейским, я направился к стойке администратора, за которой стоял полный мужчина в черном костюме. Проведя ладонью по густой шевелюре, он обратился ко мне:

- Вы Софи Краут?

- Да.

- У нас все готово для проведения ритуала. Вам осталось только подтвердить свой статус и получить деньги.

Я приложил ладонь к дисплею на поверхности стойки. Тот мгновенно считал мой биор и на нем высветились цифры. Пятьдесят?

Я перевел взгляд на администратора.

- Простите, но тут какая-то ошибка. Мне должны были перевести шестьдесят кредитов...

- Никакой ошибки нет, - ответил администратор и снова провел ладонью по волосам. К нам доставили пять беглецов. По десять за каждого. Итого пятьдесят.

Я обернулся. Пересчитав подопечных, я поманил к себе пальцем одного из полицейских и спросил:

- Где еще один?
- Скончался по дороге от разрыва сердца, - отрапортовал тот.
- Вы готовы? – услышал я за спиной голос администратора.
- Да. Готовы.

Он набрал на дисплее код, и раздвижные двери из непроницаемого матового стекла бесшумно разъехались в разные стороны, пропуская нашу группу внутрь.

Ненавижу эту часть своей работы. Каждый раз, когда я попадаю в Комнату Упокоения, меня прошибает пот либо бьет озноб. Я не раз задавался вопросом, что буду чувствовать сам, когда наступит мой черед. Может, к тому времени изменятся законы или все снова начнут быстро стареть? Или, к примеру, наш мир перестанет существовать?.. Хотя, возможно, ничего не изменится и мне придется сделать этот чертов выбор: спокойно уйти из жизни под действием препаратов или бежать и скрываться, как это делают многие другие.

Нас уже ждали две женщины в длинных черных платьях с кружевными белыми воротничками. Пока полицейские снимали пластиковые наручники, я от нечего делать принялся рассматривать убранство комнаты, в которой не был месяца полтора. Она ничуть не изменилась. Все те же бежевые стены, приглушенный свет и светло-пепельные перегородки, делящие пространство на несколько частей. Интересно, какое количество уходящих ежедневно проходит через это место? Я начал было производить в уме арифметические действия, но от этого занятия меня отвлек администратор.

- Вы хотите присутствовать при подключении к капельницам? – услышал я его вопрос.
- Нет, увольте. Предпочту, если за меня это сделает кто-нибудь другой.
- Тогда Вы можете идти. Если хотите, я выпущу Вас здесь, но лучше через основной зал. Оттуда ближе к portalу.
- Знаю.

Направляясь к выходу, я краем глаза видел, как беглецов по очереди уводят за перегородки. Там, уложив их на красиво убранные каталки, им наденут наушники, а в вену введут иглу от капельницы, в которой их дожидается «Зов Предков» - специальный коктейль для безболезненного ухода из жизни.

В основном зале было многолюдно. Пришедшие проститься томились в ожидании: одни просто стояли, уткнувшись в свои гаджеты, другие тупо слонялись из стороны в сторону, а третьи смотрели рекламу на телепанелях.

Я стал пробираться к выходу, и тут мой взгляд наткнулся на лицо молодой женщины. От неожиданности я чуть не споткнулся. Это была она – женщина со старинной фотографии. Один в один. Только моложе и волосы темнее. Дочь профессора? Возможно.

Мисс Зарин стояла около заплаканной женщины и о чем-то тихо с ней разговаривала. Почувствовав, что на нее кто-то смотрит, она повернула голову в мою сторону и замолчала. Глупо было стоять и продолжать пялиться на нее. Мне ничего не оставалось, как подойти к ним.

- Добрый вечер, - поздоровался я, не сводя глаз с мисс Зарин.
- Она ничего не ответила, только кивнула в ответ, а ее спутница спросила:
- Вы пришли попрощаться с Фрэнком?
- Да, - соврал я уже четвертый раз за день.
- Женщина слабо улыбнулась и сказала:

- Я совсем не помню Вас. Простите, но у меня сейчас такое состояние...
- Понимаю, - отозвался я и слегка пожал протянутую мне руку.
- Спасибо, что нашли время. Это так странно. Я сообщила всем, кто знал Фрэнка, но, как видите, пришли только Вы и Лизи.

Вот, значит, как. Ее зовут Лизи...

- Вы работали вместе с моим мужем?

- С кем? – не понял я.

Дочь профессора удивленно приподняла одну бровь, а женщина повторила:

- С моим мужем. С Фрэнком.

- Ах, да, - спохватился я. – Нет-нет, встречались иногда.

- Встречались? - женщина сильно сжала в руках небольшую сумочку. – Последние двадцать лет Фрэнк не выходил из дома...

Я поспешил перевести разговор, и, обратившись к Лизи, сказал:

- Давно мечтал с Вами познакомиться, мисс Зарин.

От неожиданности та вздрогнула:

- Я не понимаю...

Она не успела договорить. Появились первые каталки с усопшими, и ее спутница, громко всхлипнув, устремила к одной из них. Лизи поспешила следом.

Я не знал, что мне делать. С одной стороны, я представился знакомым покойного, а с другой, мне абсолютно не хотелось ломать комедию скорби. На мое счастье, сотрудники Дома Забвения не дали растянуть процедуру прощания, и каталки очень быстро увезли в крематорий.

Поддерживая под руку жену Фрэнка, Лизи повела ее к выходу. Я не мог отпустить ее просто так. Догнав женщин у самого порога, я обратился к мисс Зарин:

- Простите, но нам обязательно нужно поговорить.

Лизи в недоумении посмотрела на меня:

- Вы же видите, я сейчас не могу. Позвоните мне завтра. Вы знаете мой номер?

- Это не может ждать до завтра, мисс Зарин.

Жена Фрэнка посмотрела на Лизи и тихо произнесла:

- Не беспокойся за меня, девочка, со мной все будет хорошо. Жаль, что твой отец не смог приехать.

Женщина нежно обняла дочь профессора, и та поцеловала ее в щеку. Слабо улыбнувшись, вдова Фрэнка дотронулась до моей руки и после этого покинула Дом Забвения.

Лизи проводила ее взглядом и повернулась ко мне. Ее взгляд не предвещал ничего хорошего:

- Кто Вы такой? – строго спросила она.

- Мисс Зарин, - начал я.

- Я не мисс Зарин, - перебила она меня, - и я не понимаю, почему Вы уже третий раз обращаетесь ко мне подобным образом.

Я опешил. Ошибиться я не мог. Я был уверен на миллион кредитов, что передо мной стоит дочь профессора.

- Профессор Артур Зарин Ваш отец?

- С чего Вы это решили? – приподняв одну бровь, спросила Лизи.

- Да или нет?

- Что Вы хотите? Я позову охрану!

- Это Ваше право, мисс Зарин, но, если Вы заметили, я пока вежлив с Вами.

Она, отскочив от меня, крикнула:

- Это называется вежливость?!

Несколько любопытных взглядов устремились в нашу сторону.

- Давайте не будем привлекать к себе внимание, - устало сказал я. - Тем более что охрана Вам не поможет. Я – ловец, и она будет полностью на моей стороне.

- Ловец? – от страха у нее расширились зрачки.

И так постоянно! Никто не любит ловцов. Можно подумать, что это мы издали закон, запрещающий жить больше ста пятидесяти лет. Бред! Но нас избегали и боялись, словно мы прокаженные.

- Да, ловец, - подтвердил я. – И мне не хотелось бы применять силу. Итак, начнем сначала. Артур Зарин Ваш отец?

- Предположим, - настороженно ответила Лизи.

- А если хорошо подумать?

Лизи прищурила глаза и, склонив свою голову чуть набок, спросила:

- Скажите, я похожа на идиотку?

- Нет.

- Тогда с чего Вы решили, что я сдам Вам папу? Да, он нарушил закон и купил мне другой биор, но это ведь не сверхпреступление. Тем более прошло столько лет...

- Во-первых, я ничего не решал. Во-вторых, у меня есть то, что очень интересует Вашего отца. Ну а в-третьих, в розыске находитесь Вы.

- Я?! – Лизи ошарашенно уставилась на меня.

- Да, и арестовать я должен Вас. Почему? Этот вопрос не ко мне, я лишь исполнитель.

- Скажите, - сделав шаг назад, спросила дочь профессора, - откуда Вы знаете, что я – это я?

- Это не имеет значения.

Лизи молча изучала мое лицо. Наконец, она сказала:

- Хорошо. Позвольте мне позвонить отцу. Это все какое-то недоразумение, нелепость, и я уверена, что он во всем разберется.

Обычно я сразу скручиваю беглеца, но в данном случае она им не являлась, и я, кивнув головой, ответил:

- Да, конечно.

Пока Лизи говорила по виркому, я, облокотившись о широкую стойку с брошюрами, не сводил с нее глаз. Она была совершенством. Невысокая, тоненькая, словно тростинка, с небольшой грудью и бесподобными ногами. В ней была та изюминка, что сводит с ума. Если бы мы встретились при других обстоятельствах, наверняка у нас мог бы завязаться роман. Мне нравилось в ней все: и как она, разговаривая, пытается заправить непослушную прядь волос за ухо, и как хмурит свой гладкий лоб, и как покусывает свою нижнюю губу. Я смотрел на нее и не мог оторваться.

И именно в тот момент, когда я любовался точеной фигуркой Лизи, одной толстой тетке, проходившей мимо, приспичило остановиться напротив меня, загородив своими необъятными габаритами дочь профессора. Движением руки я попросил отойти ее в сторону, но она, нагло усмехнувшись, повернулась ко мне спиной. Выругавшись, я направился к тому месту, где стояла дочь профессора, и обнаружил, что мисс Зарин исчезла!.. Только что здесь стояла и разговаривала по виркому, а теперь ее нет - она улизнула, воспользовавшись ситуацией. Во мне вспыхнула ярость. Даже не знаю, из-за чего больше. То ли оттого, что из-за собственной глупости потерял хорошие деньги, то ли от обиды, что со мной так подло поступили. Я, как подорванный, завертелся на одном месте. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы мой взгляд не остановился на той самой жирной корове, что загородила от меня дочь профессора. Она все еще стояла на том же

самом месте и с довольным выражением лица уплетала пирожное внушительных размеров. Меня стало обуревать только одно желание – свернуть ей шею.

Я с детства не переношу людей больших размеров. Возможно, из-за того, что еще в школе надо мной постоянно измывался один толстый гаденыш, а детская психика ранима. Увидав мой взгляд, женщина засунула в рот остаток сладкого и с набитым ртом пренебрежительно бросила:

- Чего уставился, урод?

Я сжал пальцы в кулаки и медленно двинулся на нее.

Ее лицо исказилось, а в маленьких, заплывших жиром, глазках вспыхнул страх.

- Билли, Билли! – завопила она во всю мочь.

Заметив краем глаза какое-то шевеление, я повернул голову и в тот же миг получил мощный удар прямо в скулу. Не удержавшись на ногах, я отлетел в сторону и врезался в стоявшую неподалеку каталку с покойным. Падая, я опрокинул ее на себя, и покойник, свалившись, откатился в сторону. Несколько женщин закричали. Выбравшись из-под каталки, я потер ушибленную скулу, стукнул себя ладонью по лбу и, с трудом поднявшись на ноги, попытался сфокусировать свой взгляд на Билли. Мне это удалось, и я увидел перед собой довольно рослого, накачанного мужчину. Рядом с ним, пытаясь подпрыгивать, продолжала верещать тетка:

- Врежь ему, Билли, врежь! Еще раз!

На мое счастье к нам подбежала охрана. Если бы не они, думаю, Билли успел бы размазать меня по стене.

Оказавшись на улице, я первым делом, надев очки, соединился с гаджетом уличных камер. Введя пароль, я подключился к панорамному обзору всех близлежащих улиц и переулков. Лизи нигде не было видно. Тогда я переключился на камеру, установленную напротив выхода из Дома Забвения, и ввел приблизительное время побега. Перед моими глазами пошла запись. Вот жена Френка вышла на улицу, постояла немного и направилась в сторону портала. Я чуть ускорил запись и остановился, когда увидел, как из дверей выбежала дочь профессора и что есть мочи побежала в сторону станции. Это плохо. Если она прошла через портал, я не смогу отследить ее передвижение. Но то, что я увидел дальше, обрадовало и расстроило меня одновременно: из соседнего переулка на большой скорости выскочил электромобиль и сбил бежавшую по улице Лизи. Ее, словно тряпичную куклу, отбросило в сторону, и она упала прямо на тротуар. Не останавливаясь, мобиль скрылся. Лизи, держась за левый бок, медленно поднялась на ноги и, сильно хромая, направилась к небольшому магазинчику. Открыв дверь, она вошла внутрь. Развернув камеру под нужным мне углом, я прочитал вывеску: «Элитный чай из Зазеркалья». Теперь я знал, где могу найти беглянку.

Когда я вошел в магазин, у меня над головой предательски дернулся и звякнул дверной колокольчик. За последние лет двести они снова вошли в моду, но в тот момент у меня было совсем не то настроение, чтобы умиляться его перезвону.

Место, куда я попал, больше напоминало небольшую комнатуху, стены которой были полностью уставлены стеллажами. На их полках уютно расположились емкости, заполненные какими-то травами, лепестками, разноцветными шариками и чем-то еще, внешне очень напоминающим опилки. Посреди комнаты стоял резной столик, на котором помимо небольших электронных весов и сканера красовалась ваза с искусственными цветами. Мое внимание привлек дверной проем, завешанный тяжелой портьерной тканью. Если за ней нет другого выхода, то Лизи могла находиться только там. Не успел я об этом подумать, как ткань шелохнулась и в проеме показалась невысокая худощавая женщина с очень короткой стрижкой. Она производила странное впечатление. Возможно, из-за нарисованных бровей

или из-за шрама, идущего от правого виска через всю щеку, к подбородку. Она шагнула мне навстречу и, оглядев меня с ног до головы, спросила довольно низким для женщины голосом:

- Вы что-то ищите?

- Кого-то, - поправил я ее. – Минут тридцать назад сюда вошла молодая женщина. Где она?

- Вы ошибаетесь, сюда никто не заходил.

- Ошибаетесь, мэ. Это зафиксировали камеры слежения.

Лицо женщины пошло красными пятнами. Приблизившись к ней, я тихо добавил:

- Вы хотите, чтобы через пять минут здесь были представители ДОБа? Женщина, о которой я спрашиваю, находится в розыске и, следовательно, укрывая ее, Вы являетесь пособницей.

Она отпрянула от меня, и я, отодвинув портьеру, вошел в еще одно небольшое помещение, предназначенное для хранения товара. Первое, что бросилось мне в глаза, было сломанное окно-кондиционер - его цифровая картинка снежных гор тускло мерцала. Чувствовался спертый запах воздуха. На полу хаотично валялись большие коробки с товаром. На одной из них, вытянув вперед левую ногу, сидела перепуганная Лизи. Ее лицо было неестественно белым.

Засунув руки в карманы брюк, я сказал:

- Еще раз, здравствуйте, мисс Зарин.

- Сколько можно повторять: у меня другое имя, - тихо сказала она.

- Мисс Зарин, меня абсолютно не интересует Ваше нынешнее имя – это будет выяснять ДОБ, - я достал из кармана брюк пластиковые наручники. – Во всей этой истории меня огорчает то, что я, доверяя Вам, позволил обмануть себя.

Лизи сильно втянула в себя воздух:

- Что теперь об этом говорить... Странно все это.

Она с трудом поднялась на ноги и, сплетя вместе пальцы, протянула их вперед.

- Сожалею, но теперь я вынужден надеть на Вас наручники и доставить...

Договорить я не успел. Сильный удар по затылку заставил меня замолчать. Комната закружилась перед глазами, и я, схватившись обеими руками за голову, обернулся назад. За моей спиной, с искаженным от ненависти лицом, стояла женщина с нарисованными бровями. Она что-то кричала мне, но я ничего не слышал - в ушах звенело. Скользнув растерянным взглядом по ее лицу, я попробовал сделать шаг вперед, но упал и потерял сознание.

Очнулся я от того, что меня кто-то похлопывал по щекам. Открыв глаза, я увидел лицо склонившегося надо мной моложавого мужчины.

- Вы кто? – хриплым голосом спросил я.

- Владелец магазина.

Он помог мне подняться и, усадив на табурет, подал стакан воды. С жадностью выпив всю воду, я вернул стакан и стал ощупывать затылок. Нащупав большую шишку, я поморщился.

- Крови нет, - поспешил успокоить меня хозяин. – Вы легко отделались. Ваза была тяжелая.

- Как Вас зовут?

- Том Брук, - он опустился на колени и стал собирать с пола многочисленные осколки.

- Смотрите не порежьтесь, - предостерег я, продолжая ощупывать шишку, - лучше щеткой подмести.

- Нет у меня здесь щетки, - сказал Том, - если бы знал, что в моем магазине развернутся боевые действия, то принес бы из дома.

- Я не видел Вас здесь.

- А меня и не было. Я домой ходил.

- И оставили магазин открытым?

- Я попросил присмотреть за ним покупательницу. А что мне оставалось делать? Сюда ввалилась молодая девица и стала что-то сумбурно говорить о мобиле, который ее сбил... Что бы Вы сделали на моем месте?

- Вызвал бы медиков и ДОБ.

Он бросил несколько осколков в пустую коробку и поднялся с колена:

- Я и хотел вызвать врачей, так она не дала. Попросил ее уйти, а она ни в какую. Вот я домой и пошел. Я тут рядом живу.

- А домой-то зачем?

- За обезболивающим.

- Вы хотите сказать, что храните лекарства дома?

Это запрещено законом.

Том, нагнувшись, подобрал еще пару осколков.

- Думаете, я не знаю? Но мне много лет, и возраст дает о себе знать. Через неделю стукнет сто тридцать два года. Силы и здоровье уже не те... Суставы болят, одна почка отказала... Впрочем, думаю, Вам это знать не интересно.

- Почему сами не обратитесь к врачам? Они быстро все заменят.

Том криво улыбнулся:

- А Вы в курсе, сколько это стоит? Мне дешевле лекарство купить у нелегальных торговцев, чем отработать предоставленные кредиты.

- Хорошо. Но зачем Вы ей хотели дать лекарство?

- Чтобы ушла быстрее, - пояснил Том. - Мне не нужны неприятности. Может, она врала, что ее мобиль сбил.

- Что произошло дальше?

- А что произошло? - удивился он. - Отсутствовал от силы минут пятнадцать. Возвращаюсь, а тут такое! Вы на полу, покупательница пытается стащить целую коробку ценнейшего чая... За что они вас так?

- Понятия не имею, - ответил я. - Возможно, они были в сговоре и хотели Вас ограбить, а я случайно зашел и помешал.

Мужчина помолчал немного и сказал:

- Думаю, Вы правы... Простите, я не спросил Вашего имени.

- Алекс, - не моргнув глазом, представился я и добавил, - то, что Вы, Том, пошли домой, спасло Вам жизнь. Они могли разбить вазу и об Вашу голову.

Хозяин тяжело вздохнул и, выбросив осколки, протянул мне какой-то сплюснутый предмет:

- Это, кажется, Ваше.

Он оказался прав. Этим предметом оказались мои очки, только полностью искореженные. Видимо, кто-то уничтожал их с большим наслаждением. И я, кажется, догадываюсь, кто. Повертев в руках испорченный девайс, я бросил его в коробку с мусором. Взглянув на хозяина, я поинтересовался:

- Так Вы ее отняли?

- Что? - не понял Том.

- Коробку с чаем.

- Ах, это! Конечно. Активировал парализатор – и всё, дамочки успокоились. Он ткнул пальцем в сторону.

Я перевел взгляд и обомлел. У стены, притулившись к ней спиной, сидела Лизи. Чуть в стороне от нее, лицом вниз, лежала та самая покупательница с нарисованными бровями.

Поднявшись с табурета, я был вынужден снова сесть. Моя голова просто раскалывалась от боли.

- Лекарство где? – скривившись от боли, спросил я Тома.

Тот поморгал глазами, видимо, вспоминая, куда положил обезболивающее, затем суетливо проверил все свои карманы и, нащупав пакетик с порошком, протянул его мне. Я быстро открыл его и высыпал содержимое в рот. Порошок имел приторно-сладкий вкус, но действовал на удивление быстро – боль стала отступать. Поднявшись, я подошел к женщинам и присел на корточки. Глаза Лизи были широко открыты, а пальцы рук неестественно вздрагивали. Было видно, как ей тяжело дышать. Итак, парализатор. Откуда он у хозяина? Их запретили законом лет четыреста назад. Спросить его? Он вряд ли скажет правду... А штука-то убойная – действует на центральную нервную систему, парализуя ее практически полностью. Если не ошибаюсь, то у многих возникали ожоги. Я стал вспоминать, сколько по времени длится воздействие парализатора на человека. Кажется, до четырех часов... Внезапно меня стало подташнивать.

Я повернул голову к хозяину магазина:

- Том, а это точно было обезболивающее?

Тот оторвался от подсчета коробок и взглянул на меня:

- Да. Я его почти каждый день принимаю.

- Странно, – сказал я. – Меня тошнит от него.

- Может, это последствие удара? – предположил Том и вернулся к своему занятию.

Все может быть. Я снова посмотрел на женщин.

- Как долго они находятся в отключке? – спросил я, борясь с позывами рвоты.

- Минут тридцать, – откликнулся он.

Я передвинулся поближе к покупательнице и перевернул ее на спину. Платье на ней задралось, и от увиденного я присвистнул. Дама оказалась совсем не дамой. Теперь понятно, почему он так испугался, когда я упомянул о ДОБе. Уже лет семьсот гомосексуалисты, лесбиянки и прочая братия нетрадиционной ориентации были вне закона. Если кто-нибудь из них попадал в поле зрения ДОБа, то ничего хорошего их не ждало. Ну что же, посмотрим, что с этой личностью. Лоб и часть подбородка приобрели ярко-красный цвет. Вот и обещанный книгами ожог. Но самым неприятным было то, что нетрадиционщик не дышал. Я попробовал нащупать пульс сначала на шее, потом на руке. Он не прощупывался. Неужели труп? И тут я вспомнил, что парализатор был опасен для сердечников.

Поднявшись, я повернулся к Тому. По нему было видно, что он сильно напуган – кровь отхлынула от его лица.

- Боги, помогите мне! – запричитал хозяин магазина и бросился ко мне. – От чего он... она... оно умерло? Это ведь был всего лишь парализатор!

- Он опасен для сердечников, – ответил я.

Схватив меня за плечи, Том заорал мне прямо в ухо:

- Но в наше время не бывает проблем с сердцем! Генетики проверяют эмбрионы! Прошу Вас, помогите мне! Я не хотел! Я защищался! Я не хочу в тюрьму!

От его визга головная боль возобновилась и подкатила к вискам. У меня свело скулы и на глаза опустилась пелена. Я оттолкнул его от себя и тихо сказал:

- Во-первых, и генетики могут ошибаться, а, во-вторых, он мог быть рожден естественным путем.

- А биор?

- Куплен на черном рынке! – я начинал терять терпение. - Вы лучше скажите, где взяли парализатор? Только правду!

Том закивал головой и быстро заговорил:

- У отца, а тот у своего. Когда мой папа умер, я стал носить его при себе. В наше время безопасность не помешает. Смотрите, он так похож на обыкновенный брелок! Никто и не догадывался. Вы... Вы поможете мне? Я ведь помог Вам... Вас тоже могли убить...

Я молчал. Он снова приблизился ко мне и шепотом предложил:

- Давайте избавимся от него. У меня есть небольшой автобус. Перевезем тело куда-нибудь и выбросим там...

Идея мне понравилась.

- Хорошо. Подгоняйте мобиль.

- Только никуда не уходите, - жалобно попросил Том, - я скоро.

- Не уйду, - пообещал я.

Как ловец я обязан был доложить о произошедшем в Департамент, но во мне боролись два желания: деньги и Лизи. Я хотел получить кучу кредитов, но не хотел отдавать им мисс Зарин.

Пока Том бежал за своим автобусом, я вошел в программу камер слежения через виркомовский браслет нетрадиционщика. Как полезно иногда напиваться с Лоренцом. Можно узнать столько интересного. На одной из таких попоек он выложил код доступа в программу. Теперь я мог не только управлять камерами, где бы они ни находились, но и удалять из их памяти любую информацию, что я и сделал. Теперь никто не узнает, что Лизи была в Доме Забвения и разговаривала со мной. Впрочем, как и то, что мы провели некоторое время в чайном магазинчике. Чтобы не оставлять следы своих пальцев, я аккуратно вытер браслет подолом платья.

Том подогнал свой автобус вплотную к дверям и полностью загородил вход в магазин от камер наблюдения и посторонних глаз. Запихнув тело в одну из больших коробок, мы затащили ее в салон автобуса, после чего я аккуратно перенес и Лизи. Том пристроился около коробки, а я, преодолевая головную боль, сел за руль и нажал на газ.

У меня было странное видение: большая черная воронка, вращающаяся со страшной силой. Было очень страшно и я, падая в нее, знал, что там меня ждет конец... И тут из ниоткуда появилось лицо Лизи. Она улыбалась и смотрела на меня так ласково... Я слышал шепот, но не понимал ни одного слова. Потом ее лицо приблизилось к моему и она меня поцеловала – сначала в лоб, затем в подбородок, щеки и глаза. И мне стало так хорошо...

Нет, это не поцелуй. Я явно ощущал на лице чей-то влажный язык. Хвост. Конечно, это же мой Хвост вылизывал меня. Учувя, что я пришел в себя, он заскулил, и его пушистый хвост заработал в бешеном ритме. С трудом разлепив веки, я приподнялся на локтях. Странно, но я находился дома и лежал на своей любимой тахте. Мой пес стоял рядом и, виляя хвостом, преданно смотрел мне в глаза. Протянув руку, я погладил его по голове. Хвост в ответ лизнул мою руку.

- Как я здесь очутился? – спросил я у него, с трудом поднимаясь на ноги.

Хвост протянул:

- Ве-ече-ерр. Бо-олно-о. У-упа-ал...

Я ничего не помнил. Вернее, помнил, как с трудом доехал до ближайшего транспортного портала и, проехав через него в какой-то отдаленный уголок мира, выкинул

коробку с трупом в ближайший овраг. Меня сильно рвало, голова раскалывалась, но я нашел в себе силы и довез всех обратно. А дальше провал в памяти...

С кухни доносились приглашенные голоса, и я в сопровождении Хвоста буквально вполз туда. За большим кухонным столом сидели Анна, Альберто и Лизи, укутанная в теплое одеяло. Увидав меня, Анна с причитаниями бросилась ко мне. Альберто еле поспевал за ней. Они помогли мне добраться до стула, и я, усевшись на него, рассеянно посмотрел вокруг себя. Анна подала мне чашку горячего бульона.

Я отхлебнул немного, обжегся, поморщился и, посмотрев на Лизи, спросил:

- У меня только один вопрос: как я оказался дома?

Анна, смахнув с глаза слезинку, затараторила:

- Вечером прибежал Хвост. Он был так взволнован, что не мог ничего сказать. Но мы поняли, что с тобой произошла беда.

Ее перебил Альберто:

- Прибежали к тебе домой. Тебя рвет в ванной, рядом лежит эта женщина и задыхается. Ты, когда нас увидел, пытался что-то сказать, но речь была невнятная. Анна вызвала Андре, нашего младшего. Ты должен его помнить.

Я кивнул головой, хотя абсолютно не мог вспомнить, как выглядит их сын.

- Андре ведь врач, и хороший врач, - продолжал старик. - Он обследовал тебя и сказал, что ты чем-то отравился. А после того, как наш мальчик ввел тебе какие-то препараты, ты сразу отключился. Андре и подруге твоей помог.

- А почему ее лихорадит?

- Такая реакция на лекарство, - вмешалась Анна. - Софи, скажи, ты балуешься наркотиками? Как те, что боятся жизни?

- Нет, - успокоил я стариков. - Меня ударили, сильно болела голова и мне дали обезболивающее ...

Альберт и Анна вздохнули с облегчением.

- Поэтому у тебя на голове такая шишка? - Анна нежно погладила меня по затылку. - А кто ударил?

Ойкнув от прикосновения, я попытался пошутить:

- Один добрый самаритянин.

- Ты бульон попей, тебе сейчас восстановиться нужно, - попросила Анна.

Я слабо улыбнулся и выполнил ее просьбу.

- Мы пойдем, Софи, - сказал Альберто. - Скоро внуки проснутся.

Он поднялся и, бережно поддерживая жену под руку, повел ее к двери. Я тоже встал, чтобы проводить супругов. То ли бульон помог, то ли их сын действительно оказался отличным врачом, но я твердо стоял на ногах и - самое главное - у меня не болела голова. Поцеловав на прощание Анну, я выпустил Хвоста и вышел следом за ним во внутренний дворик. Прижавшись спиной к стене дома, я прикрыл глаза и позволил прохладному ноябрьскому ветерку, впитавшему в себя запах моря, омыть меня своими ленивыми порывами. Я наслаждался его прикосновениями к моей разгоряченной коже, и у меня было ощущение, что он словно очищает мое тело от какой-то серой массы, облепившей меня за последние двое суток. Едва слышное шевеление сбоку заставило меня открыть глаза. Я повернул голову и увидел Лизи. Она стояла в проеме двери, и ее по-прежнему потрясывало.

- Хочешь кофе? - спросил я ее.

- Я не люблю кофе, - ответила она, кутаясь в одеяло. - Я никак не могу согреться. Можно, я приму душ?

- Да, конечно. Пойдем, я тебя провожу...

Ее не было целый час. Когда она, наконец, вернулась, я допивал уже четвертую чашку кофе с джемом. Хвост, развалившись у моих ног, громко сопел. По тому, как покраснелись ее лицо и руки, я понял, что она долго стояла под струями горячей воды, а зачесанные назад влажные волосы придавали ей трогательность.

- Я заварил тебе чай. Будешь?

- Спасибо, - она села за стол напротив меня, - а где другая женщина?

- Кто? Анна?

- Нет, другая, из магазина, - сказала Лизи, наблюдая, как я наливаю чай в чашку.

- Умерла.

- Жаль.

- Это как сказать...

Лизи как-то странно посмотрела на меня, но промолчала.

Я подвинул к ней чашку:

- Могу я спросить тебя?

Лизи кивнула головой.

- Ты вчера сказала, что отец купил тебе биор. Это правда?

- Да.

- Но ведь все биоры на учете.

Она помотала головой:

- Нет, не все. Есть неустойчивые биоры. Их еще называют хамелеонами. Они могут спокойно сосуществовать с биором, что дан человеку при рождении.

Я был поражен.

- Откуда у тебя такая информация? - осторожно спросил я.

Обняв ладонями чашку с чаем, Лизи ответила:

- От отца. Их давно выпускают. Для разведчиков, политиков, некоторых ученых.

- Расскажи подробнее, - попросил я.

- Если кратко, то эти биоры можно запрограммировать таким образом, что каждые две-три недели они будут самостоятельно менять имя и номер регистрации владельца.

- Значит, твой отец купил себе такой биор?

- Нет. Моему отцу такой биор вживили. А для меня он купил. У одного человека в Центральной Америке. Тот работал в инкубаторе, и у них умерла малышка. Вот ее биор мне и достался.

- Ясно... Скажи, а ты, случайно, не помнишь, как мы сюда добрались? Ты не согласишься, но я ничего не помню. Провал полный.

Лизи слегка нахмурилась:

- У меня самой мутные воспоминания. Но, насколько я помню, ты принес меня на плече.

- И что было дальше?..

- Ты внес меня в ванную, положил на пол, что-то крикнул своей собаке, и она убежала. А потом нас нашли старики. Еще я помню, как ты кому-то звонил...

Я взял со стола пачку сигарет и закурил. Лизи посмотрела на меня и тоже взяла одну. Сделав глубокую затяжку, она сказала:

- Я давно не курила настоящие сигареты. Откуда они у тебя?

- Альберто выращивает табак.

- Вы не боитесь, что кто-нибудь донесет? Разрешены только электронные, да и то не везде.

- Не боимся, - ответил я и задал еще один вопрос. - А ты не помнишь, с кем я разговаривал?

Лизи пожала плечами:

- Я плохо помню, но, кажется, ты называл его Лоренцем.

Лоренц? Интересно, а зачем я звонил шефу?

И тут Лизи меня поразила.

- Ты накричал на него и назвал мерзавцем.

- Как? – оторопел я.

- Ты слышал, - отрезала Лизи.

- Должна же быть какая-то причина...

- Прости, но я не в курсе.

Потушив сигарету, я поднялся и направился в комнату. Куда я мог деть свой браслет? Его нигде не было видно. Я вернулся в кухню.

-Хвост! - скомандовал я.

Пес тут же вылез из-под стола.

- Я куда-то дел вирком, - сказал я.

- По-оте-ерря-я? – уточнил он, склонив голову на бок.

- Посмотри в ванной комнате, - подсказала Лизи.

Хвост выбежал из кухни. Через пару минут пес вернулся – его хвост был задран кверху, а в пасти он держал мой браслет.

- Умница! – похвалил я его и потрепал по холке.

Усевшись за стол, я посмотрел на Лизи:

- А ты не помнишь, откуда я звонил Лоренцу?

- С моего виркома, - сказала Лизи. – А кто такой Лоренц?

- Мой шеф, - ответил я и добавил. – Думаю, что после вчерашнего – бывший.

- Он плохой человек?

- Нет. Нормальный.

- Скажи, за мое задержание была назначена какая-то премия?

- Да, - ответил я.

- Сколько?

- Миллион кредитов. Лоренц наверняка забрал бы себе процентов семьдесят, но и триста тысяч большие деньги. Я мог бы взять отпуск на несколько месяцев.

Увидав, как Лизи побледнела, я замолчал.

- И что ты собираешься делать? - осторожно поинтересовалась она.

- Ничего. Можешь идти куда захочешь.

- А что будет с тобой?

- Он меня точно уволит, еще и жалобу подаст в Департамент о неподобающем поведении, и мне запретят работать ловцом, а это единственное, что я умею делать. Так что ни работы, ни денег...

- А если я компенсирую твою потерю?

- Ты? - я взглянул на Лизи и расхохотался.

- Что смешного? – она с удивлением посмотрела на меня. – Да. Компенсирую. Ты получишь тот самый миллион кредитов. Устроит?

Я перестал смеяться.

- Какой насыщенный событиями день, - сказал я. – Кстати, ты заметила, как мы с тобой легко перешли на «ты»?

- Это так важно? – удивилась Лизи.

- Откуда у тебя столько денег?

- Не важно. Я готова прямо сейчас перевести их тебе.

Я перестал улыбаться.

- Ты это серьезно?

- Разумеется, - ответила она.

Я посмотрел на часы. Восемь утра. Надо еще раз выпустить Хвоста, дать ему покушать, принять душ... Один миллион... Мои самые дерзкие мечты стали приобретать очертания. С такими деньгами можно не работать. Вложить их куда-нибудь, а самому сидеть дома с собакой и наслаждаться тихой деревенской жизнью. Буду брать уроки живописи у моего соседа-художника.

Я поднялся и достал из шкафа собачьи консервы. Открыв банку, я вывалил все содержимое в миску. Хвост с довольным урчанием тут же потянулся к еде. Все это время Лизи внимательно наблюдала за моими действиями. Поймав на себе ее взгляд, я решил пошутить:

- Кого я должен буду убить за такие деньги?

- Никого. Я их тебе дарю, - ответила Лизи.

- Кстати, у меня скоро день рождения. А если серьезно?

- Будем считать, что это плата за мою свободу.

- Это довод, - согласился я. – Переводи!

Она что-то набрала на своем виркоме и сказала:

- Мне нужен номер твоего биора.

Я назвал.

Выполнив еще несколько действий, дочь профессора взглянула на меня:

- Готово!

Мой браслет пикнул – это пришло сообщение из банка, подтверждавшее поступление средств на мой счет. Мое сердце истошно заколотилось в груди. Целый миллион! Я никогда не думал, что буду владеть такой суммой. Чтобы успокоиться, я подошел к стенному буфету и достал из него небольшой графинчик с виски. Вернувшись к столу, я спросил:

- Хочешь выпить?

- Нет, - покачав головой, ответила Лизи.

- А я выпью.

Плеснув виски в чашку, где еще оставалось немного кофе, я залпом выпил пахучую янтарную жидкость и только после этого смог здраво мыслить.

Несмотря на ссору с Лоренцем, я должен был предупредить его, что не выйду на работу. Я набрал его номер. Мне ответила Эдит. Немного помявшись, я все-таки сказал:

- Привет, Эдит. Передай Лоренцу, что я тут немного приболел и в ближайшее время не появляюсь в офисе, так что пусть он перебросит кому-нибудь список беглецов.

- Приболел? – насмешливо переспросила меня Эдит. – И, конечно, перед этой болезнью современная медицина бессильна.

- Брось, Эдит, можно подумать, что ты не в курсе. Шеф очень злится?

- Первое: ах да, я что-то слышала. И второе: он тебя уволил.

- А может, Лоренц все-таки поговорит со мной?

- Плохая идея. Что-то еще?

- Слушай, ты скажи ему, вчера такое произошло... Короче, я и сам толком не понимаю, что... Одним словом, я ничего не помню.

- Как интересно! Кстати, вчера ты позвонил не вовремя. Лоренц делал мне предложение.

- Неужели? Поздравляю. Надеюсь, ты согласилась?

- Согласилась. Так что, Софи, на правах его почти что жены хочу тебе кое-что сказать. Я всегда знала, что ты неблагодарный щенок! Он столько сделал для тебя, всему научил, а ты его вчера так оскорбил. Запомни, ты никогда не вернешься в контору – и я позабочусь о том,

чтобы никто из наших конкурентов тебя не подобрал! Ты теперь всю свою жизнь будешь бегать в поисках куска хлеба!

Эдит всегда умела нанести удар. Придется дать сдачи.

- Я тоже тебя люблю, дорогая! Наконец сбылась твоя мечта. И муж, и деньги. Правда, Лоренц жмот и вряд ли позволит тебе тратить свое состояние. Но меня успокаивает только одно – твой будущий муж сумеет с честью проводить тебя в ближайший Дом Забвения и проконтролировать, чтобы по пути ты никуда не пропала. Ведь в прошлом он тоже ловец. Тем более что ждать осталось не так долго.

Сказав это, я нажал на отбой. Представляю, как сейчас бесится Эдит. Впрочем, какое мне теперь до этого дело?

Мы с Лизи курили на кухне. Я показал ей тетрадь и фотографию женщины. Тетрадь ее не заинтересовала, а вот фотографию она рассматривала долго.

- Ты очень похожа на нее. Это твоя мать?

- Не знаю. Отец никогда мне не рассказывал о ней, - сказала она, засовывая снимок между страниц.

- Лизи, ты знаешь, где твой отец? – спросил я.

- Знаю, - ответила она и посмотрела на часы.

Она явно кого-то ждала, но я не решился спросить ее. Вместо этого я задал ей банальный вопрос:

- Куда ты теперь пойдешь? Тебя ищут.

Она посмотрела на огонек своей сигареты и спокойно ответила:

- Меня скоро здесь все равно не будет.

- Куда же ты денешься?

- Уйду в Зазеркалье вместе с отцом, - ответила она и затушила сигарету.

Вот это да! Такое положение дел меня совсем не устраивало. Она мне нравилась, и я надеялся на то, что теперь, после того как я стал богат, она посмотрит на меня другими глазами. Кто сказал, что я недостойн любви? Ведь любят меня в этом мире целых три существа: Анна, ее муж и Хвост. Мне безумно хотелось, чтобы к этой компании присоединилась и Лизи. Это сделало бы меня самым счастливым человеком на свете.

- Зачем он хочет уйти туда?

- Папе нужно вернуться в прошлое.

- И как он это сделает?

- Один человек должен достать для него коды, - ответила Лизи.

- А человек надежный?

Лизи улыбнулась:

- Очень. Я собираюсь за него замуж.

Мне словно дали под дых. Чтобы не показать собственное смущение и эмоции, вызванные ее словами, я встал и подошел к окну. За ним по песчаному берегу бродили трое детишек и собирали ракушки. Еще один строил замок из мокрого песка.

- Когда собираешься встретиться с отцом?

- Он сам сюда прибудет.

Я удивленно посмотрел на нее:

- Ко мне домой?

Лизи кивнула.

- А он знает, как меня найти?

- Я сказала ему, как. Еще утром, когда была в душе.

Я потер свою шею рукой:

- Но ты не знаешь код местности.

- Знаю. Вчера, когда ты тащил меня на себе, то все время со мной разговаривал.

- И, разумеется, озвучил код, - закончил я за нее.

- Нажимая кнопки, ты называл их вслух.

- Понятно, - сказал я.

- Ты должен знать, я тебе очень благодарна.

Лизи хотела что-то еще сказать, но в этот момент входная дверь с грохотом распахнулась, и в дом быстро вошел высокий чернокожий парень, на котором буквально висел щуплый старик. Хвост, дремавший под столом, тут же подскочил и, наострив уши, зарычал при виде незнакомцев.

- Папа! – воскликнула Лизи и бросилась к старику.

Она помогла дотащить профессора до стула и, усадив его, стала растирать морщинистые руки. Профессор, уронив голову на грудь, тяжело дышал, и по его лицу струились капли пота.

Хвост, усевшись около моих ног, протянул:

- Ну-уже-ен врра-ач.

- Вижу, - сказал я. – Беги к Анне.

Хвост поднялся, но Лизи воскликнула:

- Нет! Сейчас все будет хорошо.

Бумажным полотенцем она промокнула отцу лоб, после чего, налив в стакан воды, поднесла его к сухим губам профессора. Тот взял стакан трясущимися руками и, сделав два глотка, поставил его на стол. Откинувшись на спинку стула и закрыв глаза, он тяжело вздохнул.

Лизи, нагнувшись к нему, тихо спросила:

- Ты как, папа?

- Лучше, доченька, лучше, - не открывая глаз, ответил тот.

Лизи погладила его по голове, а затем подошла к чернокожему незнакомцу. Тот обнял ее и поцеловал в лоб.

- Ты останешься? – спросила она его.

- Нет, малыш. Надо еще кое-что сделать. Подожди еще немного.

И он, прижав Лизи к себе, поцеловал ее в губы. Я отвернулся. Мне стало ясно, кем был этот незнакомец для Лизи. У меня за спиной хлопнула дверь. Значит, он ушел. Повернувшись, я посмотрел на дочь профессора - у нее был виноватый вид.

- Это он? – спросил я ее.

Она покраснела и потерев тонким пальцем висок, ответила:

- Он - лучший.

Я хотел уйти, но профессор остановил меня:

- Вы не сядете за стол? – спросил он меня хриплым голосом. – Я хочу поговорить с Вами.

Я выполнил его просьбу. Выпив еще воды, отец Лизи сказал:

- Вы, наверное, удивлены моим состоянием. Дело в том, что у меня агорафобия и без посторонней помощи я не могу выйти на улицу. Впрочем, общаться с большим количеством людей мне тоже тяжело, - он горестно улыбнулся. – Это крайне неприятно: быть полностью выключенным из общественной жизни.

- Откуда у Вас эта фобия? – спросил я.

- Расплата за долгое нахождение в пустых пластах Зазеркалья. Я слишком долго был там...

- Пустых? – я не понимал, о чем он говорит.

- Да... Скотт помог мне добраться до вашего дома. Он очень надежный человек. Дочка, он уже ушел?

Лизи с тревогой посмотрела на отца:

- Папа, как ты себя чувствуешь?

- Нормально.

Его взгляд упал на тетрадь, лежавшую на столе. Дрожащими руками он потянулся к ней.

- Откуда она здесь? – едва слышно спросил он.

Я замешкался. Профессор, открыв тетрадь, обратился к дочери:

- Знаешь, что в ней? Мой труд за несколько столетий. Ее надо беречь. Она и только она поможет мне вернуться обратно.

- Ты говоришь о прошлом? – уточнила Лизи.

- Да.

Я поднялся и, уперевшись кулаками в поверхность стола, спросил профессора:

- Скажите, зачем Вам это надо? Не лучше ли остаться дома и спокойно прожить остаток своих дней?

Лизи посмотрела на меня:

- Если папа останется, то его уничтожат. В конце концов, это не твое дело.

- Ты права! Это не мое дело, - я выпрямился и, сложив руки на груди, стал расхаживать взад и вперед. - Но мне все-таки хочется понять, зачем человеку, чье имя можно вычислить только в том случае, если на него донесут, стремиться в прошлое? Невозможно вернуться туда, откуда ты сам родом. Можно вернуться только в одно из параллельных прошлых. Даже я помню это из школьной программы!

Словно почуяв мое настроение, Хвост подошел ко мне. Я остановился и погладил его по голове.

- Вы правы и не правы, молодой человек, - сказал профессор, рассматривая Хвоста, - мне кажется, или Ваша собака просится на улицу?

Услышав это, Хвост рванул к двери. Лизи выпустила его во двор, а профессор продолжил:

- Так вот, молодой человек, чтобы Вы знали: для того чтобы вернуться в то прошлое, из которого, как Вы выразились, человек родом, надо просто знать, как это сделать. И это знание находится здесь, - профессор похлопал рукой по тетрадке. - К тому же, возвращаясь именно в такое прошлое, мы не встречаем там самих себя. Мы становимся собой. Но! У нас остается та память, что была до перемещения. Приобретенный багаж знаний.

На меня внезапно навалилась усталость, и почему-то пришло в голову, что профессор, подобно вампиру, высасывает из меня всю энергию, а вместе с ней и жизнь. Я не знал, как возразить ему:

- Простите меня, - обратился я к профессору. - Возможно, я человек недалекий и у меня в голове не укладывается все то, что Вы сейчас сказали. Я не понимаю, зачем Вы хотите вернуться назад?

Профессор посмотрел на меня, как на маленького ребенка, неспособного понять элементарные вещи.

- Вас какой ответ устроит: личные причины или в масштабах Вселенной?

Лизи взмолилась:

- Папа, скажи ему!

Подумав пару минут, профессор начал говорить. Его воспоминания лились рекой, и мы с Лизи боялись пошевелиться, чтобы не вспугнуть их. Но мы зря боялись – профессор не

замечал ничего. Даже Хвост, ворвавшийся в дом после прогулки, не смог прервать поток его слов. Мы слушали о его родителях, дедах и прадедах, школе, университете, любви, дружбе, предательстве, работе и многих других вещах. Выходило, что Артур Зарин хотел вернуться обратно лишь по двум причинам: первая – это не дать возможность провести опыты в коллаидере, и вторая причина была в женщине, которую он любил и потерял, когда согласился изучать разломы. В какой-то момент времени, не выдержав этого потока сознания, я спросил:

- А где сейчас находится та женщина?

- Она умерла. Очень давно.

- Ваша дочь очень похожа на нее, - сказал я.

Лизи одними губами сказала: «Замолчи», но я и не собирался останавливаться:

- Профессор, а сколько Вам было, когда появились разломы?

- Сорок два, - ответил он и добавил. - Я возродил ее через Лизи...

- А в какой возраст Вы хотите вернуться?

- В университетские годы, - ответил Артур Зарин, - я очень сильно хочу увидеть своих близких, а спустя двадцать лет и её.

Он поднялся и, засунув руки в карманы своих длинных шорт, подошел к окну.

- А как же Лизи? - не унимался я. - Вы думали о том, где она будет жить, что делать?

- Ну, чем ей заниматься, мы решим на месте, когда попадем туда, - ответил он и стал смотреть в окно.

Я подал знак, и мы с Лизи вышли во двор.

-Твой отец сошел с ума, - почти шепотом сказал я. - Он одержим. Ты понимаешь, что он предлагает?

- Софи, не вмешивайся!

- Лизи, то, что он предлагает – это самоубийство. Во всяком случае для тебя.

- Что ты имеешь в виду? – Лизи в испуге отпрянула от меня.

- А ты не понимаешь? – я на минуту закрыл ладонями лицо. – Если предположить, что он действительно откроет канал именно с его прошлым, то ты погибнешь. Тебя нет в том мире – ты не дойдешь до него. Ты просто растворишься в пространстве! Даже я, не будучи академиком, понимаю это.

- Этого не может быть! – Лизи приблизилась ко мне, - он наверняка все предусмотрел. Иначе зачем ему нужно, чтобы и я ушла в его прошлое? Если бы мне грозила опасность, он бы никогда... Он меня безумно любит.

У меня не было ответа на этот вопрос.

- Послушай, - я притянул ее к себе. – Только сразу не отвечай. Дай мне слово, что подумаешь. Я... я... одним словом, ты мне очень нравишься. Нет, не так. Я влюблен в тебя и знаю, что ты единственная женщина, с которой мне хотелось бы прожить остаток жизни. Если у меня есть хоть небольшой шанс быть вместе с тобой, я пойду за тобой куда угодно, в любой пласт, где люди свободны в своем выборе. И мне не важно, есть ли в том мире виркомы и порталы. Я согласен передвигаться пешком, ездить на поездах, повозках, пахать землю, колоть дрова – все то, что делали наши предки и продолжают делать многие обитатели других миров. Главное – чтобы около меня были ты и Хвост. Прошу тебя, подумай.

И я поцеловал ее. Это был взрыв, который смел все мои сомнения. Теперь я точно знал – мы единое целое и вдвоем преодолеем любые трудности. Наступит день, и она станет моей женой...

Но Лизи оттолкнула меня и, вытерев ладонью свои губы, холодно сказала:

- Я очень прошу, никогда больше не дотрагивайся до меня. Я люблю другого человека.

За окном было совсем темно, когда мне безумно захотелось есть. С того момента, как я поцеловал Лизи и она отвергла меня, прошло несколько часов. Дочь профессора старалась не попадаться мне на глаза и все свое время проводила с отцом. Мой небольшой дом разделился как бы на две половины: профессор и его дочь обитали в комнате, а я на кухне. Хвост – единственный, кто блуждал по всему дому и валялся там, где ему хотелось. Привыкнув к тому, что почти каждый день еду мне приносила Анна, я редко готовил себе сам. Но сегодня, после бессонной ночи, беспокоить пожилую женщину не хотелось, и я, порывшись в кухонных шкафах, извлек из них немного овощей, хлеба и яиц. Приготовив овощной омлет, я, включив термопот, начал нарезать хлеб.

- Странно, - услышал я за своей спиной голос Лизи.

Я повернулся к ней.

- Странно что?

- Ты не пользуешься одноразовой посудой - вот что странно.

- Пользуюсь, когда вынужден есть вне дома. А тебе не нравится пользоваться обыкновенной?

Лизи пожала плечами.

- Мне как-то все равно.

Нарезав хлеб, я услышал, как отец Лизи, до этого тихо сидевший в комнате, вошел в кухню и, потянув носом, сказал:

- Пахнет довольно вкусно. На нас с дочерью хватит?

- Прошу к столу, - довольно сдержанно ответил я, ставя на стол старинную сковороду, которую мне в свое время выделила из своих запасников Анна. На ней еще продолжала шипеть приготовленная мной трапеза.

Профессор, усаживаясь за стол, внезапно сказал:

- Что-то Скотт задерживается.

Я поставил на стол корзинку с хлебом и спросил:

- Если Вы не получите коды от портала, то как собираетесь проникнуть в Зазеркалье?

- Дело в том, - ответил профессор, - что даже если я и получу те самые коды, то воспользоваться ими не смогу.

- Почему?

- Потому что кроме них у меня на руках должен быть документ, разрешающий находиться на той стороне.

- Тогда, - сказал я, накладывая себе еду в тарелку, - как Вы получите эти документы?

- Все должен сделать Скотт, - ответил профессор, наливая себе в чашку чай.

Индикатор на ней тут же показал, что в чашке находится крутой кипяток. Отец Лизи поднес чашку к губам и большими глотками стал поглощать напиток.

- Вы не боитесь обжечься? – с тревогой спросил я.

Лизи ответила за него:

- Он не чувствует боли, не ощущает холода и может свариться в кипятке с улыбкой на лице.

- У него отсутствует чувствительность? – уточнил я, отправляя в рот кусок омлета.

Лизи взяла тарелку и, положив в нее немного тушеных овощей, подала отцу.

- Что-то в этом роде, - ответила она, усаживаясь за стол. – Это произошло лет двести назад, когда отец со своей группой изучал один далекий пласт пространства. Если кратко, то они обнаружили там странную туманность, попав в которую человек лишается многих своих природных возможностей... Давайте кушать!

Профессор кивнул головой и принялся поглощать свою порцию.

После ужина он ушел в комнату, а Лизи принялась мыть посуду. Я, закулив, уставился в окно. Прошло минут десять, когда в кухню вернулся профессор. Он был чем-то встревожен.

- Папа, что-то случилось? – спросила его Лизи, вытирая тарелки.

- Позвонил Рони, - ответил профессор. - Скотту не удалось достать документы. Мало того, за ним гонятся.

Лизи в ужасе прижала пальцы к губам.

- Что же нам делать?

- Уходить будем через неустойчивый портал.

Услышав его слова, я вздрогнул. Нам чуть ли не с пеленок внушали, что все без исключения порталы находятся под строжайшим контролем ДОБа, в стабильном и надежном состоянии.

- Что значит «неустойчивый портал»? – осторожно спросил я, вынимая из пачки новую сигарету.

Осознав, что сболтнул лишнее, профессор попытался перевести разговор на другую тему, но я не позволил ему это сделать. Неохотно, но ему пришлось рассказать:

- Об этом не распространялись. Есть несколько труднодоступных мест, где образовались такие порталы. На них невозможно установить коды, потому что их поведение непредсказуемо, к тому же они, как правило, ведут только в определенные пласты Зазеркалья.

- Их охраняют? – поинтересовался я.

- Их нет смысла охранять, - сказал профессор. - До них еще надо умудриться дойти. К тому же об этих местах знают лишь несколько человек, в том числе и ваш покорный слуга.

Я взъерошил волосы, затем, поднявшись, подошел к входной двери. Открыв ее, я впустил в дом прохладный вечерний воздух. Прислонившись плечом к дверному косяку, я закрыл глаза и подумал о том, что мой отец, вероятно, каким-то образом узнал о существовании таких порталов и ушел в Зазеркалье через один из них. Если ушел, а не трагически погиб.

- Интересно, - сказал я вслух, - какие еще тайны скрывает от нас ОП?

Эту ночь я проспал без сновидений. Просто лег и отключился.

Когда запищал мой вирком, я открыл глаза и, спустив на пол босые ноги, поднялся с тахты. Широко зевая, я потянулся. Из кухни, цокая когтями, прибежал Хвост и проурчал:

- Го-ости-и.

- Хвост, какие, к черту, гости! Я никого не приглашал!

Почесывая рукой спину, я направился на кухню и оторопел. Вот кого я не ожидал увидеть, так это мою мать. Она сидела за кухонным столом рядом с профессором.

- Господи, - простонал я и, не здороваясь, направился в ванную.

Там я довольно долго простоял под прохладным душем, а воду выключил только тогда, когда в дверь тихонько постучали.

- Софи, у тебя все в порядке? – услышал я голос Лизи.

- Да! – громко ответил я. - Уже выхожу!

Натянув на себя спортивные штаны и широкую футболку, я вернулся на кухню и схватил первое, что попало мне под руку – миску Хвоста.

- Я его уже покормила, - произнесла Лизи, бережно забирая миску из моих рук.

- Спасибо.

- С тобой точно все в порядке? – тихо поинтересовалась она. – Ты какой-то взъерошенный.

- У меня все великолепно, – ответил я и начал глазами искать сигареты.

Как назло, их нигде не было видно. Лизи, пожав плечами, отошла в сторону.

- Хвост, где мои сигареты?

Хвост, вильнув хвостом, пустился на их поиски. Налив себе кофе, я тут же выпил его большими глотками и, стараясь не глядеть на мать, спросил у нее:

- Что ты здесь делаешь? Кажется, мы не договаривались о встрече.

Джул наигранно улыбнулась, а Лизи, смущенная происходящим, подошла к отцу:

- Папа, ты не мог бы уделить мне несколько минут?

- Да-да, конечно. Тем более, мне надо сделать один звонок.

Когда они ушли, я пристально посмотрел на Джул:

- Обрадуй меня и скажи, что уже уходишь.

Ни один мускул не дрогнул на лице этой женщины. В кухню, радостно поскуливая, ворвался Хвост. В пасти он держал пачку сигарет.

- Спасибо, дружище! – сказал я, забирая у него сигареты.

Закурив, я снова посмотрел на мать. Она, усмехнувшись, сказала:

- Вообще-то я никуда не собираюсь. Я решила погостить у тебя. Здесь море, прекрасный воздух.

- Не понял... Это мой дом, и видеть тебя в нем я не хочу.

Джул сухо возразила:

- Меня это не волнует. Как-нибудь месяц потерпишь.

- Вот как? А, позволь узнать, почему только месяц, а не два?

- Через месяц у меня операция.

- Какая? Ты не похожа на больную.

- Я здорова, вот только стою одной ногой в могиле.

И тут я все понял.

- Ты с ума сошла?! – заорал я. - Если власти узнают об этом, то уничтожат тебя раньше времени!

- Мне и так осталось меньше полугода. Так почему бы не рискнуть?

- Да! Но могут пострадать твои дети, – я потушил сигарету. - Их привлекут к ответственности, и никто не будет разбираться, знали они об этом или нет.

- Плевать! Это моя жизнь, и я борюсь за нее, как могу.

От возмущения я начал задыхаться:

- Какая же ты тварь!

- Не смей меня осуждать! – крикнула Джул и со всей силы ударила кулаком по столу.

Такой я ее никогда не видел. Я несколько раз глубоко вздохнул и сосчитал до десяти.

Успокоившись и восстановив дыхание, я посмотрел на нее:

- А если это сказка? Тебе пообещают, возьмут деньги, а на деле окажется все не так?

- Не говори чушь! Я встречалась с врачом, который это делает. Он и себе изменил биор.

- Никто не может изменить биор! – закричал я и тут же вспомнил про биор профессора.

- За деньги можно все!

- Хорошо, – примирительно сказал я. – Я не ученый и биоры не меняю. Но в этом доме ты не останешься.

- Мне нужны деньги, – сказала Джул и, поднявшись, подошла ко мне так близко, что я уловил нежный аромат ее духов.

- Сколько? – спросил я, надеясь, что это заставит ее убраться из моего дома прямо сейчас.

- Думаю, миллиона будет достаточно.

Я чуть не потерял дара речи.

- Побойся бога, Джул! Откуда у меня такие деньги? Я всего лишь ловец.

Джул еще ближе придвинулась ко мне. Погладив меня по груди, она, хищно улыбнувшись, сказала:

- Ты очень часто был рассеянным, мой мальчик. Когда мы отпраздновали твое совершеннолетие, что тебе сказал твой старший брат?

Она бы еще спросила, что мне сказали Эдит или Лоренц три дня назад. Откуда я помню, что мне говорил мой старший брат много лет назад!

- И что же сказал Дон? – поинтересовался я, отступая от матери на один шаг.

- А он тогда сказал следующее: «Ты стал взрослым, брат. Теперь ты не должен отчитываться ни перед кем. Мой тебе совет, отключи свой вирком от виркома нашей матери, тогда она не будет о тебе знать то, чего ты не хочешь, чтобы она знала».

Я стал что-то припоминать. Да, Дон меня предупреждал, и я собирался это сделать, но потом закрутился и забыл... Дьявол! Джул все эти годы могла отслеживать не только мою переписку, но и мой банковский счет. Следовательно, она видела, что мне поступили большие деньги.

- Да-да-да, сын мой, я знаю, что некая мисс Элизабет Родригес перевела тебе целый миллион, - Джул, довольная своим ударом, снова села на стул и, положив ногу на ногу, продолжила. – После того, как я сменю биор, мне очень пригодятся эти деньги. А тебе и твоему псу много не надо. Признаю, я не была идеальной матерью, но тебе придется отдать деньги мне. Иначе...

- Что иначе? – насторожился я.

Но Джул не успела ответить. Только она открыла рот, чтобы выпустить очередную порцию яда, как входная дверь распахнулась и в дом влетели двое: Скотт с окровавленной рукой и невысокий азиат, которого я видел впервые.

При виде странной парочки Джул промурлыкала:

- Сколько интересных гостей! Ну что же, не буду мешать. Договорим позже. Пойду прогуляюсь, подышу морским воздухом. А ты подумай, сынок.

И, сложив губы в виде поцелуя, она вышла из дома.

Скотт, проводив Джул взглядом, спросил:

- Где профессор?

Я крикнул:

- Профессор! К Вам пришли!

Он не заставил себя долго ждать. В сопровождении Лизи и Хвоста он появился на кухне. Увидав мужчин, Хвост тут же подбежал к ним и принялся обнюхивать их брюки и ботинки, шумно втягивая в себя новые запахи. Лизи кинулась к Скотту:

- Что с тобой? Ты ранен?

Скотт, поцеловав ее в макушку, ответил:

- Не волнуйся, это всего лишь царапина, пройдет, - затем, обратившись к ее отцу, сказал. – Профессор, мы с Рони запутали следы, так что у нас в запасе есть несколько часов, но будет лучше, если мы уйдем в течение часа. Думаю, самое время принять лекарство.

Профессор вынул из кармана небольшой пузырек и высыпал на ладонь горсть маленьких красных горошинок. Проглотив их, он сказал:

- Итак, действие препарата начнется минут через двадцать. Обсудим кое-что. Нам нужно будет попасть в Пекин. Неустойчивый портал, который мне нужен, находится внутри

одной из «Пяти великих гор». Нам придется спуститься по отвесной стене и попасть в тоннель, ведущий к portalу.

- Если нам нужен Пекин, то проходить придется через пять порталов, - подал свой голос Рони.

- Вы справитесь, - сказал профессор. – Ну что же, осталось только дожидаться, когда я усну.

- Кстати, напоминаю, – сказал Скотт, - виркомы нужно будет отключить и оставить в этом мире. Они все равно в Зазеркалье не пригодятся.

- Хорошо, – отозвалась Лизи.

В кухне воцарилась тишина. Профессор, борясь со сном, потер пальцами лоб и хотел что-то сказать, но язык его уже не слушался.

Я стоял в саду и смотрел на море. Хвост устроился около моих ног. Он лежал на траве и, довольный жизнью, жмурился от яркого полуденного солнца. Ко мне сзади тихо подошла Лизи. Я почувствовал ее присутствие каждой клеточкой своего тела.

- Софи, - начала она.

Но я оборвал её:

- Не надо ничего говорить. Ты ясно дала мне понять, что любишь другого и мне нечего делать в Зазеркалье.

- Не обижайся, - она провела ладонью по моей спине. – Я знаю Скотта много лет, а тебя только два дня.

Я повернулся к ней.

- Лизи, пусть мы и знакомы всего ничего, и судьба, к тому же, свела нас не лучшим образом, но я прошу прислушаться к моим словам: не ходи с отцом - он сумасшедший и явно выжил из ума.

- Я должна пойти.

Она вздохнула, печально улыбнулась и ушла.

Я специально не возвращался домой минут сорок. Все стоял и смотрел на волны. Мне было неловко. Неловко за свой поцелуй, за то, что отказался помочь, но, в конце концов, почему я должен им помогать? Пусть скажут спасибо, что не сообщил об их побеге властям. Вскоре я начал замерзать и, пожившись, вернулся в дом. В нем было тихо - мои незваные гости ушли. Я проверил основную дверь – она была просто прикрыта. Захлопнув ее, я пошел в комнату и включил телеком. Хвост тут же залез на неприбранную тахту и оттуда стал наблюдать за тем, как я прибираюсь. Потом мы оба, развалившись на скомканном белье, дремали, укрывшись теплым пледом. Ближе к вечеру нас навестила Анна. Она принесла творожную запеканку, и Хвост тут же выпросил половину.

- Анна, - поглощая ужин, спросил я у хозяйки. - Вы случайно не встречали мою мать?

- Я видела здесь незнакомую красивую женщину со светлыми волосами. Это твоя мама?

- Да. Джул. Она еще утром направилась побродить по пляжу и до сих пор не вернулась. Не могу сказать, что я огорчен, но все же.

- Так она давно ушла, - доложила Анна.

- Ушла? – переспросил я. – Странно, она собиралась провести здесь целый месяц.

- Ушла, ушла, - повторила Анна. – С твоими гостями.

Вилка выпала из моих рук.

- Вы уверены?

- Абсолютно. Она еще так нежно обнимала твою подругу.

У меня похолодело внутри. Это было не к добру. Поздно вечером я все-таки набрал на виркоме номер Джул. Она долго не отвечала.

- Ты где? – спросил я ее, когда она наконец ответила.

- Решила немного проветриться. Ты был не рад моему визиту, и я решила составить компанию твоим новым знакомым.

- Джул, - вкрадчиво спросил я, - что ты задумала?

- Ничего.

- Я могу поговорить с Лизи? Она рядом?

Связь разъединилась. Я снова набрал номер Джул. На этот раз я услышал голос Лизи:

- Софи, это я.

- Лизи, с тобой все нормально?

- Не совсем, - немного замешкав, ответила она.

- Что случилось? Джул вас шантажирует?

- Назовем это по-другому, - услышал я голос матери.

Понятно, она включила громкую связь.

- И как мы это назовем? - поинтересовался я.

- Соглашением.

- Послушай, Джул, ты хотела денег? Возвращайся, я отдам их тебе, только оставь людей в покое.

В ответ я услышал ее нервный смех.

- Софи, зачем мне деньги, если я могу уйти в Зазеркалье?

- Откуда ты знаешь про Зазеркалье? Подслушивала?

Она не ответила. Вместо нее я снова услышал голос Лизи:

- Софи, мы справимся.

- Где вы сейчас находитесь?

- В горном отеле.

- Никуда не уходите. Я скоро буду, только собаку отведу к старикам.

- А мы и не можем, - ответила Софи. – Скотт... Ему очень плохо.

Я отключился и посмотрел на Хвоста. Тот внимательно смотрел на меня. Обычно сложенные по бокам уши стояли торчком. Сев перед ним на корточки, я погладил его по голове и сказал:

- Послушай, парень. Мне надо срочно уйти. Лизи нужна помощь. Я мог бы взять тебя с собой, но там может быть опасно. Это горы. Тебе лучше остаться здесь - с Анной и ее мужем.

Хвост потянулся и лизнул меня в щеку.

- Ты-ы ско-орро-о прри-иде-ешь? – провыл он.

- Не знаю. Я буду очень стараться, - у меня к горлу подкатил комок.

- Ску-уча-ать, - пес смотрел прямо мне в глаза.

- Я тоже буду скучать. Очень.

Хвост склонил голову на бок и высунул язык. Затем, снова лизнув меня, сказал:

- Я-я зде-есь бу-уду-у жда-ать.

Я обнял его, а потом, поцеловав в нос, поднялся. Слезы щипали мне глаза. Я не знал, сколько проведу вдали от него. Быстро собрав его игрушки, миски и еду, я отправился с ним к старикам.

Когда мы подошли к дому стариков, Хвост, распахнув входную дверь, ворвался в дом и радостным лаем сообщил о своем прибытии. Анна и Альберто сидели в плетеных креслах около камина. Альберто, закрыв глаза, слушал по телекому последние новости, а Анна перебирала что-то в небольшой коробке, стоявшей перед ней на пуфике. Хвост бросился к

ним, и Анна, оторвавшись от своего занятия, ласково потрепала собаку по загривку и угостила печеньем. Альберто, выключив телеком, поднялся и пожал мне руку:

- Как голова, супермен? – спросил он.

- Все хорошо, - ответил я, опуская на пол пакет Хвоста.

Анна с любопытством посмотрела на него.

- Еще час назад ты вроде никуда не собирался, - сказала она.

- А теперь мне надо уехать. И... - я старался подобрать нужные слова, - и я не знаю, когда вернусь. Может, завтра, а может, только через неделю.

В воздухе повисло тягостное молчание. Я ждал, что скажут старики, но они лишь смотрели на меня в упор. Глубоко вздохнув, я сказал:

- Вы самые близкие для меня люди. Не знаю, как бы я жил без вас. Благодаря моей матери, мои вчерашние гости попали в неприятную ситуацию, и мне надо им помочь. Вы присмотрите за Хвостом?

- Сынок, - тихо сказал Альберто, - ты только не волнуйся за собаку – ему с нами будет хорошо. Кстати, он великолепно ладит с нашими внуками, так что скучать ему не придется. И еще. Я думаю, что нам не стоит прощаться надолго. Жизнь плетет иногда замысловатые узоры. Всякое может произойти.

- Софи, - Анна поднялась на ноги. – Ты иди, милый, и делай то, что считаешь нужным, а мы будем тебя ждать. Кстати, можешь не торопиться – боги услышали мои молитвы, и я наконец смогу как следует убраться в твоём доме. Когда ты вернешься, в нём будут идеальная чистота и порядок.

Я рассмеялся:

- Спасибо, Анна. И вот еще что. Я перевел вам деньги на всякие там расходы за дом и собаку. Если задержусь, то вы знаете, где у меня хранится его еда. Спасибо. Я люблю вас.

- Об этом мог бы и не говорить, - сказал Альберто, - ты давно стал для нас сыном.

Анна закивала головой в знак согласия с мужем, и по ее морщинистой щеке скатилась слеза. Я подошел к ней и, крепко обняв, поцеловал в макушку. Хвост тихонько заскулил. Я наклонился к нему.

- Прости меня, дружище, - я обхватил ладонями его морду, - так надо. Будь умницей и не скучай. Ты остаешься дома с теми, кто тебя любит.

- И-и я-я лю-юби-ит, - отозвался пес.

Улыбнувшись, я щелкнул его по носу.

Выпрямившись, я развернулся и, не оборачиваясь, покинул дом стариков.

Добравшись до Пекина, я первым делом узнал код, ведущий в отель. Едва я переступил его порог, как мне на шею бросилась Лизи. Ее глаза и нос были припухшими. Значит, она плакала. Я обнял ее, и мы поднялись в комнату. Она была небольшой, но уютной. Скотт лежал на кровати, остальные молча сидели за столом. Не здороваясь, я подошел к Скотту и потрогал его лоб. Он был очень горячий. Сухими губами Скотт что-то бормотал себе под нос.

- Что с ним случилось? – спросил я.

Мне ответил Рони:

- Мы сами понять не можем. В Пекине у него внезапно поднялась температура. Рана на руке выглядит очень плохо. Похоже на заражение.

- Врачей вызывали?

- Мы не рискуем, учитывая, что за ним гонятся.

- Похоже, что он бредит, - сказал я. - Думаю, что стоит вызвать врачей.

Лизи, всхлипывая, взяла с тумбочки губку и, смочив ее водой из бутылки, принялась обтирать его лицо.

Я повернулся к Джул. Та с безучастным видом наблюдала за происходящим.

- Ну что, ты еще не передумала идти в Зазеркалье?

- Не твое дело, – надменно сказала она.

- Я вроде как твой сын. Ты же понимаешь, что после того, как ты не явишься в Дом Забвения, всех твоих детей будут допрашивать сотрудники ДОБа, а на тебя объявят охоту. Я одного не пойму. Что ты там забыла?

Вынув из кармана пачку сигарет, я закурил:

- Ни друзей, ни вечеринок. Другой мир, другие законы, никого и ничего не знаешь. Что тебя туда тянет?

Джул смерила меня презрительным взглядом и заметила:

- Когда ты посмотришь смерти в лицо, то тебя абсолютно не будут волновать такие мелочи.

Надо же, моя мать еще и философствовать умеет! Я повернулся к профессору:

- Интересно, а что вас всех заставило подчиниться этой мерзавке?

Профессор заерзал на стуле:

- Хочу заметить, что Ваша мать является некой гарантией того, что нас не будут поджидать около портала.

Лизи умоляюще посмотрела на отца:

- Папа, прошу тебя, не начинай.

Но профессор был полон решимости:

- Я имею право высказать свое мнение! Нам не избежать компании этой женщины! - он ткнул пальцем в сторону невозмутимой Джул. - Я уповаю только на то, что, когда мы подойдем к portalу, за нами не будет следовать еще человек пятьдесят!..

Конечно, в чем-то он был прав. Рисковал не только он, рисковали все. Как ловец я знал, что никто сейчас не мог дать гарантию того, что около портала нас не будут поджидать представители власти.

Почесав себе кончик носа, я спросил:

- Когда вы собираетесь выдвигаться?

Профессор развел руками:

- Ну Вы же видите...

- Если не уйдем в ближайшие минут сорок, - добавил Рони, - то мы уже никуда не сможем уйти.

- Почему? – удивился я.

- Через три часа здесь начнется праздничный молебен и соберется куча народа. Без свидетелей не обойтись.

- Нужно что-то придумать, - сказал я, хотя понятия не имел, что можно сделать в такой ситуации.

Я никак не мог понять, почему Скотту стало так плохо. Пока я размышлял, Джул поднялась из-за стола, потянулась и, оглядев нас всех, сказала:

- А теперь все слушают меня. Несколько часов назад я сообщила в Департамент о готовящемся побеге. Со мной сразу же заключили соглашение. Оно здесь. - Джул подняла вверх руку, демонстрируя виркомовский браслет. - Как только я активирую электронную подпись, ДОБ выделит мне двадцать лет жизни. Хороший обмен, не правда ли?

Мне стоило больших усилий, чтобы взять себя в руки.

- Ну так сделай это, - спокойно сказал я. - И еще двадцать лет ты сможешь порхать, как бабочка, и жалить, как оса.

Она рассмеялась:

- А что мне делать потом, когда закончится и это время?

- Всё когда-нибудь заканчивается, мама, и жизнь тоже. Ты не сможешь жить вечно!

- Ты прав, сын, - заметила Джул, - но я хотя бы в миг ухода не буду чувствовать себя овцой на заклании. И ещё. Если кому-то в голову придет мысль расправиться со мной, то знайте, что мой вирком настроен на биение моего сердца. Если оно остановится, то информация о вас тут же уйдет в Департамент. Вы даже пикнуть не успеете. Даю вам на сборы пятнадцать минут. Я буду ждать около отеля. Через четверть часа, если я не увижу ваши милые мордашки, то буду крайне расстроена. Это вынудит меня подтвердить мое соглашение с ДОБом.

Улыбнувшись, она грациозно покинула номер. Я смотрел ей вслед и понимал, что Джул победила в очередной раз. Ей было все равно, что будет с другими. Она была чудовищем с ангельским лицом.

Мы уложились в те пятнадцать минут, что дала нам Джул. Даже профессор решился выйти на улицу без снотворного. Мы завязали ему глаза, одев поверх повязки темные очки, и Лизи, поддерживая отца под руку, вывела его из отеля. Я так и не смог уговорить ее вызвать врача, а так как у Рони руки были заняты тяжелыми сумками, мне пришлось одному тащить этого большого парня на себе. С трудом подняв тяжелое обмякшее тело с кровати, я взвалил его себе на плечо и медленно понес к выходу.

Рони привел нас к самому отдаленному краю горы, подальше от любопытных глаз, где мы и сделали привал. Опустив Скотта на землю, я прислонил его к каменистой глыбе. К моему ужасу, он не подавал признаков жизни. У Лизи, когда я сказал ей об этом, случилась истерика. Она опустилась перед телом Скотта на колени и разрыдалась. Когда Джул потребовала, несмотря на состояние Лизи и профессора, идти дальше, я впервые в жизни дал матери пощечину.

Рони предложил спрятать Скотта в небольшом гроте и пообещал Лизи вернуться сюда с парочкой надежных парней, которые помогут ему переправить тело для кремации. Когда Лизи услышала об этом, она немного успокоилась, но затем передумала и, посмотрев на отца стеклянным взглядом, сказала:

- Я никуда не пойду.

Профессор срывающимся голосом возразил:

- Лизи! Ты не можешь так поступить со мной! Ты мне обещала!

- Отец, у тебя есть сердце? Как я смогу жить там, зная, что не проводила любимого человека в последний путь?

У профессора окончательно сорвался голос:

- Могила моей любимой давно погребена под искусственным морем. А я продолжаю жить...

Но Лизи стояла на своем. И тогда профессор попросил хотя бы довести его до портала. Он боялся оставаться наедине с моей матерью. Мы согласились. Он взял с меня слово, что я укрою его дочь у себя дома и буду о ней заботиться. Мы ударили по рукам, после чего Рони с облегчением открыл сумки. В них лежало альпинистское снаряжение. Вынув страховочную веревку, он направился к самому краю. Чтобы не видеть зареванную Лизи, я увязался за ним.

- Что собираешься делать? – спросил я, со страхом посмотрев вниз.

- Для начала закреплю веревку.

- Как?

- За скальный крюк.

- Здесь уже кто-то спускался?

- А ты как думаешь?

Я пожал плечами. Усмехнувшись, Рони попросил меня подстраховать его. Минут пятнадцать я изо всех сил удерживал китайца за ноги, пока тот, свесившись с горы, крепил веревку. Затем Рони помог нам надеть страховку и несколько раз проверил крепления на широких поясах. Убедившись, что плечевые и ножные ремни сидят нормально, китаец проинструктировал всех насчет карабинов, зажимов и чего-то там еще. Мы молча его слушали. Не знаю, как другие, но я до этого никогда по горам не лазил, а за действиями альпинистов наблюдал лишь пару раз со стороны.

Прослушав инструктаж, Джул с обольстительной улыбкой посмотрела на меня:

- Даже не думайте со своей подружкой отстегнуть меня на высоте. Не забывай, мой вирком...

- Ну что ты, мама! Во-первых, я даже не представляю себе, как это сделать, а во-вторых, мы будем спускаться по очереди. Главное, ты сама не испусти дух.

Джул хмыкнула и отвернулась от меня.

Рони напомнил, что спускаться мы будем до уступа, ведущего в скалистый тоннель.

Первой спуск начала Лизи. Я наблюдал за ее действиями, чтобы потом, когда очередь дойдет до меня, сделать все предельно точно. Она спустилась очень быстро, и вторым Рони решил спустить профессора. Он подвел его к краю пропасти и, прицепив страховочный пояс к веревке, сказал:

- Ничего не бойтесь. Лизи страхует внизу.

Профессор молча кивнул головой и осторожно полез вниз. Следующей была Джул. Когда ее ноги коснулись уступа, Рони сказал:

- Теперь твоя очередь. Я останусь здесь и буду ждать вашего возвращения. Только учти: если до вечера вы не вернетесь, я уйду. Лизи знает, как меня найти.

Зажмурившись от страха, я шагнул в пустоту, и мое сердце, ухнув, упало куда-то вниз. Несмотря на то, что я висел на страховочном поясе, медленно ползущем по веревке, мое воображение уже рисовало картину падения. От напряжения на моей шее вздулись вены, и я почти перестал дышать. Мне казалось, что спуск длится вечность. Когда мои ноги соприкоснулись с твердым основанием, я открыл глаза и, совершенно обессиленный, свалился на уступ. Вытянув вперед ноги, я прислонился спиной к прохладному камню скалы. Не знаю почему, но у меня гудело все тело. Мне не дали долго расслаживаться, и я, с трудом поднявшись на ноги, отцепил от себя пояс и первым шагнул в проем узкого тоннеля, прорубленного прямо в скальной породе. Над моей головой зажглись потолочные панели, осветив проход слабым светом.

Идти по неровной каменистой тропе было трудно. К тому же на некоторых участках пути свет отсутствовал, и приходилось пробираться наощупь. Время от времени кто-нибудь из нас обязательно спотыкался, и, чтобы не упасть, приходилось упираться руками в шершавые стены. Высота каменного свода постоянно менялась: то она нависала, и тогда приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой, а то устремлялась кверху, что позволяло двигаться в полный рост. Но несмотря на все трудности, мы шли вперед, не останавливаясь, благо профессор мог передвигаться самостоятельно, сняв с себя повязку.

Я не могу сказать, сколько мы шли. В какой-то момент времени тоннель начал расширяться и, устремившись вниз, привел нас в довольно просторную пещеру, где прямо посередине темным пятном распростерлось озеро. Здесь стояла какая-то зловещая тишина, лишь звуки, похожие на падающие капли воды, время от времени нарушали ее подземный покой. Из-за насыщенного влагой воздуха и запаха сероводорода дышать было тяжело. Когда над нашими головами пронеслась стая летучих мышей, Джул взвизгнула и отпрыгнула в сторону.

Профессор подошел к кромке воды и сказал:

- Мы на месте. Дальше дороги нет. Теперь остается только ждать.

- Чего? – спросил я, оглядываясь по сторонам.

- Когда откроется портал.

- Он находится прямо здесь? – поразился я.

- Конечно, – подтвердил профессор, – он прямо перед вами.

- Это – озеро, Софи, – тихо произнесла Лизи. – Озеро и есть портал.

- Ну, не совсем так, – возразил профессор, – просто он образовался в этом месте и из-за воды имеет неустойчивую структуру.

- Лизи, – сказал я, – думаю, что нам пора возвращаться.

- Я хочу убедиться, что папа пройдет нормально, – ответила она.

Мне ничего не оставалось, как ждать, и я присел на небольшой каменистый выступ пещеры. Джул последовала моему примеру. Лизи подошла к отцу, и они стали о чем-то тихо переговариваться. Время тянулось медленно, и я задремал. Когда со стороны озера раздался гул и по его поверхности пошли круги, профессор крикнул:

- Портал! Всем отойти в сторону!

Не успев проснуться окончательно, я подскочил и бросился к воде, но, придя в себя, попятился назад. Лизи, вместо того чтобы бежать, вцепилась в отца, пробуя оттащить его в сторону. Джул застыла на месте и не сводила глаз с озера. Вода в нем сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начала закручиваться в воронку, пока прямо посередине не образовалось пугающее своими размерами черное пространство.

Профессор, стараясь перекрыть шум водоворота, прокричал, обращаясь к моей матери:

- Вы идете?

Джул не двигалась. В ее глазах стоял панический страх. Замотав головой в разные стороны, она истошно заорала:

- Я не пойду в воронку! Она убьет меня!

Профессор быстро подошел к ней и довольно жестко сказал:

- Дамочка, меня абсолютно не интересует, что Вас убьет. Но если Вы не прыгнете в эту воронку – я буду тем, кто прикончит Вас собственными руками! Быстро, портал сейчас закроется!

Он хотел схватить Джул за руку, но та в страхе попятилась от него. Наткнувшись на меня, она развернулась и, схватив меня за футболку, закричала:

- Софи! Помоги мне!

Я спокойно ответил:

- Ты сама хотела уйти в Зазеркалье, тебя никто не принуждал.

Профессор махнул рукой и вошел в воду. Его тут же, словно щепку, подхватило течение и, закружив, увлекло за собой. И в этот момент случилось непредвиденное. Пещеру трянуло и Лизи с матерью, не удержавшись на ногах, скатились прямо в воду.

- Софи! – истошно заорала Джул и тут же с головой ушла под воду.

Вынырнув, она, отплываясь, стала отчаянно барахтаться, пытаясь ухватиться руками хоть за что-нибудь. Но справиться с вращением воронки ей было не под силу, и вскоре она исчезла. Я кинулся к озеру и попробовал вытащить Лизи. Мне это почти удалось, но, поскользнувшись, я тоже очутился в воде. Сказать, что мне было страшно, значит ничего не сказать. Мне было жутко. Я сразу вспомнил сон, в котором меня затягивало вниз. Втянув в себя побольше воздуха, я расслабился, и меня поглотила тьма.

Все-таки я умудрился наглотаться воды и теперь, стоя на четвереньках, старался откашляться. Рядом, согнувшись пополам, стояла Джул и тоже пробовала справиться с рвотными позывами.

- С удачным переходом, - услышал я тихий голос профессора.

Откашлявшись, я поднялся на ноги и огляделся.

Мы находились в просторной и на удивление чистой комнате, которую тускло освещали лучики света, пробивавшиеся сквозь неплотно прикрытые жалюзи окна. Первое, на что наткнулся мой взгляд, был портал, состоявший из некой плавающей субстанции, зажатой со всех сторон металлическими штангами. Для меня это было несколько непривычно. Рядом с ним на темной тумбе сидел профессор. Проследив за моим взглядом, он заметил:

- Не удивляйтесь, это старинный образец.

- Я это уже понял, - сказал я. - Скажите лучше, где мы находимся?

- На Сооне, - ответил профессор, - в заброшенной лаборатории одного моего старинного коллеги. Но Вам это ни о чем не скажет.

Подойдя к невысокому стеллажу, на полках которого в беспорядке валялись разноцветные папки, и, скользнув взглядом по содержимому одной из полок, я спросил:

- Что такое Соон?

- Один очень забавный, но авторитарный мир. Но Вам не стоит беспокоиться, мы быстро его покинем.

- В таком случае запускайте эту допотопную рухлядь! Мы уходим отсюда немедленно, - сказал я, проведя пальцем по одной из полок. - Надо же, какая чистота. Судя по тому, что пыли нет, эта лаборатория не такая и заброшенная. Во всяком случае, здесь кто-то убирался.

- Возможно, - ответил мне профессор. - А насчет того, чтобы уйти отсюда прямо сейчас, боюсь Вас огорчить. Этот экземпляр работает только на прием объекта.

- Что? - изумился я. - Что значит «только на прием»?

Профессор не ответил. Он лишь развел руками и извиняюще улыбнулся.

Я в два прыжка оказался около него и, схватив за грудки, стащил с тумбы:

- Послушайте, профессор! Это благодаря Вам я очутился здесь! Меня дома ждет мой пес. Делайте, что хотите, но заставьте портал работать в другую сторону!

Не ожидавший от меня такой реакции, профессор побелел и пролепетал:

- Это было сделано специально, несколько десятков лет назад. Чтобы он заработал в обе стороны, его надо программировать, а я не умею этого делать!

К нам подбежала Лизи и, вцепившись в мои руки, стала оттащить меня от отца:

- Не смей с ним так обращаться! Он же не виноват! Никто не знал, что так получится! Успокойся и держи себя в руках!

Мне было трудно это сделать, но я все-таки отпустил профессора. Тот облегченно выдохнул и хотел что-то сказать, но в этот момент Джул окликнула нас. Мы обернулись к ней. Она стояла в противоположном конце комнаты около длинного стола и держала в руках небольшой листок бумаги. Убедившись, что мы переключили на нее свое внимание, Джул сказала:

- Вы так мило смотрите со стороны. Все эти выяснения отношений...

- Что тебе надо? - перебил я ее.

- Лично мне? Пока ничего. Но вот вас, двух идиотов, может заинтересовать послание на этом листке бумаги, - ответила Джул и выразительно посмотрела на нас с профессором.

- Какое послание? - я нахмурил брови.

Джул, усевшись на стол и положив одну ногу на другую, стала читать:

- «Уважаемый Артур! К сожалению, мои дела складываются таким образом, что я не могу лично встретить Вас и Вашу очаровательную дочь в оговоренное время. Из-за боязни ошибиться я оставил вам несколько комплектов одежды, так как не в курсе ваших нынешних размеров. Машина на стоянке, ключ в замке зажигания. С уважением, Ваш друг, профессор Ройтман».

Дочитав, Джул помахала бумажкой над головой и слезла со стола. Мы подошли к ней. Я еще раз пробежал глазами по письму, потом посмотрел на две стопки одежды и, не переставая злиться, сказал:

- Как интересно! Оказывается, Вас здесь ждали...

- Ждали, - подтвердил профессор, - правда, два года назад.

- Два года назад? – переспросила Джул. – Значит, Вы давно планировали побег...

- Я много что планировал... Ну что же, давайте переоденемся, а то я не люблю ощущать на себе мокрую одежду.

Выбрав себе светлые шорты до колен и широкую полосатую футболку, я отправился на поиски умывальника. Минут через пять я стоял под прохладной водой в душевой кабинке туалета и старательно смывал с себя грязь родного мира. Быстро приведя себя в порядок, я уступил место остальным.

Где-то через час все были готовы. Найти нужную машину оказалось легко – в подземном гараже стоял всего лишь один автомобиль с закрытым фургоном. Профессор Ройтман предусмотрел и это. Во всяком случае, наличие фургона позволяло отцу Лизи не принимать лекарства. Когда мои попутчики устроились в машине я, сев за руль, повернул ключ в замке зажигания, и машина, несмотря на то, что простояла два года, завелась с пол-оборота. Рядом с приборной доской вспыхнул небольшой экран, на котором отразилась схема проезда. «Слава богам, навигатор имеется», - подумал я и нажал на педаль газа. Машина плавно тронулась с места, и мы выехали из гаража.

Что я могу сказать об этой поездке... Мне безумно хотелось курить. Кондиционер в машине отсутствовал, поэтому было очень душно и жарко. Навигатор молчал. Он не сломался, нет – в нем просто не было предусмотрено такой функции. Я даже не знал, что такие могут существовать. Мне все время приходилось сверяться с его экраном, чтобы не пропустить поворот. В конце концов Лизи перелезла на переднее сидение и стала мне помогать.

С того момента, как мы выехали из гаража прошло часа полтора, а город, по которому мы ехали, все не кончался и не кончался. Он был просто бесконечным. И не только в ширину или в длину, но и в высоту.

Мы двигались среди громадных небоскребов. Не знаю, то ли из-за них, то ли на самом деле, но улицы были такими узкими, что порой казалось: еще немного – и наш автомобиль застрянет между двумя гигантскими зданиями. Еще одной странностью было то, что в городе отсутствовала зелень. Впрочем, как ей расти в таких условиях? Солнца не видно, кругом сплошная тень. Да и места маловато. Людей, как и машин, практически видно не было. Время от времени создавалось впечатление, что мы едем по заброшенному городу.

Следуя стрелке на экране, мы в конце концов въехали в подземный гараж одного из небоскребов, где нас ждал очередной сюрприз в виде огромного моря из машин. Еще час мы блуждали по многочисленным уровням в поисках свободного места, и, когда оно нашлось на самом нижнем, минус пятидесятом, ярусе, я, облегченно вздохнув, припарковал машину.

Теперь оставалось только подняться на нужный этаж. Но оказалось, что профессор Зарин понятия не имел, на каком этаже живет его коллега. Хорошо, что рядом с лифтами висела сенсорная панель с именами всех жильцов дома. Отыскав среди них имя профессора,

мы вошли в лифт, и я нажал на кнопку вызова. На наше счастье, профессор Ройтман оказался дома. Его низкий, чуть хрипловатый голос, раздался из динамика:

- Меня нет дома, и я никого не жду...

Профессор Зарин тут же воскликнул:

- Каиир! Это я – Артур!

- Артур? – в голосе профессора Ройтмана послышалось недоумение. – Ты здесь?

- Конечно, здесь! Как нам до тебя добраться? Как я понимаю, чтобы лифт тронулся, нужен специальный ключ.

- Сейчас я вас подниму...

Раздался щелчок, двери скоростного лифта закрылись, и он с мягким толчком понес нас на шестьдесят второй этаж.

Каиир подждал нас у самых дверей. Даже если профессор и удивился тому, что нас четверо, виду он не подал, а лишь, низко поклонившись, сказал:

- Приветствую вас в моем скромном жилище.

Мы вышли из лифта и остолбенели. Его «скромное жилище» занимало весь этаж и напоминало дико запущенный сад, по которому местами была расставлена мебель. Вместо пола под ногами стелилась настоящая трава, а большую часть высокого потолка закрывала крона деревьев. Это позже я узнал, что на Сооне было мало свободной земли и при проектировании гипернебоскребов заранее закладывалась возможность присутствия кусочка природы. Но пока я этого не знал и в своем незнании ошеломленно наблюдал за маленькими разноцветными птицами, перелетающими от одной ветки к другой и щебетавшими что-то своими тонкими красивыми голосами. Вместе со мной за их действиями лениво наблюдали четыре толстых существа, внешне напоминавших обыкновенных котов, правда, с короткой серой шерстью и глазами яркого изумрудного цвета.

Сам хозяин квартиры был мужчиной высоким, крепкого телосложения, с густой седой шевелюрой. Одет он был, как и я, в удлиненные светлые шорты и полосатую футболку. Видимо, мужская одежда, что он оставил в лаборатории, была из его гардероба. Мне было любопытно узнать, где он взял женскую – в доме явно не чувствовалось женской руки.

Усадив нас в удобные мягкие кресла, Каиир поинтересовался:

- Как добрались?

- Спасибо, мой друг, все хорошо. Как видишь, нас больше, чем предполагалось изначально, - ответил профессор Зарин.

- Простите, можно воды? – попросила Лизи.

Профессор Ройтман улыбнулся и скрылся за ближайшим толстым стволом дерева. Вскоре он вернулся с подносом, на котором стояли высокие узкие стаканы, наполненные янтарной жидкостью. Поставив поднос на низкий столик, он сел в свободное кресло. Я протянул руку и, взяв стакан, сделал глоток. Жидкость оказалась немного солоноватой, но приятной на вкус. Прежде чем вернуть стакан на место, я спросил:

- Это ваша вода?

- Ну что Вы, – ответил мне профессор Ройтман, - это напиток гостеприимства.

- А просто воды можно?

- Ее здесь сколько угодно...

Мы с Лизи переглянулись. Было видно, что она, как и я, ничего не поняла. Джул, спросив у хозяина дорогу в туалет, поднялась и ушла. Я рискнул задать еще один вопрос:

- Простите, у Вас не найдется пару сигарет?

Профессор Ройтман подпрыгнул в своем кресле и закричал:

- Вы с ума сошли! Сигареты?! У нас здесь не курят! От этой пагубной для здоровья привычки мы избавились пятнадцать лет назад!

От такого взрыва эмоций я онемел. Профессор Зарин тоже удивленно посмотрел на своего друга, а Лизи, мягко улыбнувшись, сказала:

- Простите нас. Мы не хотели Вас... обидеть. Мы не знали...

Профессор вцепился в подлокотники своего кресла так сильно, что у него побелели костяшки пальцев. Внезапно он подскочил и скрылся за деревьями. Минут через пять он вернулся и снова уселся на свое место. В руках он держал небольшую коробочку. Поставив ее на столик, он сказал, обращаясь ко мне:

- Возьмите и примите два шарика.

Я взял коробочку и открыл ее. В ней лежали маленькие шарики серого цвета.

- Что это? – спросил я у него.

- Специальный препарат, - ответил он, зажав руки между коленями, - не будет тянуть курить.

Я взял шарики и сунул их себе в рот. Лизи последовала моему примеру.

Профессор Ройтман, покачиваясь в кресле, сказал:

- Если опять захочется курить, примите еще один шарик.

Я спрятал коробочку в карман. Курить больше не хотелось.

Отец Лизи, все это время наблюдавший за своим другом, спросил:

- Каиир, у тебя все в порядке?

Тот тяжело вздохнул:

- Все меняется, мой друг. И меняется не в лучшую сторону. Простите, что сорвался, - и он откинулся на спинку кресла.

- Скажи, почему ты удивился нашему приходу?

Каиир внимательно посмотрел на Артура и ответил:

- Почему вы сразу не направились к другому portalу? Я же ввел в навигатор нужный адрес, оставил документы.

Мы переглянулись.

- Вы что-то путаете, профессор, - я, наклонившись вперед, уперся локтями в свои колени. – Документов там не было – только одежда и записка от Вас. И навигатор привел нас именно сюда - в Ваш дом.

Профессор побледнел:

- Как не было документов?.. Значит...

Он не успел договорить. С мягким звучанием открылись двери лифта и из него выпорхнула невысокая рыжеволосая девушка. Широко улыбаясь, она направилась прямо к нам.

- Юна! – воскликнул отец Лизи.

Девушка остановилась и недоуменно посмотрела на незнакомца.

Профессор Ройтман засмеялся:

- Ну что ты, Артур! Это не Юна. Это ее дочь.

- Дочка Юны? – поразился профессор Зарин.

Девушка подошла к Каиiru и нежно поцеловала его в макушку. Тот расплылся в улыбке:

- Совершенно верно. Юрия – моя внучка. Ты ведь ничего не знаешь! Юна и ее муж погибли.

- Как? Когда? – отец Лизи был просто обескуражен.

- Шестнадцать лет назад, - пояснил Каиир, - в экспедиции. С тех пор она утешение для нас с женой.

- Как жаль! – было видно, что профессор Зарин огорчен этим известием.

- Да-да, - с грустью подтвердил Каиир и обратился к Юрии. – Тебе что-то понадобилось, дорогая?

- Бабушка просила взять у тебя лечебные семена. У нее второй день болят ноги.

- В таком случае, - ответил ей дед, поднимаясь с кресла, - пока я буду собирать семена, развлекай наших гостей.

Юрия кивнула головой и тут же плюхнулась на его место.

- Каиир, - окликнул профессора отец Лизи, поднимаясь с кресла, - позволь составить тебе компанию.

- Не возражаю, - ответил Каиир, и оба профессора не спеша удалились в глубину сада.

Вернулась Джул. Юлия без стеснения стала ее рассматривать.

- Спорим, что Вы не из нашего мира? - сказала она, широко улыбаясь.

Джул лишь хмыкнула и, откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза, всем своим видом показывая, что ей не интересна эта юная особа. Лизи, наоборот, моментально нашла общий язык с девушкой, и они принялись оживленно о чем-то болтать. Я же, извинившись, решил прогуляться по этому необычному жилищу.

Сад, несмотря на свое запущенное состояние, был красив. Кроме деревьев в нем росло достаточно много дивных цветов, которых я никогда не встречал в нашем мире. Только сейчас, гуляя между деревьями, я понял, что имел в виду профессор Ройтман, когда говорил о воде – она действительно была здесь повсюду. То тут, то там, подобно змейкам, текли небольшие ручейки. Несмотря на то, что все окна в квартире были распахнуты настежь, стояла невыносимая духота. Увидав на небольшом пеньке пустую чашку, я быстро наполнил ее водой и выпил. Она была изумительной – прохладной и очень вкусной.

В одном из уголков сада мое внимание привлек массивный письменный стол зеленоватого оттенка, заваленный кипами бумаг, книгами и предметами, назначение которых мне было не известно. Мне стало любопытно, и я подошел ближе. Одна из вещей, стоявшая на самом краю стола, была очень похожа на наш глобус. Его шар парил над тонкой стальной иглой, воткнутой в небольшой постамент. Я присмотрелся. На этом глобусе, как и на наших, были отмечены широта и долгота. Имелись два полюса. На этом схожесть заканчивалась. Разница была в материках. Вернее, в одном материке, который узкой полосой опоясывал их землю ровно по экватору. Все остальное пространство занимала вода. Вот почему у них так душно и жарко.

Поблуждав еще немного и набрав воды для Лизи, я вернулся обратно. Она с благодарностью посмотрела на меня и, выпив все, сказала:

- Софи, ты бы послушал, что нам Юлия тут рассказывает.

- И что же такого она рассказывает? – осведомился я.

- Если кратко, - ответила Лизи, - то дело обстоит следующим образом. Соон состоит из семи коммун, не имеющих собственных названий. Главной считается четвертая, где сосредоточены все правительственные организации.

Раз в пять лет здесь проходят выборы президента. От каждой коммуны выдвигаются по пять самых достойных граждан, после чего из их числа жители всего Соона выбирают достойнейшего. Что самое интересное, уже третий раз подряд один и тот же человек становится первым лицом, что вызывает у многих недовольство. Его зовут Адо.

- Как обстоят дела с порталами? - спросил я.

- Здесь есть порталы, но для внутренних нужд они не используются, хотя для связи с другими мирами Мультиверса их применяют. Однако не все жители Соона имеют доступ в другие миры.

Выслушав все это, я внимательно посмотрел на Юрию:

- Скажи, далеко до четвертой коммуны?

- Очень далеко... Если на машине, то недели две, может быть, три займет, а на поезде – неделю...

- А если самолетом или каким-то другим летающим средством? – спросил я.

Юрия с ногами забралась в кресло и тихо ответила:

- Очень давно у нас были машины, на которых мы летали, но они часто падали, разбивались и люди гибли. Мои родители тоже погибли на одном самолете. Сейчас никто не летает. Это очень плохо. Мы не ангелы, чтобы подниматься в воздух на крыльях.

- Кто тебе это внушил?! – ахнула Лизи.

- Никто. Это Откровение от Великого Ангела, спустившегося с небес.

- Маразм какой-то, – фыркнула Джул, не открывая глаз.

- А что за Ангел? – спросил я.

- Не знаю. Его видел только Адо. Но Ангел о многом предупредил граждан Соона. И о катастрофах, и о наводнениях, и о землетрясениях. И сказал, что если мы не будем послушны, то наступит конец света.

- Расскажи подробнее, – попросил я.

Юрия удивленно подняла брови:

- А вы не знаете? Вы что! Боги, сотворившие нас, расстроены. Мы забыли о них. Скоро они устанут нас прощать, и тогда прольется на землю огненный дождь... И только новая раса найдет спасение и будет процветать и здравствовать долгие века. Это касается всех миров.

- Что за новая раса? – насторожилась Лизи.

- Великий Ангел обещал похлопотать перед богами за ныне живущих, но при одном условии – мы должны уже сейчас начать творить новых людей, которые и будут спасены. И все граждане Соона сейчас работают над созданием гражданина в двух лицах.

- Боже мой, – хохотнула Джул. – В двух лицах? Это как? Спереди и сзади?

- Нет, – обиженно надулась девушка. – Это когда человек сразу рождается двуполым.

- Гермафродит что ли? – ахнула Джул.

- Герма... что? – переспросила Юлия.

- Не важно, – махнула рукой Джул и поднялась с кресла. – Пойду пройдуся по джунглям.

И она направилась куда-то в сторону.

- Кого она имела в виду, называя странным словом? – Юлия с любопытством переводила взгляд с Лизи на меня.

- Не обращай внимания, Юлия, – сказала Лизи. – Расскажи лучше, как ты сама относишься к появлению людей с двумя лицами?

- Хорошо, – ответила внучка профессора. – Это классно! Сегодня, к примеру, ты – мужчина, а завтра проснулся и захотел стать женщиной. А вы знаете, что сказал Великий Ангел? Он сказал, что новый гражданин будет жить в мире, где землю населяют полулюди и полубоги?

Она хотела еще что-то сказать, но тут из глубин сада показались оба профессора. Они о чем-то горячо спорили.

- Как ты не поймешь, Артур, ты не сможешь попасть в прошлое, которое ты помнишь! – кипятился Каиир.

- Но однако скитальцы во времени попадают в эти слои, – громко, но спокойно отвечал ему отец Лизи.

- Бред! Бред! И еще раз бред! Ваше правительство дурит вам голову! Этим они нисколько не отличаются от нашего! – не унимался профессор Ройтман.

- Когда-то и порталы между мирами считались бредом.

- Сравни! Создать порталы было нетрудно. Они были повсюду. Их создала сама природа. Мы просто их не замечали. А теперь вспомни, что было сложнее всего на первых этапах? Во всяком случае, в вашем мире.

- Пропустить живое существо сквозь червоточину.

- А напомним мне, уважаемый профессор Зарин, почему?

- Каиир, к чему весь этот балаган? – раздраженно спросил отец Лизи.

- А к тому, профессор, что я хочу напомнить Вам, что и Вы, и Ваши коллеги даже представить себе не могли, что может произойти с живым существом внутри портала! Его могло раздавить, разорвать – да все что угодно! – и Ройтман потряс в воздухе кулаками. – А все почему?! – и он перешел на громкий шепот. – Потому что там, внутри любой червоточины, физики нет! Там обитает зона беззакония...

- Но мы же нашли способ проходить сквозь них!.. – не сдавался профессор Зарин.

- Да! Вы нашли! Вы это сделали! Смешали чуточку отрицательного вещества с большим количеством отрицательной энергии и получили свой коктейль для выхода в Мультиверс! Но путешествие во времени – это не прогулка по улице. Перемещаясь во времени, надо знать законы времени. А их нет, потому что времени нет! – Каиир уже хрипел, а не кричал. – Это мы – люди – его придумали. Оно у нас в головах. А если и есть, то его вектор направлен только в одну сторону – вперед. Время не умеет искривляться так, как искривляется пространство!

- Если время сопутствует пространству, то и искривляться оно должно вместе с ним, – парировал Артур Зарин.

- Ерунда! – ярости профессора Ройтмана не было предела. – Предположить, что время сопровождает пространство! Выдуманная величина и бесконечность! Ничто, пойми, в том числе и время, не может существовать рядом с пространством!

И Каиир, зачесав пятерней свои волосы назад, направился к нам. Поджав губы, он уселся в кресло и бросил на столик бумажный конверт. Положив одну ногу на другую, он тут же поменял их местами. Прodelав это несколько раз, Каиир наконец успокоился и, указав пальцем на пакет, сказал внучке:

- Возьми! Передай бабушке, что я увижусь с ней, как положено, в день близости.

Юрия взяла пакет со стола. Чмокнув деда в макушку, она помахала нам всем рукой и устремилась к лифту.

- Простите, – сказала Лизи. – Возможно, я не должна вмешиваться в Вашу личную жизнь, но что значит «день близости»?..

Профессор махнул рукой и, тяжело вздохнув, потер пальцем глаз:

- Уже лет двенадцать, как мужчинам запрещено жить вместе с женщинами. Даже если они муж и жена, у них есть право встречаться только один раз в неделю для близких отношений. В остальное время, пожалуйста, ходите вместе в театры, посещайте музеи, рестораны, но жить под одной крышей нельзя. И все почему? – профессор снова поменял положение ног. – У нас великая цель – создание нового человека – человека бесполого! Абсурд!

- Ваша внучка нам озвучила в общих чертах, – сказал я.

- Что она может знать – она еще подросток! – ухмыльнулся профессор Ройтман. – Об этой афере миров надо слагать легенды. А все этот солнцеподобный Адо.

Вернулась Джул. В руках она держала веточку черники.

- Не возражаете? – спросила она у профессора Ройтмана. – Я проголодалась.

Профессор молча кивнул головой. Я посмотрел на мать – она с упоением поглощала ягоды, срывая их одна за другой своими тонкими пальцами. Повернув голову к Каиру, я спросил:

- Введите нас в курс событий.

Профессор откашлялся и стал говорить:

- Видите ли, в какой-то момент времени некоторым гражданам Соона мужчины стали больше не нужны. Зачатие – без них, вынашивание – без них, воспитание детей, карьера – тем более без них. Конечно, виноваты и другие факторы – нехватка времени для поиска партнера, нежелание сидеть дома и вести домашнее хозяйство, да и много чего другого. И вот лет тридцать назад на свет стали появляться двуполые существа. Сначала один, потом еще один, а потом им и счет потеряли. Поначалу это списывали на стрессы и генетические мутации, затем решили, что из-за того, что на Сооне мужчин меньше, чем женщин, то природа сама решила подкорректировать человека. Но вот что странно: все эти двуполые были рождены женщинами, живущими или побывавшими в пятой коммуне, причем в одной и той же местности. И поползли слухи, что в те места частенько наведывается некто, кто называет себя Великим Ангелом. И как только эти слухи заполнили Соон, многие женщины словно с ума сошли. Как же! Всем хочется иметь ребенка от посланника богов. И побежали в пятую коммуну. А после того как к власти пришел Адо, эта коммуна стала центром новой религии. И название ей дали – «Долина богов».

- Простите, профессор, - прервала его Лизи. - А что это за Ангел?

- Да граничит тут с нашим миром еще один. Вот этот «Ангел» оттуда и появляется.

- А Вы сами видели его? – решил уточнить я.

Не открывая глаз, Каиир ответил:

- Я – нет, но слышал много интересного. Поговаривают, что там обитают полулюди-полуживотные.

- Простите, кто? – не поняла Лизи.

Профессор открыл глаза и поднялся с кресла:

- Туловище человека, а голова животного или птицы. И наоборот. Мне рассказывали, что видели людей с козлиными копытами и рогами, а еще быков с человеческими головами.

- Глупости все это, - вздрогнула Джул. – Это всего лишь легенды.

- Верить или не верить – Ваше право, - ответил ей профессор Ройтман и добавил. - Я отлучусь ненадолго. Постарайтесь не скучать.

- Странный он человек, - сказал я, когда профессор скрылся за ближайшими кустами. – Впрочем, как и его мир.

- Любой мир странный, - ответил на это профессор Зарин.

Мы замолчали. Каждый думал о чем-то своем. Внезапно Лизи спросила у отца:

- Папа, мы тут стали невольными свидетелями твоего спора с Каииром. Мне показалось, что его аргументы достаточно сильны. Надеюсь, ты передумал возвращаться в свое прошлое?

Профессор строго посмотрел на свою дочь:

- Он многого не знает. Я занимался вычислениями несколько сотен лет.

- Но, папа, согласишься, твой друг прав в том, что время – понятие, придуманное людьми для собственного удобства.

- Что ты смыслишь в этом! Время существует всегда и везде. Да, человеческий разум придал ему форму, и оно обступает нас со всех сторон: в повседневной жизни, в науке, искусстве, философии.

- Причем здесь философия, папа! Мы говорим о возврате в то прошлое, что осталось в твоих воспоминаниях. Но это всего лишь воспоминания. И они не настолько четкие, как ты думаешь.

- Оно существует! И мы туда дойдем!..

Лизи прижала ладони к своим ушам и зажмурилась:

- Я не хочу этого слышать! Папа, природа – хитрый механизм и сама себя защищает от таких, как ты. Она никогда – слышишь – никогда не позволит попасть именно в то прошлое, что помнит человек. И знаешь почему? Чтобы не позволить себя изменить. Если каждый захочет вернуться в прошлое, то настоящей жизни наступит конец. Все это было сотни, нет, тысячи раз описано в книгах и научных трудах. Но ты уперся рогом!

- Тогда скажи, почему в разные эпохи находили предметы, не соответствующие тому времени? Это тоже есть в книгах и научных трудах. Следовательно, вернуться во времени можно.

- Возможно, но это будет другое - альтернативное прошлое.

Я решил вмешаться:

- Позвольте мне, профессор...

- Нет! – крикнула Лизи. - Довольно! Я достаточно сегодня услышала! Короче, отец, я дойду до того портала, который тебе нужен, а дальше наши дороги разойдутся. У тебя своя жизнь, у меня своя. Я и так попала сюда не по своей воле.

Профессор побледнел, но промолчал. К счастью, в этот момент вернулся Каиир.

- Ну что же, друзья мои! Вот адрес, по которому вас будут ждать в четвертой коммуне, - и он протянул сложенный пополам листок бумаги. - Автомобиль в вашем полном распоряжении.

Я забрал у него листок и сунул себе в карман.

- А как быть с документами? – вспомнил о самом главном отец Лизи.

Каиир стукнул себя ладонью по лбу:

- Забыл! У вас ведь нет документов... Поступим следующим образом. Спускайтесь вниз, садитесь в машину и ждите. Документы вам подвезут.

Мы сидели в машине уже больше двух часов. Есть и пить хотелось до безумия. Но пить хотелось больше всего. Лично у меня во рту было сухо, как в пустыне. Я уже

порывался снова нагрянуть в гости к профессору, но в этот момент к машине подъехал мотоциклист.

- Это вы ждете документы? – тихо спросил он, не снимая шлема.

- Да, - ответил я.

Он быстро сунул в открытое окно маленький конверт, и мотоцикл, взревев, сорвался с места.

Я заглянул в конверт. В нем лежали четыре пластиковые карточки и небольшой листок сопроводительной бумаги. Вынув все, я передал карточки Лизи, а сам начал читать:

- Ойко Ноок, 32 года, не женат, профессия - пахарь, проживает в третьей коммуне, тридцать втором квадрате, дом за номером пять, первый этаж. Здоров. На банковском счету три тысячи восемьсот пятьдесят два соона.

- Вот он, - сказала Лизи, передавая мне одну из карточек. - Этот документ будет твоим.

Я взглянул на фотографию. С нее на меня смотрел парень с коротко подстриженными рыжими волосами. Его темно-зеленые, глубоко посаженные глаза настороженно смотрели вперед, а веснушки небольшими островками были рассыпаны по всему лицу.

- Но я на него абсолютно не похож, - возразил я.

Но Лизи меня не слушала. Она распределяла карточки. Себе она взяла документ некой Аан Соон – двадцативосьмилетней незамужней учительницы младших классов. Джул превратилась в сорокатрехлетнюю уборщицу общественных туалетов по имени Суок Суок, а профессор стал восьмидесятилетним врачом Кус Ной.

Разобравшись с документами, мы наконец смогли выехать из гаража. Но прежде чем двигаться дальше, нам нужно было найти хоть какие-нибудь емкости для воды. Только где их взять, никто не знал.

- Надо было у профессора попросить, - посоветовала Лизи, - наверняка у него есть пустые бутылки.

- Раньше надо было думать, - сказал я. – Сейчас нам необходимо найти хоть какую-нибудь лавку, иначе далеко мы не уедем.

Мы колесили по городу в поисках магазина часа три, но за все это время нам не удалось увидеть ни одной вывески или рекламы. В какой-то момент времени я готов был взорваться. Остановив машину около одного из небоскребов, я вылез из нее и прислонился спиной к дверце автомобиля. Я ненавидел этот город. Может, плюнуть на поиски и ехать в эту четвертую коммуну? В конце концов, на заправочной станции вода обязательно должна продаваться. Впрочем, я готов был пить даже из лужи. Куда народ весь подевался? Покрутив головой по сторонам, я снова уселся в машину и передал Лизи бумажку от Каиира. Пока она вводила в навигатор адрес, я, повернувшись к профессору и матери, сказал:

- Я смотрю, вы там, как мышки, сидите, тихо-тихо. Ни единого звука, никакого участия в жизни. Может, есть какие-нибудь предложения?

Джул тут же надула губы и стала рассматривать свои ногти, а профессор, махнув рукой, сказал:

- Давайте, поедем.

- Понятно, - сказал я и, повернув ключ зажигания, посмотрел в боковое зеркало машины.

В нем отражалась пожилая женщина. Вернее, ее спина. Я не верил собственным глазам. Откуда она взялась? Я мог дать голову на отсечение, что еще минуту назад ее на улице не было.

Старуха медленно шла, толкая перед собой здоровую тележку на колесиках. Боясь, что она так же внезапно исчезнет, как и появилась, я пулей выскочил из машины и рванул за ней. Догнав ее, я, запыхавшись, сказал:

- Простите, я недавно в этом городе. Не подскажете, где у вас здесь можно разжиться водой и едой?

Старушка остановилась и стала пристально меня разглядывать. Потом, поморгав своими прозрачными голубыми глазами, спросила:

- Откуда ты, гражданин?

- Из четвертой коммуны, - не моргнув глазом, соврал я.

- И что же, гражданин, у вас там пищевые склады в городах находятся?

Вот влип! Пищевые склады...

- Да, гражданка, - подстраиваясь под местную манеру общения, снова соврал я.

Старушка покачала головой и, зацокав языком, возмущенно сказала:

- До чего докатились!

Я тоже поцокал языком:

- Вот мы и решили сюда переехать. Ближе к настоящему порядку, но еще не освоились.

- Понятно, - пробормотала старушка. - За продуктами езжайте на север, там, сразу за городом, увидите пищевой склад, а здесь вы ничего не найдете. Только готовую стряпню.

И она, вцепившись в тележку, засемила прочь.

Вот старая дура! А подсказать, где эту стряпню купить можно, она, конечно, не додумалась. И что делать? Мчаться в четвертую коммуну или ехать на север?

Я направился к машине. Мимо меня с воплями «Я первый!» пробежала ватага мальчишек и юркнула под каменный навес одного из небоскребов. От духоты, жажды и голода у меня закружилась голова. Я прибавил шаг, но, поравнявшись с навесом, остановился. Там около открытого окна один за другим стояли мальчишки. Я подошел к самому последнему и тихо спросил:

- Парень, а что здесь дают?

Тот, не поворачивая головы, буркнул:

- Ты, гражданин, с неба свалился? Сейчас еду продавать будут.

Неужели боги сжалились над нами? Я помахал Лизи рукой, и она, усевшись за руль, подъехала ко мне. Тем временем в окошке показался полный мужчина в белом халате с закатанными по локоть рукавами. Поправив на голове цветную косынку, он уперся руками в прилавок и уставился на первого покупателя. Тот быстро провел своей карточкой по терминалу. Загорелся синий огонек, и мужчина в косынке поставил перед ним закрытый фольгой лоток и бутылку воды. Когда очередь дошла до нас, я спросил продавца:

- Я могу приобрести двойную порцию?

- Да хоть тройную, - ответил тот. - Платите.

- Тогда восемь лотков с едой и бутылок десять воды.

Я сунул свою карточку в терминал, и продавец, убедившись, что деньги списаны с моего счета, выставил мой заказ на прилавок.

Вернувшись в машину, я первым делом открыл бутылку воды и начал жадно пить. Скажу откровенно: я никогда не думал, что вода может быть такой вкусной. Напившись,

я вскрыл лоток и вынул из него большой сэндвич с зеленью и мясом. Позади меня фыркнула мать:

- Не мог взять что-нибудь другое? Ты же знаешь – я не ем мясо!

- Что было, то и принес, - с набитым ртом ответил я. - Другой еды нет и не будет. Не хочешь – ходи голодной.

Лично мне сэндвич понравился. Когда с трапезой было покончено, мы тронулись в путь, и очень скоро небоскребы остались у нас за спиной.

Поздно вечером мы подъехали к пограничному контролю, где около закрытого шлагбаума несколько человек в военной форме о чем-то громко разговаривали. Один из них, увидав нашу машину, поднял жезл и жестом приказал подъехать к нему.

- Гражданин, Вы не в курсе, что граница открыта только с десяти утра до пяти вечера? – задал он вопрос, когда машина поравнялась с ним.

Нужно было что-то сказать, и я ответил:

- Простите, я давно никуда не выезжал, тем более в другие коммуны.

Офицер пристально посмотрел на меня:

- Капитан.

- Что? – не понял я.

- Вы забыли добавить слово «капитан».

Я что-то замычал в ответ.

- У Вас болят зубы, гражданин?

- Нет, что Вы, капитан! Я просто устал, капитан.

- В следующий раз будьте внимательны, гражданин. Если Вам нужен отдых, то развернитесь, - он жезлом указал в ту сторону, откуда мы приехали, - и поверните на указателе. Там есть отель.

Козырнув, он вернулся к своим товарищам.

Мы так и сделали. Отыскав отель со странным названием «Приграничные сны», я припарковался. На наше счастье, профессор наотрез отказался покидать фургон, попросив только раздобыть ему подушку и одеяло. Я в сопровождении Лизи и Джул направился к двухэтажному вытянутому зданию с решетками на окнах. Открыв дверь, я пропустил своих спутниц вперед и только затем вошел сам.

Небольшой холл, куда мы попали, сиял чистотой, хотя в глаза сразу бросались обшарпанные стены, украшенные картинами с деревенским пейзажем, да зеленый ковер на полу, потертый в нескольких местах. Черная лакированная стойка, стоявшая полукругом, с засохшим букетом полевых цветов в небольшой стеклянной вазе на ней, производила удручающее впечатление. Все говорило о том, что данное заведение относится к разряду дешевых ночлежек. Впрочем, лично мне было все равно. Я краем глаза заметил, как Джул пренебрежительно сморщила нос. Она вряд ли когда-нибудь посещала подобные места.

Я направился к стойке, за которой возился лысоватый мужчина лет пятидесяти в темно-синем костюме. Он что-то выговаривал симпатичной девушке с длинными распущенными волосами. Ее цветастый сарафан на толстых лямках был единственным ярким пятном на фоне тусклого гостиничного интерьера.

- У вас есть свободные места? - обратился я к нему.

- Найдутся, - безразлично сказал он. – Еду включать?

- От еды не откажемся.

- Тогда шесть соонов.

Не зная, много это или мало, я, кивнув головой, достал свою карточку и, положил на стойку. Улыбнувшись девушке, я добавил:

- С нами есть еще один гражданин, но он решил остаться в машине. Ему будут нужны подушка, одеяло и еда.

- Восемь сооноов, - так же безразлично добавил мужчина.

Девушка сняла с моей карточки деньги и, вернув ее обратно, сказала:

- Вы можете не беспокоиться за вашего друга. Я все ему отнесу. В какой машине он находится?

- В белом фургоне, - пояснил я. - В самом конце стоянки.

Девушка кивнула головой и тут же исчезла.

Мужчина не торопясь достал откуда-то снизу три полотенца и, положив их на стойку, сказал:

- Кухня там, - он ткнул пальцем в сторону арочного проема, откуда доносились шум и голоса. - Койки на втором этаже. Женские слева, мужские справа.

- Что значит «койки»? - не поняла Джул.

- Тебя ждет огромное потрясение, - забирая полотенца, пообещал я ей и направился к лестнице.

Поднявшись на второй этаж, я, прежде чем открыть дверь мужской половины, сказал:

- Двадцать минут на душ и вниз. Нам надо подкрепиться. Чувствую, дорога предстоит нелегкая.

Лизи согласилась со мной:

- Душ принять не помешает. Я от этой духоты вся липкая.

- Ты собралась принимать душ в этом клоповнике?! - изумилась Джул. - Не боишься подцепить заразу?

Я посмотрел на мать:

- Джул, если мне не изменяет память, это ты стремилась попасть в клоповник. Так что эта, как ты выразилась, зараза, возможно, будет с тобой до конца твоих дней.

- Я здесь не останусь!

- Иди, тебя никто не держит! Документы в порядке, деньги есть, так что не пропадешь!

Джул смерила меня презрительным взглядом. Мне ничего не оставалось делать, как послать ей воздушный поцелуй.

Мужская спальня оказалась вытянутой комнатой с пятью или шестью окнами. Отыскав взглядом свободную кровать, стоявшую в самом конце помещения, я направился к ней и, усевшись на нее, потрогал подушку. Она оказалась довольно мягкой. Я широко зевнул. Смертельно хотелось спать. Сколько я был на ногах? Я попробовал подсчитать, но голова отказывалась работать. Мне даже не хотелось спускаться вниз. Через тонкую стенку был слышен шум льющейся воды, видимо, кто-то принимал душ.

На соседней койке лицом ко мне развалился молодой парень. Подперев рукой голову, он без всякого смущения смотрел на меня в упор. Я старался не обращать на него внимания, но поймал себя на мысли, что во мне начинает расти раздражение. И тут он спросил меня:

- Тебя как звать, гражданин?

Желание огрызнуться было велико, но я вовремя опомнился и, поборов неприязнь к этому типу, вежливо ответил:

- Ойко Ноок.

- Иди ты! – у моего соседа округлились глаза, и он тут же поднялся с кровати. – Сам Ойко Ноок!

Я насторожился.

- А что такое? – осторожно спросил я.

Парень посмотрел на меня сверху вниз, потом снова уселся на край своей кровати и, прищурив один глаз, полюбопытствовал:

- Если ты Ойко Ноок, то почему находишься здесь, а не в кладбищенской урне? Ты же героически погиб еще в прошлом году, спасая урожай пшеницы от огня.

Я опешил. Этого еще не хватало!

- Я здесь, потому, что я – это я. А тот погибший Ойко Ноок, вероятно, мой тезка.

Мой сосед молчал минуты две, а потом расхохотался:

- Ну и шутник ты, гражданин! Тезка? Это в других мирах есть тезки, а в нашем их нет. А все почему? А потому что имя – это, как отпечаток пальца, индивидуально.

- Ты прав, - медленно сказал я, - это была шутка.

- Тогда, давай знакомиться. Меня зовут Геер Нол. Так почему газеты написали о твоей смерти?

- Долгая история, - ответил я ему, поднимаясь на ноги.

Дверь в ванную открылась, и из нее вышел толстый коротышка, завернутый в простыню. Я быстро юркнул в напаренное помещение и закрыл за собой дверь.

Надо было что-то срочно делать. Может, аккуратно задать вопросы этому Гееру? Раздевшись, я открыл краны и подставил свое тело под струи прохладной воды.

Когда я вышел из душевой, на меня с интересом смотрели несколько пар глаз. Видимо, мой сосед уже успел растрезвонить всем, что с ними будет ночевать герой Соона.

Повесив мокрое полотенце на спинку кровати, я быстро вышел из комнаты и столкнулся с Джул и Лизи. Спустившись вниз, мы прошли в просторное помещение, разделенное на две части длинной столешницей. С одной стороны стояли плиты и столы для резки, с другой – деревянные стулья, на которых сидели несколько человек. Две грузные поварихи в белых передниках что-то чистили, резали, крошили и помешивали в больших кастрюлях и сковородах. Несмотря на открытые окна, в кухне было жарковато.

Усевшись на свободные стулья, мы стали ждать, когда нас обслужат. Я с интересом наблюдал за маленьким поваренком – юрким мальчишкой лет одиннадцати. Увидав новых постояльцев, он быстро поставил перед нами глубокие тарелки с густым супом и положил несколько лепешек. Я взял ложку и попробовал варево. Оно оказалось очень вкусным, и я с удовольствием начал его поглощать.

Однако Джул от еды отказалась. Отодвинув от себя тарелку, она сказала:

- Я не могу есть эту гадость.

- Не ешь, - спокойно ответил я и, достав из тарелки жирный кусок мяса на кости, принялся его обгладывать.

Джул с отвращением посмотрела на меня и отвернулась.

После супа нам подали овощной пирог, и мать принялась в нем ковыряться.

Я решил рассказать Лизи о странном разговоре в мужской комнате. Выслушав меня, она немного помолчав, сказала:

- Думаю, нам стоит повременить с переходом границы. Если этот Ойко Ноок национальный герой, то у нас могут быть большие проблемы.

- И что ты предлагаешь? – спросил я.

- Надо искать другой способ, - Лизи подперла ладонями щеки.

- Пока вы будете думать, нас всех поймают, посадят в тюрьму или убьют, - сквозь зубы процедила Джул. – И зачем я только пошла с вами?!

- Чтобы не умереть, - напомнил я ей.

Мать саркастически хмыкнула:

- Да, и умереть здесь.

- Мне нечего тебе предложить. Я все тебе сказал наверху.

Только я решил попросить стакан воды, как в кухню ворвался мой сосед и с грохотом уселся рядом со мной. Поваренок поставил перед ним тарелку, и он, громко чавкая, принялся поглощать пищу.

- Слушай, герой, - с набитым ртом обратился ко мне Геер. – Граждане хотят слышать, как ты спас урожай.

Я закашлял, и он, похлопав меня по спине, добавил:

- Не скромничай! Все равно уже все знают о тебе.

В кухню на цыпочках вошел мужчина из-за стойки. Он подошел ко мне:

- Гражданин Ноок, это такая честь для нас. Такая честь.

Трясущимися руками он положил на стол восемь монет.

- Возьмите. Я не могу брать деньги с героя и его друзей.

- Я его мать! – возмутилась Джул.

Все вокруг застыли, и по кухне пронесся еле слышный шепот.

- Что я такого сказала? – не поняла Джул.

Геер ладонью вытер рот и заметил:

- Весь Соон видел мать героя. И это не Вы, гражданка!

Надо было спасать положение. Я наигранно рассмеялся и махнув рукой в сторону матери, сказал:

- Не обращайте внимание. Она дальняя родственница и всегда говорила: «Хочу быть твоей матерью». У нее не все в порядке с головой.

По реакции присутствующих на кухне я понял, что мои слова оказались тоже не к месту. В разговор вмешалась Лизи:

- Гражданин, не знаю, как Вас зовут...

- Геер, - подсказал я.

- Гражданин Геер, почему Вы все время лезете к нам со своими вопросами?

Геер криво улыбнулся и смерил Лизи презрительным взглядом.

- Что? – не выдержала она.

- Ничего, - ледяным тоном ответил Геер, - это я еще не лезу.

Все засмеялись, а Лизи покраснела. Геер поднял руку и все умолкли.

- Так объяснит мне кто-нибудь из вас, - он придвинул к себе хорошую порцию пирога, - почему эта женщина сидит здесь, среди нормальных людей, а не находится в специализированном учреждении на излечении?

Это было неожиданно. Я даже не знал, что ответить, но Лизи быстро сориентировалась:

- Ах, вот что вас всех беспокоит! Так вот, знайте, гражданка Суок Суок полностью здорова. Она находилась на лечении, но теперь возвращается домой. А мы ее сопровождаем!

Все одобрительно загалдели, а Джул с изумлением уставилась на дочь профессора.

- Герой Ноок, - мужчина из-за стойки вплотную придвинулся ко мне. – Не откажите в просьбе. Я вызвал местное телевидение, чтобы все знали, что Вы живы и остановились в моем отеле. Пусть Проот с двадцатого километра сдохнет от зависти!

Взял за моду говорить всем, что у меня отель для тех, кто себя не уважает! Теперь пусть смотрит! Прощу Вас, пойдите со мной в холл. Они скоро придут. Это такая честь!

Съемки телевизионщиков прошли, как во сне. Меня о чем-то спрашивали, но я либо тупо улыбался, либо отвечал невпопад. Около меня все время крутился Геер. Я помню его холодный и колючий взгляд. Когда все закончилось, я выскочил на улицу и бросился к машине. Профессор не спал - его разбудил шум, и мне пришлось все ему рассказать.

- Знаете, Софи, - хмурясь, сказал он, - деваться нам некуда. Будем рисковать.

- Что нам может грозить, если нас поймают?

Помассировав указательным пальцем переносицу, профессор ответил:

- Я не большой знаток местной юриспруденции. Но, если судить по нашим законам, то, во-первых, незаконное проникновение из другого мира, и, во-вторых, использование чужих документов. Что бы нам грозило дома?

Звук открывающейся двери заставил нас с профессором вздрогнуть. Но это была моя мать. Обнимая подушку, она влезла в машину:

- Я буду спать здесь. Эти люди сумасшедшие. Спрашивают, как это после психушки я так хорошо сохранилась. К тому же всем интересно, как меня зовут. А я не помню, как. Сумок, Сунок...

- Суок, мама, Суок.

Джул недовольно заворчала и улеглась.

- Забыла, - зевая, сказала она. - Тебя на улице ждет Лизи и мальчишка с кухни.

Я вылез из машины и увидел Лизи. Рядом с ней, испуганно озираясь по сторонам, топтался тот самый юркий поваренок с кухни. Увидав меня, он бросился ко мне. Я, присев на корточки, тихо спросил:

- Что-то случилось?

Мальчик закивал головой. Прижавшись губами к моему уху, он зашептал:

- Гражданин Геер Нол только что позвонил в военную полицию и доложил о том, что в гостинице остановился человек, который использует имя погибшего героя. Вам надо бежать, герой Ноок. Я знаю, он сделал это специально, потому что завидует Вам.

Я выпрямился и, засунув руки в карманы, сказал:

- Значит, парень, они скоро будут здесь?

- Очень скоро. Вам надо бежать.

- Куда же я убегу? Я не один.

Мальчишка хитро улыбнулся:

- Я живу здесь, совсем рядом. Если не будете включать на машине фары, то нас никто не заметит.

Я ошарашенно посмотрел на него. Ай да поваренок!

Наша машина стояла в деревенском амбаре, заваленном сеном, дровами и какими-то досками. Олак – так звали нашего маленького друга, посоветовал не оставлять машину во дворе.

- Ее могут заметить с воздуха, - пояснил он.

- Как с воздуха? – удивился я.

Мальчик улыбнулся:

- Герой Ноок...

- Не называй меня так! – я раздраженно перебил его.

Олак замялся на мгновение.

- Хорошо, гражданин Ноок. Я только хотел сказать, что Вы меня удивили тем, что не знаете о воздушных шарах.

Лизи погладила мальчика по голове и ласково сказала:

- Конечно, гражданин Ноок знает об этом. Просто после того героического поступка у него бывают провалы в памяти.

Мальчик понимающе улыбнулся.

- Теперь ясно. Тогда вам нечего бояться. Если полицейские вас поймают, то, разумеется, вы им всё объясните. Я пойду посмотрю, что там происходит, - и мальчик выбежал из амбара.

- Надо уходить, - сказал я, обращаясь ко всем. - Пересечем границу в другом месте.

- Вы никак не пересечете ее в другом месте, Софи, - подал свой голос профессор. - У них вдоль всех границ проложена специальная полоса. Если приблизиться к ней на расстояние вытянутой руки, то получите электрический разряд такой силы, что вряд ли выживете. Этой полосы нет только на пограничном контроле.

- А если перелететь? На воздушном шаре?

- И где мы возьмем этот воздушный шар? - спросила Лизи.

Я и сам не знал, где можно взять воздушный шар. Надо будет спросить у Олака.

Дверь амбара распахнулась, и в проеме показалась мужская фигура. Присмотревшись, я узнал в ней Нола. Одной рукой он держал за шиворот перепуганного Олака, второй зажимал ему рот.

- Какая встреча! - процедил сквозь зубы Геер. - Я так и думал, что найду вас здесь.

- Отпустите мальчика! - крикнула Лизи и решительно направилась к нему.

Я успел схватить ее за руку и оттащить в сторону.

Геер рассмеялся:

- Не стоит так поступать, гражданка! Еще одно движение, и я сломаю шею этому тощему цыпленку.

- Хорошо, хорошо, - примирительно сказал я. - Мы стоим на месте и не двигаемся.

Ко мне подошел профессор и, посмотрев на рослого мужчину, спросил:

- А что, собственно говоря, Вам надо?

- Заткнись, - огрызнулся Геер. - Я буду разговаривать только с ним, что выдает себя за героя!

Я сделал вперед два шага:

- Что тебе надо? Деньги?

Геер широко улыбнулся, оголив гнилые зубы.

- Значит, я был прав. Пришлые. Этому болвану было поручено привести вас в другое место, а он спрятал здесь. Ты ему понравился, герой! Если бы я не жил с его матерью...

Не выпуская мальчика из своих рук, он нагнулся к нему и произнес:

- Ты знаешь, что бывает за сокрытие пришлых?

У Олака на глазах выступили слезы.

- Ладно, пожалею, не сдам, но позже сам разберусь, - он отпустил ворот рубахи Олака, и тот бросился наутек.

Сложив руки за спиной, Геер посмотрел на нас:

- Мне не нужны от Вас деньги! Я их и так получу за вас!

Снаружи раздался вой сирены, и спустя несколько мгновений в амбар ворвались вооруженные люди. Один из них, направив на нас автомат, рявкнул:

- На колени!

Мы послушно выполнили приказ. К нам подбежали несколько полицейских и, заломив назад руки, надели наручники.

После того как нас выволокли из амбара, Лизи умоляла не трогать отца. Один из военных ударил ее прикладом автомата, и она упала. Ее подняли и затолкали в одну из машин. Я видел Геера, оравшего прямо в ухо далеко не молодой женщине, прижимавшей к себе Олака. В больших глазах мальчика отражался ужас. Потом нас долго куда-то везли. Машину трясло, Джул кричала, грозила кому-то, чья-то нога в тяжелом ботинке ударила ее прямо в висок, и она сразу обмякла.

Затем было полутемное сырое помещение. Там сидели, лежали, стонали и тихо всхлипывали десятка два человек. Лизи, Джул и профессора среди них не было. Я не могу сказать, сколько провел времени в этом помещении. Может, день, или два, или три... Нас не кормили, не поили и даже не выводили в туалет. Я так устал, что первые сутки спал и мне было на все наплевать: кого забирают, кого приводят. Я познакомился с молодым пареньком лет двадцати. Оказывается, его посадили только за то, что он без разрешения женился на девушке из другой коммуны. Когда меня вызвали на допрос, мой новый знакомый успел шепнуть мне:

- Ни в чем не признавайся. Говори, что слепой, глухой, больной на всю голову, только не сознавайся, что ты пришлый...

И вот я сижу в каком-то кабинете и смотрю в упор на полицейского, сидящего напротив меня. Он читает какие-то бумаги и время от времени поправляет узел галстука. Наконец, оторвавшись от бумаг, он взглянул на меня и спросил:

- Значит Вы утверждаете, что являетесь героем Соона?

Сбоку от меня что-то застрекотало. Я скосил глаза. На стене висел какой-то аппарат, из которого лентой свисала бумага.

- Это всего лишь самописец, - успокоил меня полицейский, - он будет фиксировать каждое наше слово. Так Вы ответите мне на вопрос? Впрочем... Судя по тому, что Вас удивил самописец, у меня больше нет сомнений в том, что Вы пришлый.

- Воды... - прошептал я пересохшими губами. - Я ничего не скажу, пока мне не дадут воды.

Офицер подал кому-то знак, и мне принесли стакан с мутной водой. Я с жадностью выпил ее и попросил еще.

- Больше не полагается, - ответил полицейский. - Теперь повторю вопрос...

- Не надо. Я его отлично помню.

- Тогда отвечайте.

- Я действительно являюсь гражданином и героем Соона. Меня зовут Ойко Ноок.

- Но настоящий герой Ойко Ноок погиб, спасая урожай два года назад.

Я замотал головой:

- Произошла ошибка. Я не погиб. Я обгорел и потерял память. Меня нашли.

- Кого же тогда похоронили? - полицейский внимательно смотрел на меня.

Несмотря на то, что я попал в странную ситуацию, меня избили, не давали пить и есть, я готов был расхохотаться от задаваемых мне вопросов и той ахинеи, что я нес в ответ. Но я не мог себе этого позволить, потому что понимал, что мой смех лишь усугубит мое положение. Поэтому, театрально вздохнув, я сказал:

- Откуда мне знать? Может, кто-то мимо проходил, решил помочь и погиб. В конце концов, если я умер, то почему у меня на руках находится мой документ?

Полицейский пожевал губу и сказал:

- Вот и нам интересно, откуда?

- Из моего кармана. Спросите родственников. Должны же они у меня быть.

Полицейский откинулся на спинку стула, но его руки остались лежать на столе. Кончиками пальцев он стал отбивать какую-то мелодию.

- А Вы сами не помните своих родственников?

Прежде чем ответить, я подумал о том, что совершенно не знаю, как к нему обращаться, потому что ничего не понимаю в их нашивках на форме. И я рискнул:

- Гражданин полицейский,...

- Что? – взревел тот. – Как ты, свинья, ко мне обратился?!

- Простите меня! Частичная потеря памяти. Многого не помню. Только свое имя. Где жил, кто родственники – ничего не знаю. Не помню многие вещи, которые нужны в жизни, а Вы обижаетесь, что я не знаю, как обращаться к представителям власти. Лучше помогите. Мне нужен врач.

- Кто с Вами собирался пересечь границу?!

- О ком Вы? – я попытался оттянуть время, чтобы придумать хоть какую-нибудь правдоподобную историю.

- Две женщины и пожилой человек. Назовите их имена.

Я сделал вид, что мучительно вспоминаю их имена:

- Точно не помню, но, кажется, их имена Аан, Суок и... помню только Ной.

- Значит, у пожилого гражданина Вы помните только имя его отца?

Вот так дела. Значит в этом мире нет фамилий. Только собственное имя и имя родителя. Очень интересно. Спасибо тебе, офицер.

- Я же говорил, что у меня плохо с памятью. После того геройского поступка...

Я не успел договорить – открылась дверь, и кто-то за моей спиной сказал:

- Полковник Нав Нави, Вам стоит на это посмотреть.

Полицейский нехотя поднялся и вышел за дверь. Самописец умолк. Что же Вы, полковник, оставляете на столе служебные бумаги! Вытянув шею, я попробовал рассмотреть, что в них было написано. Мне нужна была хоть какая-нибудь информация, чтобы выкрутиться. За дверью слышались голоса, но я был сосредоточен на бумагах. На мое счастье, текст на верхнем листе был отпечатан крупными буквами. У них так принято или у полковника плохое зрение? Я начал читать. Трудность состояла в том, что мне приходилось читать вверх ногами. Но то, что я прочел, обрадовало меня, и, когда Нав Нави вернулся, я был готов к его вопросам.

Усевшись на свое место, полицейский вытянул вперед руки и, скрестив пальцы, задал новый вопрос:

- Итак, если Вы не погибли, гражданин Ноок, то где Вы находились все эти два года?

- Полковник, после того как я потушил огонь, мое тело было обожжено. От боли я потерял сознание, а когда очнулся, то лежал в доме гражданки Аан. Я не помню имя ее отца. Она не знала, кто я такой, потому что я ничего не помнил, кроме пожара. В моем обгоревшем комбинезоне она нашла только мой документ и таким образом мы оба узнали, как меня зовут. Гражданка Аан ухаживала за мной, заваривала травы. Однажды мы смотрели с ней новости, где сказали, что я герой, потому что спас большой урожай от огня. Она очень мной гордилась. Когда в тех же новостях сказали, что я погиб, сгорел заживо и что после меня осталась кучка пепла, то она хотела звонить на телевидение, чтобы мои родные и невеста узнали, что я жив. Но я остановил ее. Почти все мое тело и лицо превратились в пергамент. Моя невеста отказалась бы от такого уродца, и я не хотел причинять ей боль. И своим родным тоже. Я сказал тогда Аан: «Пусть думают, что я умер».

Закончив свой рассказ, я посмотрел не мигая в глаза полковнику. Тот, помолчав минуту, спросил:

- А что стало с Вашим лицом? Оно выглядит абсолютно нормальным, нет обгоревшей кожи, шрамов. Правда, и на себя Вы совсем не похожи.

- Можно еще воды? – попросил я.

Мне дали воды. Выпив, я продолжил:

- Гражданка Аан договорилась с одним врачом на пенсии – гражданином Ноем.

- Кус Ноем, - поправил меня Нав Нави.

- Как скажете, полковник, - послушно кивнул я. – Он за вознаграждение сделал мне операцию и пересадил кожу. У него волшебные руки. Посмотрите сами, прошло чуть больше года - и ни одного рубца, ни одного следа от швов!

- Вижу, - сказал полковник и, расцепив пальцы, стал что-то заполнять на бланке. – При обыске у Вас в кармане нашли бумажку с телефоном и адресом некоего гражданина. Кто он такой?

Я недолго думая ответил:

- Понятия не имею. Может, брал для чего-то.

- Тогда объясните, почему не пострадали Ваши карточка и этот лист бумаги, если от комбинезона ничего не осталось?

Я пожал плечами:

- Чудо, наверное.

- Ваше чудо, гражданин Ойко Ноок, состоит в том, что Ваши показания сошлись с показаниями гражданки Аан Соон. Иначе гнить Вам в тюрьме... Но вместо этого Вы отправитесь в суд, где Вам присудят штраф за нарушение общественного порядка.

- Благодарю Вас, полковник, - не веря своим ушам, сказал я.

Полицейский нажал на кнопку под столом, и в комнату вошли конвоиры:

- В суд, - приказал он.

Меня доставили в здание суда. Это было величественное сооружение с колоннами, сводчатым потолком, массивной мебелью и красивыми картинами на стенах. Несмотря на то, что в нем было всего лишь каких-то двадцать этажей, оно производило впечатление.

Мое слушанье должно было состояться на третьем этаже, в зале номер восемь. К лифтам было не протолкнуться, и мне с конвоирами пришлось подниматься по лестнице.

В зале было многолюдно. Отыскав для себя свободное место, я уселся в узкое кресло и стал ждать. Один из конвоиров отправился с моими документами к секретарю, сидевшему около судейского постаменты, а второй остался стоять около стены.

Судья по очереди подзывал к себе обвиняемых и о чем-то с ними беседовал, после чего объявлялся приговор и обвиняемый, либо, ликуя, покидал зал, либо его в наручниках выводили конвоиры. Заняться чем-то другим, кроме как наблюдать за происходящим, было невозможно, и спустя час от скуки я переключил свое внимание на сидящих рядом. С одной стороны от меня, уронив голову на грудь, мирно посапывала женщина, с другой сидел странный гражданин в широкой серой рубаше. Закрыв глаза, он что-то бормотал себе под нос, перебирая пальцами левой руки деревянные четки. Его волосы сальными прядями спадали на плечи, а щетина говорила о том, что лезвие бритвы давно не касалось его лица. Шея и руки этого парня были обвешаны многочисленными бусами и цепочками с нанизанными на них кулонами-амулетами.

Я глубоко вздохнул. Шел второй час моего пребывания в суде. В голове все время крутился вопрос: Где остальные? По правде говоря, мать и профессор интересовали меня меньше всего, но вот Лизи не выходила у меня из головы. Внезапно мой сосед прекратил бормотать и, повернув голову в мою сторону, сказал:

- Не стоит о ней беспокоиться. Твоя Лизи свободна и ждет тебя у здания суда.

Я так и подскочил на месте. Неужели я размышлял вслух? Но мой сосед снова заговорил:

- Ты не говорил вслух, ты просто очень громко думал.

- Простите, это Вы мне? – ошарашенно спросил я.

- Тебе, тебе, - и он снова погрузился в свое бормотание.

Поерзав в кресле, я развернулся в его сторону.

- Простите, гражданин, Вы умеете читать мысли?

Мой сосед замолчал и, посмотрев на меня, ответил:

- Я же из второй коммуны. Тебе, пришлый, это ни о чем не говорит. А вот этому, этому и тому, - странный мужчина пальцем ткнул в затылки сидевших перед нами людей, - скажет о многом.

Протянув мне руку с грязными ногтями, он добавил:

- Магистр Оок.

Я пожал его руку и тоже представился:

- Ойко Ноок. Будем знакомы.

- Я не знаколюсь с мертвецами, - отворачиваясь, буркнул Оок. - Ты настоящее имя назови.

Я колебался пару секунд.

- Софи, - назвал я свое имя.

- Вот теперь будем знакомы, Софи, - поворачиваясь ко мне, сказал странный человек. - Что собираешься делать, когда выйдешь отсюда?

- А я выйду?

- Да куда ты денешься! Судья

сегодня один. Ему еще долго работать. Он устал. Пока до тебя очередь дойдет, он останется совсем без сил.

- Ты ясновидящий?

- Я же сказал. Я - Магистр.

Впервые за несколько лет мне стало весело. «А с ним не соскучишься», - подумал я и произнес:

- Магистр чего?

Оок почесал подбородок:

- Всяких оккультных наук.

Я присвистнул. С такими людьми я никогда не встречался.

- Здорово! И как, вернее, что Вы можете делать?

- Разное...

Мою усталость как рукой сняло.

- Скажите, Оок, а таких, как Вы, много на Сооне?

- Около десяти миллионов.

Я выпучил глаза.

- И все Магистры?

- Кто-то Магистр, кто-то нет. Но без знаний магии делать в нашей коммуне нечего.

В этот момент из динамика раздалось:

- Оок Ок, подойдите к судье.

Мой сосед поднялся и, распевая что-то на незнакомом мне наречии, двинулся к судейскому постаменту.

Я занервничал. Мне не хотелось выпускать его из виду. На самом первом ряду освободилось место и я, указав конвоиру на него пальцем, быстро пересел вперед. Судья как раз начал выговаривать Магистру:

- Вы нарушили закон, гражданин Оок Ок. Вам разрешили находиться на территории другой коммуны всего два месяца, а Вы пробыли целых восемь.

- Простите, гражданин судья, - ответил Оок. - Я не пользуюсь календарем, не смотрю телевизор, не читаю новости. Время пролетело так незаметно... как один день. Я просто потерял ему счет...

- Неужели? – судья что-то быстро записывал на бумаге. – Но это не помешало Вам поселиться в заброшенном домике лесника и принимать все это время граждан, собирая с них деньги.

- Но согласитесь, гражданин судья, мне же надо было что-то есть...

- Гражданин Оок Ок, Вы знаете закон – все колдуны, маги и чародеи обязаны находиться только на территории второй коммуны. Им запрещено покидать ее без специального разрешения. Вы покинули коммуну по приглашению гражданина Дана Ене. Он был обязан Вас кормить. На него уже наложен крупный штраф. Кроме того, деньги, заработанные колдунами, магами и чародеями, идут в казну Соона. Наше правительство и так содержит вас всех.

- Гражданин судья, - заныл Оок. – Согласитесь, паек из тех продуктов, что выдают на человека, едва хватает на две недели. Люди в нашей коммуне голодают. Случаи каннибализма происходят с устрашающей частотой. К тому же к нам в коммуну стали селить отпетых преступников. Если бы Вы только знали, что они творят!

Судья оторвался от бумаг и посмотрел на Оока. Злорадно улыбнувшись, он сказал:

- Лично мне без разницы, как вы подохнете – от голода или сожжете друг друга.

С грохотом поставив на бумаге печать, он добавил:

- Гражданин Оок Ок на первый раз вы отделываетесь штрафом в размере 100 соонов. Их вычтут из Вашего месячного рациона. Вам запрещается посещать другие коммуны в течение трех лет. Если Вы еще раз нарушите закон, то будете отправлены в специализированное учреждение, где над Вами будут проводиться опыты во благо науки. Вы все поняли?

- Да, гражданин судья, - ответил Оок, отступая назад.

Я хотел подойти к нему, но он так быстро покинул зал, что я не успел это сделать.

Еще часа три я маялся, ожидая своей очереди. От долгого сидения у меня затекли ноги и спина. Когда выкрикнули мое имя, я с трудом вытащил свое тело из кресла и заковылял к судье. Как и обещал Магистр, судья даже не стал задавать мне вопросы. Он сразу присудил мне штраф в размере 100 соонов и отпустил на все четыре стороны. Боясь, что он может передумать, я быстро покинул здание суда, и первой, кого я увидал

на улице, была Лизи. И здесь Оок оказался прав. Она кинулась ко мне и заплакала. Немного успокоившись и вытерев слезы, Лизи сказала:

- Нам так повезло. Ты на допросе сказал то же самое, что и я.

- Нам повезло, потому что я умудрился прочитать твои показания. Где твой отец?

- Здесь. Ему присудили штраф за то, что, согласно легенде, будучи на пенсии, он оперировал без разрешения властей.

- Как он узнал о твоей легенде?

- Никак. Он просто молчал. У него случился приступ, а они решили, что старик сильно испугался. Поэтому мои показания стали главными.

- Как он себя чувствует?

- Ты знаешь, хорошо. Как только ему присудили штраф, его тут же доставили в кабинет врача. Тот сделал какой-то укол, и папа очнулся. Он спокойно ходит, выходит на улицу и у него нет приступов.

- Что известно о моей матери?

- С ней все намного хуже. Когда нас держали в камере, то я просила ее сказать на допросе, что она больна и ее лечил мой отец, но она начала кричать, что ей все надоело, и пожелала нам всем сдохнуть.

- Это обычное дело.

- Когда начался допрос, то она сразу стала рассказывать о побеге и о профессоре Ройтмане. Нас спасло только то, что она не запомнила ни его имя, ни адрес.

- Где она сейчас?

- На последнем этаже.

В зале, где слушали дело Джул, было немногочисленно – двое конвоиров, судья, его помощник и пятеро любопытствующих. Мы с Лизи тихо сели на самый последний ряд. Судья, листая папку, время от времени кидал удивленный взгляд на скамью, где, чуть сторбившись, потеряв былой лоск и как-то сразу постарев, сидела Джул. Конвоиры, скучая, стояли рядом. Помощник судьи – женщина средних лет – сидела за небольшим столиком около самого прохода. У нее в руках отливал серебром уже знакомый мне самописец.

Закрыв папку, судья, сопровождаемый стрекотанием самописца, обратился к Джул:

- Гражданка Суок Суок. Вы продолжаете настаивать на том, что явились из другого мира?

Джул послушно кивнула головой.

- Но Вы же понимаете, что это полный бред! Каждый знает, что Соон – это мир, хорошо охраняемый от неожиданных визитеров... У нас есть сведения, что Вы лечились у доктора Кус Ноя. Это правда?

- Нет! Он тоже бежал из другого мира! Почему Вы мне не верите?!

- Потому что Вы паталогическая врунья. К тому же у нас есть заключение врача, - и судья, взяв в руки какие-то бумаги, поднял их над головой. – Если Вы не измените свои показания, то я буду вынужден отправить Вас в специализированную лечебницу.

У Джул исказилось лицо, и она истошно закричала.

- Позовите свидетеля, - приказал судья.

К нашему с Лизи изумлению, со второго ряда поднялся профессор Зарин. Как он там очутился, мы не знали. Он не спеша вышел вперед и театрально поклонился судье.

- Свидетель, - обратился к нему судья, – Вы подтверждаете, что гражданка Суок Суок являлась Вашей пациенткой?

- Да, гражданин судья! – громко произнес профессор.

- Что с ней произошло?

- Несколько лет назад ко мне обратился несчастный муж этой женщины и рассказал, что после смерти их ребенка жена тяжело заболела и у нее начались проблемы с психикой. Гражданин судья, у гражданки Суок Суок раздвоение личности, и она нуждается в постоянном контроле.

- Что он несет?! – шепотом спросил я, обращаясь к Лизи.

- Спасает твою мать, - тоже шепотом ответила она. – Сиди и слушай!

Судья тем временем задал еще один вопрос:

- Почему же она не находится на излечении?

Отец Лизи ответил:

- Несколько лет назад она находилась на излечении. Потом ее отпустили домой, но где-то год назад она перестала употреблять необходимые ей лекарства, и вот результат: ухудшение здоровья. И, несмотря на то, что я нахожусь на пенсии, ее муж попросил меня снова присмотреть за ней и в случае чего сопроводить на повторное лечение.

- Он врёт! – заорала Джул, вскакивая со скамьи. – Он все врёт!

Конвоиры силой усадили ее обратно.

- Спокойно, гражданка Суок Суок, - сказал судья и жестом подозвал к себе помощницу.

Пошептавшись с ней о чем-то, он встал и громко объявил:

- Мы разрешаем гражданину Кус Ною сопровождать обвиняемую для необходимого ей курса лечения.

Мы сидели на скамейке под тенью густого дерева. Моей матери еще в зале суда дали успокоительное, и она, к моему счастью, находилась в заторможенном состоянии.

- Теперь куда? – раздраженно спросил я у профессора.

- Куда и собирались. В четвертую коммуну. Тем более что у нас на руках есть решения суда и нас не смогут арестовать еще раз.

- Да, но на чем мы доберемся до четвертой коммуны? Машины нет. Бумажку с адресом у меня изъяли.

Рядом с нами раздался тихий голос:

- Возможно, я могу помочь решить ваши проблемы.

Мы разом повернули головы. Это был Оок Ок. Я так обрадовался его появлению, что кинулся ему на шею.

- Осторожнее, - освобождаясь от моих объятий, сказал мой новый знакомый. – На Сооне публичные объятия и поцелуи запрещены.

Я смутился, но быстро взял себя в руки:

- Знакомьтесь, - сказал я, обращаясь к своим попутчикам. - Оок Ок. Магистр.

- Магистр чего? – спросила Лизи.

- Он из второй коммуны, где живут маги, чародеи и колдуны Соона, - пояснил я.

Лизи улыбнулась, но промолчала. Оок, разведя руки в стороны, театрально поклонился.

- Я думал, ты ушел, - сказал я ему.

- Ты слишком много думаешь, - улыбнувшись, ответил Оок. – Я так понимаю, что вы торопитесь туда, где ждет вас заветная дверь?

- Это аллегория? – Лизи с нескрываемым любопытством изучала Магистра.

Оок не ответил ей.

- Что ты еще видишь? – спросил я.

- Вы спешите в четвертую коммуну, но не знаете, как туда попасть.
- Совершенно верно, - подтвердил профессор.
- Я хочу, чтобы вы поехали со мной, - сказал Оок.
- Далеко? - полюбопытствовал я.
- Туда, где живу я – во вторую коммуну.
- Но это совсем в другой стороне! – ужаснулась Лизи.

Я согласился с ней. Мне безумно хотелось побыстрее вернуться обратно домой. А ехать с Магистром означало потерять несколько дней.

- И все же я настаиваю...

И он настоял на своем. Спустя час мы уже сидели в просторном вагоне поезда, поделенном на несколько отсеков невысокими перегородками, служившими одновременно спинками для деревянной скамьи с одной стороны и основой для крепления стола - с другой. Над столом был закреплен небольшой телевизор, по которому шел какой-то фильм. Я долго пытался понять смысл происходящего на экране, но мне это так и не удалось. Постепенно равномерный стук колес убаюкал меня.

Проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Я открыл глаза. Надо мной склонился Оок.

- Что-то случилось? – сонно спросил я.
- Нет, - ответил Магистр. - Проверка документов.
- Что я должен делать?
- Ничего. Я все сделаю сам. Дайте мне свои карточки.

Мы передали их Магистру, и, когда к нам подошел один из офицеров, Оок с улыбкой вручил ему наши документы.

Достав портативный терминал, тот прокатал на нем все карточки и, вернув документы Ооку, сказал, обращаясь к нам:

- К кому направляетесь?
- Оок тут же ответил:
- Ко мне, офицер.
 - Продолжительность пребывания? – задал следующий вопрос военный.
 - Неделя.
 - А они говорить не умеют? – строго спросил офицер.

- Умеют-умеют. Это я решил за них отвечать, чтобы не отнимать Ваше драгоценное время, офицер, - заискивающе сказал Магистр.

- Понятно, - военный еще раз нас всех оглядел и двинулся дальше.

После того как поезд снова тронулся, Оок сказал:

- Мы подъезжаем. Надень это.

И он протянул мне горсть разноцветных бус.

- Зачем? – не понял я, отпихивая от себя его руку.
- Надень – не пожалеешь!
- Еще чего! – фыркнул я и поднялся.
- Ты куда? – забеспокоилась Лизи.
- В туалет, - ответил я ей. – Могу я туда прогуляться?

На вокзал мы прибыли поздним вечером. Перед тем как выйти из вагона, Магистр предупредил:

- Ни на кого не отвлекаться! Идти быстро и прямо за мной! Старайтесь не потеряться!

Не успели мы подойти к зданию вокзала, как нас со всех сторон окружила толпа. Стараясь не отстать от Магистра, я прокладывал дорогу грудью. Приходилось не только отбиваться от набросившихся на нас странного вида людей, но и следить за тем, чтобы профессор, Джул и Лизи следовали за мной. Неожиданно на профессора коршуном налетел какой-то тип, и я в последний момент умудрился оттолкнуть его в сторону. Оок сумкой отбил новую атаку на нас и, схватив профессора за ремень шортов, потащил вперед – тот еле успевал передвигать ногами. Через несколько секунд я потерял их из виду. Решив посмотреть, где Джул и Лизи, я развернулся назад – и в этот момент мне в руку вцепилась абсолютно лысая женщина в черном одеянии:

- Приворожу! Наведу порчу! Совсем недорого!

- Мне это не надо! – крикнул я, пытаюсь оторваться от нее.

- Откуда ты знаешь? – она буквально повисла на мне, мешая идти. – Давай я хотя бы что-нибудь сделаю!

- Отстань, идиотка! – я со всей силы ударил ее, и она отлетела в сторону.

Ко мне с трудом протиснулась Лизи, пытаюсь что-то сказать, но гул толпы не давал мне возможности ее услышать. Краем глаза я увидел, как чья-то старческая рука тянется к ней. Схватив Лизи за рубашку, я со всей силы рванул ее на себя, после чего, крепко прижав ее к себе, я ринулся прочь. И тут дорогу нам перегородил молодой парень с разрисованным лицом.

- Органы нужны? Вырежем прямо при вас, так что свежачок обеспечен.

Не думая, я врезал ему кулаком по скуле, и он упал. Лизи по-своему отбивалась от мужчины, который вцепился ей в волосы. В конце концов ей удалось это сделать, и тот, упав на колени, прокричал нам в след проклятье. На наше счастье, подошел следующий поезд и часть обезумевших переключилась на вновь прибывших. Мы с Лизи буквально ввалились в здание вокзала.

Там было на удивление спокойно. Видимо, основная борьба за клиентов происходила непосредственно у поездов. Магистра и профессора нигде не было видно, как и моей матери. Лизи потрясывало.

- А где Джул? – спросил я у нее.

Посмотрев на меня со слезами на глазах, она ответила:

- Я тебе еще там, – она махнула в сторону перрона, – пыталась сказать, что ее уволокла какая-то женщина. Я ничего не могла сделать.

- Понятно, – ответил я и повел Лизи к выходу.

К нам попытались подойти еще несколько продавцов услуг и товаров, но, видя мой взгляд, быстро отходили в сторону.

На площади перед вокзалом я, прижимая к себе Лизи, раздумывал над тем, что делать дальше. Единственное, что приходило в голову, так это вернуться назад, купить билеты на первый же поезд и свалить из этого проклятого места. В этот момент к нам подъехала машина и из нее высунулся Оок.

- Где вас носит?!

Облегченно вздохнув, мы залезли в его машину. Рядом с ним, на переднем сидении, находился профессор. Он был явно напуган. Оок нажал на газ, и машина сорвалась с места.

Магистр вез нас по узким улочкам, время от времени сворачивая в те или иные переулки. Я тоскливо смотрел в окно, за которым мелькали дома. Только в отличие от предыдущих коммун, это были не небоскребы. Самое высотное здание, попавшееся нам на пути, имело всего лишь четыре этажа. Мне было очень плохо. Я хотел домой. Перед моими глазами возникла картинка: мы с Хвостом в обнимку лежим на тахте. Он,

распластавшись, положил свою голову мне на руку и, посапывая, дергает ногами: видимо, ему снится охота за птицами – а я, уткнувшись подбородком в его макушку, смотрю по телекому какую-нибудь чушь. У меня защипало в глазах – непрошенные слезы готовы были в любой момент вырваться наружу. Я глубоко вздохнул и поймал себя на мысли, что беспокоюсь о Джул.

- Почему ты так переживаешь за нее? Она ведь для тебя ничего не значит, – услышал я голос Магистра.

- Опять мысли читаешь?

- Я тебе уже говорил – ты громко думаешь.

Я провел ладонью по лицу и спросил:

- Что здесь происходит?

- Тебя интересует короткая или длинная версия? – поинтересовался Магистр.

- Покороче, если можно, – попросил я, – от всего происходящего я начинаю сходить с ума.

- Если покороче, то суть в следующем: здесь все борются за выживание...

Магистр подъехал к двухэтажному дому и затормозил:

- Приехали.

Мы вылезли из машины, и Оок, достав ключи, открыл дверь.

- Проходите, устраивайтесь... Мне принадлежит только первый этаж. На втором когда-то жила семейная пара, но несколько месяцев назад они умерли... От голода.

Мы вошли в дом. Это было просторное помещение, кирпичные стены которого были выкрашены в светло-сиреневый цвет. Весь интерьер, не считая кухонного уголка, состоял из пары кресел, дивана, небольшого стола и книжного шкафа. Из одной из стен торчали гвозди – на них висели брюки и пара рубашек.

- Ты не переживай, – услышал я за своей спиной голос Магистра. – Отыщем мы твою мать. Без денег она никому не нужна.

- А ты уверен, что у нее нет денег?

- Я знаю это, – ответил он. – Найдем.

- У тебя есть что-нибудь попить?

- Сейчас вскипятим воду и попьем травяной настой, – ответил Магистр и исчез за невысокой дверью, которую я и не приметил.

Направившись за ним следом, я попал в небольшой туалет. Оок, взявшись руками за унитаз, двигал его в сторону.

- Ты что делаешь? – ошарашенно спросил я, наблюдал за происходящим.

- Сейчас узнаешь, – сквозь зубы процедил Магистр.

Наконец он сдвинул унитаз. Под ним оказалась небольшая дыра. Оок сунул в нее руку:

- Видишь, где приходится прятать еду, – сказал он, вынимая пакет и передавая его мне.

Вернув унитаз на место, он вышел из туалета и направился к небольшой чугунной печке.

Пока он разжигал в ней огонь, его рот не закрывался:

- Думаешь, я врал тебе, когда говорил, что мы выживаем? Больше десяти лет назад сюда, как в резервацию, согнали всех тех, кто обладал тем или иным даром: ясновидцев, целителей, фокусников, колдунов. Вся операция заняла от силы дня два, не больше. Никто и пикнуть не успел. Поговаривали, что некоторые смогли убежать, но я в этом сильно сомневаюсь. С тех пор мы обитаем здесь. Получать деньги за свой труд мы не можем – правительство забирает их себе. Один раз в неделю нам привозят еду,

которой на всех не хватает. Раз в год доставляют поношенные вещи... Года два назад сюда стали селить отъявленных преступников. Убийцы, насильники, маньяки. Одним словом, жизнь без них была раем. Здесь все пытаются выжить. Еду прячут, потому что ее могут украсть. Детей не пускают на улицу, потому что их могут убить, продать на органы или заставить заниматься проституцией в притонах, да и взрослым поодиночке лучше не ходить. Полиции здесь нет, только на границе между коммунами. Есть мэр – его назначили два года назад. Ходят слухи, что он каннибал. Я не видел, но одна моя знакомая рассказывала, что он любит включать громко музыку и резать человека, пока тот еще жив...

Меня передернуло.

Когда в печке заиграли языки пламени, Магистр поднялся и забрал из моих рук пакет.

- Налей воды в кастрюльку, - попросил он, доставая из пакета продукты.

Их было немного: хлеб, масло, копченая рыба и несколько чайных пакетиков.

Я взял с широкого подоконника небольшую кастрюльку и направился к ржавой раковине, из крана которой капала вода. Наполнив, я поставил ее на печь.

- Из-за чего на вас так ополчилось правительство? – спросил я у Магистра.

Тот, бросив в кастрюльку два пакетика, сказал:

- Это очень хорошая трава. Дает много сил... Говорят, что кто-то из магов, и не один, предсказал Адо смерть. Думаю, он не сильно обрадовался. Вот всех сюда и согнал...

- А вы не думали сопротивляться? Вы же волшебники!

- Пробовали. Только ничего не получается. Видимо, у него есть мощная защита.

- Ну да, конечно, - мне очень хотелось посмеяться, но я не хотел обидеть Магистра.

К нам подошла Лизи. Забрав хлеб и рыбу, она стала накрывать на стол.

- Завтра найдем твою мать, а потом уедем отсюда, - сказал Магистр и, сняв кастрюльку с огня, понес ее к столу.

- Ты пойдешь с нами? Но там, в суде, судья сказал тебе...

- Я знаю, что сказал судья, - перебил меня Оок, разливая коричневатый напиток по чашкам. – Неужели ты думаешь, что я останусь здесь? Любой, кто в здравом уме, сделает все, чтобы уйти отсюда. Вот только не у всех это получается. Ты поможешь мне, а я помогу тебе вернуться домой целым и невредимым, вместе с твоей женщиной.

- Она не моя женщина. Я люблю ее, а она нет. Она любит другого.

- Тот другой больше не помеха.

- Я знаю, но боюсь...

- А ты не бойся.

- Хотелось бы, - сказал я. – Ты извини, но я не очень понимаю, как тебе помочь.

- У вас есть деньги, - сказал Оок, направляясь к столу. – Мне надо купить документ, а он стоит денег.

- Сколько нужно?

- Много. Десять тысяч соонов...

Мы сидели за столом и пили травяной настой. В дверь постучали.

- Кто там? – шепотом спросила Лизи, обращаясь к Магистру.

- Сейчас узнаем, - ответил Оок и встал из-за стола.

Он подошел к двери и открыл ее. В комнату тенью проскользнула невысокая молодая женщина в алом платье до пола, порванном в нескольких местах. Она была босая, а ее гладко зачесанные назад волосы делали и без того худое лицо похожим на череп, обтянутый кожей.

Она оглядела нас с ног до головы, и в ее глазах загорелся огонек. Скрипучим голосом женщина произнесла:

- Вот проходила мимо, увидела свет. Решила зайти, поздороваться с соседом. А у тебя, оказывается, гости.

Оок навис над ней:

- А ты все выглядываешь, подслушиваешь. Заняться больше нечем? Это мои гости. Понимаешь? Мои...

- Конечно-конечно, - скривилась женщина. – Тогда я пойду.

И она, развернувшись, уже собиралась уйти, но Оок остановил ее:

- Подожди!

Женщина остановилась.

- Когда ты ела в последний раз?

- Неделю назад, - ответила женщина.

Магистр собрал со стола остатки хлеба и рыбы. Засунув все это в пакет, он протянул его соседке. Та, со всей силы втянув носом воздух, схватила еду.

- За это спасибо, - сказала она Магистру, прижимая к себе пакет.

- Сможешь для меня кое-что узнать? – спросил Оок.

- Говори.

- Сегодня на вокзале мои гости потеряли друга. Красивую женщину с длинными светлыми волосами. Узнай, кто ее забрал.

Соседка кивнула в ответ и выскользнула из дома.

- Если кто и сможет найти твою мать, - сказал Оок, обращаясь ко мне, - то это она.

На следующий день рано утром Магистр исчез из дома, прихватив с собой наши карточки. Ближе к полудню он появился.

- Пора, - сказал он.

Мы послушно вышли за ним на улицу и сели в машину. Магистр привез нас к зданию старой школы, где возле нагромождения из старых школьных столов и стульев нас поджидал мужчина в серых джинсах и черной трикотажной куртке с капюшоном, натянутым по самые глаза. Увидав нас, он подошел к машине. Оок попросил меня пересесть назад, и, когда я это сделал, странный человек плюхнулся на мое место. Из-под капюшона нам были видны только прямой нос, узкие губы и трехдневная щетина. На его руках болтались многочисленные браслеты с амулетами.

- Принес? – спросил у него Оок.

- Да, - на удивление высоким для мужчины голосом ответил тот.

- Деньги у брата.

- Я знаю, - незнакомец достал из кармана куртки карточку.

Оок тут же забрал ее. Незнакомец, помолчав, добавил:

- Только учти, снимать с нее деньги нельзя. Иначе тебе конец.

- Хорошо, учту, - сказал Оок.

Мужчина вышел из машины и, немного ссутулившись, побежал прочь. Я снова пересел на переднее сидение.

- Все в порядке? – спросил я у Магистра.

- Да. Все отлично. Кстати, чуть не забыл, - и он достал из кармана наши карточки.

- Деньги-то еще остались? – поинтересовалась Лизи.

- В основном, у Вашего отца, - ответил Магистр и нажал на педаль газа.

Следующим местом, куда мы приехали, был трехэтажный деревянный дом.

- Ждите меня здесь, - приказал Оок и вышел из машины. Отсутствовал он минут сорок. Когда Магистр вышел из дома, то рядом с ним шла Джул.

- Боже! – выдавил я, увидав мать.

Ее роскошные светлые волосы, которыми она так гордилась, были коротко и неровно подстрижены. Вместо той одежды, что она выбрала себе в заброшенной лаборатории, на ней было надето бесформенное платье.

Усадив Джул в машину, Оок сказал:

- Значит так. Ее опоили одной дрянью, которая лишает памяти.

- То есть она ничего не помнит? – уточнил я.

- Да, - сухо ответил Магистр.

- А вернуть память обратно можно? – спросила Лизи, глядя Джул по плечу. Та даже не реагировала на ее прикосновения.

- Не уверен. Скорее всего, нет.

- А что с ее волосами?

- Остригли на продажу. Она откликается только на имя Суок. Есть еще одна неприятность – с ее карточки сняли все деньги. Хорошо, что саму карточку не украла.

- И что теперь? – спросил я.

Магистр думал минуты две-три, после чего, посмотрев на меня, сказал:

- Наша задача добраться до четвертой коммуны. Что касается денег, то у Вашего отца...

- Это не мой отец, - раздраженно, поправил я его.

- Не важно! У него на карточке их еще достаточно много. Но Ваша мать станет нам обузой. Я хочу предложить для нее хороший вариант. В четвертой коммуне живет мать той самой соседки, что умерла от голода. Она не была колдуньей, у нее вообще не было никаких способностей, но она пошла сюда следом за мужем. У них остался ребенок. Он родился за два года до их смерти. Моя соседка отдала свою дочь матери. Женщина уже в возрасте, и ей нужна помощница. Мы оставим твою мать у нее. Согласен?

Я задумался. Если память никогда не вернется к Джул, то это будет самый лучший вариант для всех нас. Она будет жить в доме, помогать по хозяйству, у нее будет еда и крыша над головой.

- Да, Магистр, меня это устраивает.

На удивление мы благополучно пересекли границу, и теперь мчались по скоростному шоссе к четвертой коммуне. Возможно, на поезде было бы быстрее, но его надо было ждать четыре дня. Провести еще несколько дней в этом городишке было выше наших сил.

После потери памяти мою мать словно подменили. Она была мила, любезна, спокойна, кушала все, что ей давали, и ни разу не пожаловалась на неудобства. Много болтала с Лизи и профессором. Иногда я ловил на себе ее пристальный взгляд. Она, хмурясь, смотрела на меня, словно пытаясь что-то вспомнить... У нее ничего не получалось, и тогда она закрывала глаза рукой и массировала свои виски большими пальцами. В этот момент мне становилось ее жаль, но сидевшие во мне воспоминания обиженного маленького мальчика не позволяли моим порывам нежности прорваться наружу.

Четвертая коммуна также состояла из одних небоскребов, но при этом сильно отличалась от того места, где проживал профессор Ройтман. Во-первых, улицы здесь были намного шире, во-вторых, то тут, то там встречались небольшие островки-парки, а в-третьих, толпы людей были повсюду – на улицах, скверах, площадях. Такого буйства

красок в одежде, на огромных рекламных щитах и вывесках я еще нигде не встречал. Даже в собственном мире.

Мы спокойно припарковались в одном из подземных гаражей и поднялись на пятый этаж. Отыскав нужную нам квартиру, Магистр постучал. Дверь открыла пожилая женщина. Ее звали Рууз Наа.

Рууз с внучкой жила в небольшой, но очень уютной квартире. Везде, где только можно, валялись детские игрушки. Оок представил нас хозяйке, и, когда очередь дошла до моей матери, женщины, улыбнувшись, крепко обняли друг друга. Я вздохнул с облегчением. Хозяйка пригласила нас на просторную террасу, где около небольшого надувного прудика сидела маленькая девочка и пускала по нему игрушечные кораблики. Девочка тут же заметила Джул и за несколько минут вовлекла ее в свои игры.

Позже, когда Рууз заказывала еду по телефону, я стоял у входа на террасу и наблюдал, как моя мать и малышка, прижавшись друг к другу, играли, плескались водой и громко смеялись.

- Ей будет здесь очень хорошо, - тихо сказала Лизи, наблюдавшая ту же картину.

- Я вижу.

- Осталось только проводить папу и решить, как вернуться обратно.

- Я очень хочу домой, к Хвосту, но я понятия не имею, как переправить твоего отца в другой мир. Я не видел адреса, где нас ждут. А ты помнишь?

- Если честно, - ответила Лизи, - нет.

- Это поправимо, - раздался за нашими спинами голос Магистра.

От неожиданности мы с Лизи вздрогнули и повернулись к нему.

- Испугались?.. Я так и думал, - Магистр посмотрел на нас с довольным видом и плюхнулся в кресло-качалку.

- Что значит «поправимо»? – спросил я его.

- Это значит, что я могу помочь вспомнить адрес, - качаясь, ответил Магистр.

Я удивился:

- Как? Я его в глаза не видел. Лизи не помнит, хотя вводила его в компьютер.

- А мне без разницы, в чьих мозгах ковыряться, - пожав плечами, ответил Оок.

Я немного напрягся.

- Но я не хочу, чтобы ты ковырялся в ее мозгах! Моя мать - великолепный пример.

- Что касается твоей матери, то это немного другая история. Я все сделаю аккуратно, и твоя подруга будет в полном порядке.

Лизи посмотрела на меня:

- Но я тоже против вмешательства.

Мимо нас с криками промчались Джул и девочка.

- Кино! Кино! Давай смотреть кино! – кричала малышка, убегая в другую комнату.

- Мы будем смотреть кино! – весело вторила ей моя мать.

В комнату, улыбаясь, вошла Рууз.

- Спасибо вам за Суок. Я давно не видела свою внучку такой веселой. Да и мне теперь будет легче. Сегодня же подстригу ее ровно и отдам одежду дочери. Ей будет как раз. Хотите кофе? Я его только что сварила.

Магистр вскочил на ноги и, гримасничая, подбежал к хозяйке:

- Кофе!.. Настоящий кофе!.. Я не пил его целую вечность!..

Рууз, рассмеявшись, потрепала его за ухо. Он сразу стал серьезным и, поцеловав женщину руку, сказал:

- Это тебе спасибо, что приютила у себя Джул. Иди на кухню, мы скоро.

Женщина, кивнув, ушла, а Магистр повернулся к нам:

- Хорошо. Есть еще один вариант.

- Только без проникновения в голову, - попросил я.

- Разумеется, - серьезно ответил Магистр. – Есть у меня один знакомый. Думаю, что он сможет нам помочь. Но сначала поедим.

У Рууз мы провели пару часов, после чего Магистр привез нас на какой-то заброшенный завод, где в абсолютно кромешной тьме одного из цехов мы медленно спустились по узким каменным ступеням в подвал. Там оказалось помещение, заставленное громоздкой мебелью и аппаратурой.

За широким и длинным столом, на котором в беспорядке валялись схемы и коробки с какими-то деталями, сидел молодой человек в очках с толстыми линзами. Его густые волосы были собраны на затылке в небольшой хвостик. Молодой человек что-то собирал, сверяясь со схемой. Напротив него висела включенная телевизионная панель. По ней передавали новости.

Я кашлянул, и парень, вздрогнув, с испугом посмотрел на нас. Мы подошли ближе, и профессор сказал:

- Добрый день, э-э...

- Нам нужен Сваан, - подсказал Магистр.

- Да-да, спасибо, - поблагодарил профессор и снова обратился к молодому человеку. – Вы Сваан?

- Нет, - ответил юноша и громко крикнул. – Отец! К тебе пришли.

Послышался глухой удар, и в стене открылась дверь, замаскированная под высокий шкаф. Из нее вышел довольно крупный мужчина в грязном комбинезоне. Он вытирал руки о цветастую тряпку.

- Кто такие? – спросил он, глядя на нас.

Мы в свою очередь посмотрели на Магистра.

Оок подошел к Сваану и спросил:

- Вы помните меня?

- Нет, - сказал мужчина, бросая тряпку на невысокий грязный холодильник. – А в чем дело?

- Дело в том, - растерянно сказал профессор, - что Магистр обещал нам, что Вы сможете переправить нас в другой мир.

- Я не обещал, - сказал Магистр, - я сказал: «Думаю, что он сможет нам помочь». Не передергивайте, профессор.

Затем Оок добавил:

- Сваан, неужели Вы меня не помните? Мы с Вами встречались.

Мужчина засунул руки в карманы комбинезона и спросил:

- Когда это было?

- Пару лет назад.

- Понятно, - Сваан направился к стальному баку, висевшему на стене. Взяв в руки алюминиевую кружку, он подставил ее под кран и нажал на кнопку. Из крана полилась горячая вода, и тонкая струйка пара стала медленно подниматься вверх. Наполнив чашку, он бросил в нее пакетик с травой и вернулся к столу. Отхлебнув немного из чашки, он снова посмотрел на нас и сказал:

- Я абсолютно не помню нашу встречу. Единственное место, куда я могу вас переправить, будет Лючи. Две тысячи соонов. Устроит?

Магистр нахмурился и спросил:

- А еще куда-нибудь сможете?

- В ближайшее время нет. Решайте.

- Мы согласны! – воскликнул профессор.

- Профессор, Вы уверены? – спросил я.

Но профессор ничего не сказал.

Мужчина обратился к сыну:

- Получится ввести координаты?

Парень поднялся и скрылся за той самой дверью, откуда недавно вышел отец.

- Да вы садитесь, - сказал мужчина, - правда, стульев тут маловато.

Мы усадили профессора на трехногий табурет, а Лиза и Оок расположились на огромной трубе, идущей вдоль стены на небольшом расстоянии от пола. Я остался стоять.

Сваан, поставив чашку, посмотрел на профессора и спросил:

- Расплачиваться будете как?

- Карточкой, - ответил отец Лизи и протянул ее Сваану.

Взяв карточку и бросив: «Я сейчас», мужчина скрылся за той же потайной дверью.

Пока мы терпеливо дожидались Сваана, прелестная диктор новостей объявила, что первое лицо Соона выступит с очередным заявлением. Мне было очень любопытно посмотреть на того, кто так активно общается с Великим Ангелом.

На экране появился Адо, и я не поверил своим глазам – на меня смотрел мой отец.

- Какого дьявола здесь происходит! – истошно заорал я, когда ко мне вернулся дар речи.

На мой крик прибежали Сваан с сыном. Профессор и Магистр в изумлении уставились на меня, а Лизи, испугавшись, ринулась ко мне:

- Софи, что случилось?! – закричала она.

Указывая пальцем на экран, я прохрипел:

- Посмотри! Посмотри на него! Это – Адо!

- И что?! – Лизи ничего не понимала.

Я со всей дури начал бить кулаками по столу. От моих ударов стол завибрировал, пара схем плавно спланировали на пол, детали в коробках угрожающе зазвенели. Сваан бросился к столу и врезал мне по челюсти. Я еле удержался на ногах. Удар привел меня в чувство, и я, опустив голову и глядя прямо в пол, спокойно сказал:

- Этот человек мой отец. Он пропал пятнадцать лет назад.

- Может, он, как и твоя мать, потерял память и ничего не помнит? Ты же не знаешь, что с ним произошло на самом деле, - предположила Лизи.

- Возможно, ты права, – я поднял голову и посмотрел на нее. – Мне надо с ним встретиться и поговорить.

- Ты с ума сошел?!

- Нисколько, - посмотрев на Магистра, я обратился к нему - Ты можешь своими чарами помочь мне встретиться с отцом?

Оок уставился на меня. Поколебавшись немного, он ответил:

- Ну, если ты так хочешь, то я устрою тебе встречу. Но ты реши, что для тебя важнее: встреча с человеком, которого и отцом-то назвать сложно, или твой пес?

Я застонал. Лизи обняла меня и я, уткнувшись головой ей в шею, несколько раз глубоко вдохнул.

- Все будет хорошо, Софи, - сказала она, глядя меня по голове. – Я так понимаю, что возвращение домой откладывается.

- Вы готовы? – спросил Сваан, возвращая карточку профессору.

- Да-да, мы готовы, - засуетился тот.

Я оторвался от Лизи.

- Тогда вытягивайте вперед левую руку. Кто левша – правую.

- Это еще зачем? – поинтересовался профессор.

- Надо чипы установить.

- Это обязательно? В нас уже установлены биоры.

- Знаю я эти биоры. Позапрошлый век. Очень устаревшая версия биокома*, - устало зевнув, сказал Сваан, - мне абсолютно все равно, будет у Вас на руке биоком или не будет. Но поставить советую. Скоро они и у вас появятся.

- Это вряд ли, - твердо сказал профессор. – Я ставить не буду.

- А как он выглядит? – поинтересовалась Лизи.

Мужчина подошел к холодильнику и открыв дверцу, вынул из него ампулу. В ней плескалась прозрачная жидкость.

- У меня, к сожалению, нет лупы, - сказал Сваан, - но можете мне поверить – биоком находится внутри этой ампулы.

- Так чем он лучше биора? – спросил я.

- Всем, - ответил Сваан. – В нем все. Вы даже себе представить не можете, что может эта вещьца... Жаль, что Адо запретил нам использование технологий. Впрочем, он много что запретил.

- А Вы можете показать, как он работает? – спросила Лизи.

- Вы меня совсем не слушали, гражданин. Здесь, на Сооне, биоком не работает. Но там вы легко его освоите.

Лизи протянула руку и твердо сказала:

- Устанавливайте!

Сваан вскрыл одну из ампул и вылил жидкость на внутренний изгиб Лизиной руки. Жидкость стала твердеть у нас на глазах и уже через несколько секунд превратилась в небольшой белый сгусток. Сваан большим пальцем руки со всей силы нажал на него и Лизи ойкнула. То место, куда вошел чип, покраснело. Легко отодрав сгусток от руки, мужчина сказал:

- Готово.

Следом за Лизи чип установил и я. Оок, как и профессор, категорически отказался от биокома. После процедуры Сваан пригласил пройти нас в потайную комнату, где около портала возился его сын. Несмотря на все старания молодого человека, субстанция портала оставалась гладкой, как стекло.

- Ничего страшного, - успокоил нас Сваан. – К сожалению, оборудование собрано кустарно, поэтому не всегда получается с первого раза.

Подумав немного, он добавил:

- И вот еще что, на Лючи принято жить в трех временных потоках. К ним быстро привыкаешь, так что не паникуйте, но биокомы настройте, не выходя из бункера.

Честно говоря, я ничего не понял и хотел у него кое-что уточнить, но в этот момент по глади портала прошла первая рябь, потом вторая, третья. Связь с Лючи была установлена.

- Удачи вам! – пожелал Сваан, и мы по одному вошли в портал.

Станция порталов действительно очень смахивала на подземный бункер: без изысков, на стенах штукатурка, пол покрыт клинкерной плиткой. Вокруг сновали люди. Меня сразу напрягла чужая речь. Правда, в ней проскальзывали знакомые уху слова, но в потоке слов смысл утрачивался, и я не понимал, что мне делать дальше. Пока я собирался с мыслями, ко мне подскочила Лизи и прошептала:

- Посмотри!

- Куда? – не понял я.

- На руку! На свою руку посмотри! – и она, согнув мою левую руку в локте, ткнула в нее пальцем. Я опустил взгляд и обомлел. От внутреннего сгиба до запястья бежала информационная строка голубого цвета. Я прикоснулся к своей коже, даже потер ее, но ничего не произошло. Строка продолжала бежать. И тут меня осенило: моя кожа – это экран, на котором отображается вся информация. И сейчас мой биокон включился и просит у меня на разных языках разрешение на соединение с интерфейсом головного центра Лючи. На руке появилось окошко. В нем, все время меняясь, мигало какое-то слово. Я дотронулся до него пальцем, но ничего не произошло. Значит, все это включается несколько по-другому. Только как?

- Я не знаю, как его запустить, – сказал я Лизи.

- Возможно, надо дать команду голосом?

- Знать бы еще, какую, – ответил я, но вслух произнес: «Войти!»

Ничего не изменилось.

- Не сработало, – констатировал я, потирая пальцами лоб.

- Тогда попробуй управлять взглядом, – предложила она.

- Как в очках? Стоит попробовать...

Я выдохнул и посмотрев на окошко, мысленно нажал на него. И биокон заработал! На моей руке появились несколько окон, в которых что-то было написано. Я взглядом нажал на первое и тут же попал в языковое меню. Пролистав его, я наткнулся на английский язык. Теперь можно было спокойно управлять биоконком. Я вернулся на исходную позицию и прочитал, что было написано в остальных окошках: «Биоданные», «Банк», «Связь», «Информация» «Услуги», «Камера». Видимо, биокон заранее был настроен на самые важные данные. Во всяком случае, для таких, как мы, кто никогда не был связан с этой системой.

Я вошел в «Биоданные», и на руке тут же возникла строка «Введите имя». Клавиатуры не было.

- Может, теперь работает команда голосом? – предположила Лизи.

Я четко произнес:

- Софи! – и перевел взгляд на «Ввод».

На руке высветилась строка «Дата рождения». Я сказал. Биокон послушно выполнил мою команду. Я взглянул на Лизи, и она следом за мной повторила все шаги.

Когда ввод данных закончился, кроме моего имени и возраста биокон показал мне температуру тела, состояние органов, анализы крови и мочи. Я даже присвистнул. Ради интереса я просмотрел все разделы, связанные со своим здоровьем, и обнаружил пометку о том, что биокон улучшил некоторые параметры моего зрения, слуха и сосудов головного мозга для более комфортного пребывания на Лючи. Вот почему я так легко мог прочитать мелкий шрифт на руке.

Изучив в «Услугах» перечень отелей, я решил забронировать для нас большой номер с несколькими комнатами. Это можно было сделать и виртуально, но мне не терпелось проверить раздел «Связь» и я позвонил. В моей голове раздалось два гудка, после чего я услышал мужской голос. Представившись, он задал вопрос на английском:

- Чем могу быть полезен?

Я откашлялся и громко сказал:

- Могу ли я забронировать номер?

- Разговаривайте мысленно, иначе мешает эхо Вашего голоса...

Это было невероятно! Самое главное, что биокон не вызывал побочных явлений, хотя, судя по моим биоданным, я был здоров, как бык.

Во время бронирования я выяснил, что на моем банковском счету денег нет, а без оплаты заселиться мы не можем. Надо было каким-то образом пополнить счет. Я растерялся, но служащий отеля посоветовал воспользоваться услугами банка Лючи, подсказав, что в бункере есть его филиал.

Оставив профессора и Магистра под присмотром Лизи, я направился на его поиски. Отыскав филиал банка, я подошел к узкой стойке, за которой стояла ослепительно красивая сотрудница. Она широко улыбалась. На самой стойке была установлена панель с двенадцатью клавишами. На каждой из них был указан язык, и я, отыскав нужную мне клавишу, прикоснулся к ней. К моему изумлению, сотрудница банка исчезла, а на ее месте возник улыбающийся молодой человек. Неужели это была всего лишь голограмма? Такая четкая, словно передо мной стоял реально живой человек. Я вытянул вперед руку, и она спокойно прошла сквозь парня.

- Добрый день, - решил я поздороваться.

- Какой вид операции Вас интересует? – спросила голограмма на английском языке.

Я ответил.

- Для этого вида операции мне нужна банковская карточка Вашего мира.

Интересно, как он ее возьмет? Словно прочитав мои мысли, голографический сотрудник пояснил:

- Вставьте ее... - он замолчал на пару минут, видимо подбирая нужное слово, - в считывающее устройство.

Я удивился. Надо же, какое устаревшее название употребила голограмма для сканера. Не переставая улыбаться, голограмма произнесла:

- Так как Вы впервые прибыли на Лючи, то наш банк дарит Вам тридцать тысяч кредитов.

Я с облегчением выдохнул:

- Когда я смогу получить деньги?

- Они уже на Вашем счету. Можете убедиться.

И, действительно, по моей руке бежала строка: «Софи, на Ваш банковский номер 004955089116 поступило тридцать тысяч лючианских кредитов».

- Имейте в виду, - сказала голограмма, - если за время своего пребывания Вы не успеете потратить всю сумму, выданную Вам банком, она сгорит, как только Вы пройдете портал...

Я вернулся обратно, где меня дожидались Лизи, отец и Оок. Спустя несколько минут от администрации отеля пришло сообщение. Они интересовались, каким способом мы желаем прибыть к ним – через внутренний портал или вызвав электромобиль? Разумеется, мы выбрали портал. Трястись в мобиле не было ни сил, ни желания. Через пять минут мы уже открывали дверь номера в шикарном отеле.

Еще через пару часов мы спустились в небольшой, но очень уютный ресторан. Кроме нас в нем никого не было. Я позвал к себе официанта, который сносно говорил на английском:

- Скажите, - спросил я, - сейчас, если я не ошибаюсь, всего лишь семь вечера.

- Да, - подтвердил он.

- Может, это покажется глупым, но почему кроме нас здесь больше никого нет?

- Еще очень рано, - ответил официант. - Обычно прием пиццы происходит ближе к полуночи.

- Понятно. Скажите, у вас здесь разрешено курить?

- Конечно, - ответил он. - Могу принести сигареты.

- Спаситель, - выдохнул я. – Тащи!

Он поклонился и ушел.

- Тебе хочется повеселиться? – спросила Лизи.

- Безумно, - с сарказмом ответил я, - мне нашего веселья мало.

- А если серьезно?

- Просто хотел узнать, куда у них весь народ подевался.

- А сигареты?

Я внимательно посмотрел на нее:

- Лизи, я столько перенес потрясений за последнее время, что мне глубоко наплевать на то, что можно, а что нельзя в других мирах. Я очень хочу курить и я буду курить.

- Я ничего не говорю, - стала оправдываться Лизи. – Просто лучше перетерпеть.

Официант принес и поставил на стол большую пепельницу и несколько пачек сигарет разных сортов.

Я взял одну из них и прикурил. Табак был очень крепкий, и у меня закружилась голова. По руке пробежала строка предупреждающая об изменениях в моем организме.

- Надо же, - сказал я, - голова кружится.

- Сколько ты не курил? – спросил Магистр.

- Думаю, около двух-трех недель, - прикинул я.

- Поэтому и кружится, - сказал Магистр, наблюдая, как два официанта ставят перед нами большие блюда с едой.

Ее было так много, что на столе не хватило места.

- Послушайте, - я дернул одного из официантов за рукав. – Я заказывал легкий ужин на четверых, а здесь еды человек на двадцать.

Официант спокойно ответил:

- Это и есть легкий ужин. Мы его даже сократили, так как вы из другого мира. С пришлыми всегда такая неразбериха, - и, поклонившись, он ушел.

Единственный, кто не растерялся в этой ситуации, был Магистр. Он тут же набросился на еду и стал поглощать ее с большой скоростью. Я его понимал – он слишком долго голодал.

- Магистр, - попросил я его, - ты только не переусердствуй, а то на больничную койку угодишь.

Но тот меня не слушал. Он молча набивал свой желудок.

В отличие от него, мне совсем не хотелось есть. Единственное мое желание состояло только в том, чтобы побыстрее вернуться в свою любимую деревню, к привычному образу жизни.

- Скажите, профессор, - обратился я к отцу Лизи, выпуская тонкую струйку дыма, - перед тем как покинуть Соон, тот человек – Сваан - предупредил, что на Лючи три временных потока. Что это может означать?

Профессор оторвался от жаркого:

- А что Вы хотите знать, Софи?

- Почему лично я их не ощущаю?

- В каком смысле? – не понял отец Лизи.

- Просто, когда я учился в школе, нам говорили о том, что существуют пласты, в которых уживаются несколько времен. Я всегда думал, что три разных времени – это три разных воспоминания...

- Нет, - сказал профессор. – Такого быть не может. Разных воспоминаний у одного человека быть не может, если только одно, два или более из них не являются

придуманными самим человеком. Ну, еще разные воспоминания бывают при изменениях сознания. Раздвоение личности, к примеру.

Потушив в пепельнице сигарету, я взял другую и снова закурил:

- Тогда почему Сваан говорил о трех временах?

- Думаю, что это некая форма позерства местных жителей, - ответил профессор, поднося к губам бокал с розовым вином.

Отхлебнув немного и поставив бокал на стол, он добавил:

- Понимаете, в этом мире проживает очень своеобразная публика. Люди настолько пресытились жизнью, что просто не знают, чем еще выделиться. Вот и придумали легенду, по-своему красивую, о трех временах, которые сопутствуют их по жизни.

- Вы не правы, - подал свой голос Магистр. - Софи, найди на своем биокоме информационное окно «Время».

Я нашел и нажал на него. Передо мной открылись три показателя: «Биологическое время», «Сопутствующее время», «Ощущаемое время».

- Биологическое время, - сказал Оок, - заложено в момент зачатия и никогда не соответствует тому, что указано в официальных данных человека.

- Всем хочется быть моложе своего возраста, - вмешался профессор. - Скорее всего, лючианцы специально ввели в биоком программу, занижающую возраст. Ни один компьютер не в силах это определить.

- Откуда такие познания, профессор? - усмеялся Магистр.

- Я тоже не согласен с Вами, профессор, - сказал я. - В старину люди всегда говорили, что тебе столько лет, на сколько ты себя чувствуешь.

- Теперь посмотри на «сопутствующее» время, - сказал мне Магистр. - Это время, что человек тратит на то или иное действие. Разумеется, оно отличается от «ощущаемого». Другими словами, если ты хочешь жить по «ощущаемому» времени, то такси, к примеру, вызванное тобой, будет ехать очень долго. Кстати, те из лючианцев, что живут по «ощущаемому» времени, долго не стареют, но когда ты на них смотришь, то создается впечатление, что эти люди живут в замедленном темпе. Общаться с ними можно только тогда, когда ты тоже переведешь свое собственное время.

- Ты хочешь сказать, - решил уточнить я, - что при ожидании чего-то время тянется намного дольше и у человека появляется свободный временной отрезок?

Но Магистр не ответил. Он тяжело дышал, а лицо было бледным.

- С тобой все в порядке? - спросил я мага.

Тот отрицательно покачал головой и, закатив глаза, откинулся на спинку кресла.

- Официант! - крикнул я. - Врача!

Врач появился минуты через три. Осмотрев Магистра, он сказал:

- Сожалею, но мне придется забрать его с собой.

- Что с ним? - обеспокоенно спросил я.

- Сейчас он без сознания, - ответил доктор, набирая что-то на своем биокоме. - Чтобы исключить заворот кишок или что хуже, мне надо его обследовать.

- Это очень опасно? - Лизи была очень напугана.

- В другом мире, возможно. На Лючи нет. Завтра будет, как новенький.

В ресторан вошли двое крепких ребят, и доктор указал им на Магистра. Они взяли его под руки и вынесли из ресторана.

- Может, нам стоит поехать за ними? - спросила меня Лизи.

- Не думаю, - ответил я. - Кстати, мы его предупреждали. Он не послушался. К тому же ты слышала, что сказал доктор? Завтра он будет, как новенький.

- Будем надеяться, - сказала Лизи. - Я лучше пойду спать.
- Конечно, иди, - сказал профессор, - а мы с Софи еще посидим.

Лизи ушла. Я совсем скис - сидел и смотрел на огонь в камине, и больше всего на свете мне хотелось уснуть и проснуться дома, чтобы все, что случилось со мной за последнее время, оказалось лишь сном. От размышлений меня оторвал профессор.

- Хорошо здесь, - сказал он, наливая себе еще вина. – Вы согласны со мной?

Я не мог понять, о чем он говорит.

- Нет. То есть, да... Профессор, я что-то тоже устал. Вы идете?

- Нет. Лучше останусь здесь. Буду наслаждаться этим вечером и прекрасным вином.

Я поднялся, забрал сигареты и ушел в номер. В комнате Лизи было тихо. Я прошел в свою комнату и, не раздеваясь, рухнул на мягкую кровать.

Утром следующего дня со мной связался врач:

- Мне очень жаль, - сообщил он, - но Ваш знакомый скончался сегодня утром. Сожалею.

- Пойдите! – воскликнул я. – Как скончался?! Он прекрасно себя чувствовал. Только много съел вечером. От этого не умирают.

- Сожалею, - еще раз повторил врач. – Действительно, от этого не умирают, если за врачебную помощь могут заплатить. Но у Вашего знакомого не было биокома, а наши услуги стоят денег.

- Но Вы могли бы связаться со мной, и я бы заплатил!

- Мы не подумали об этом. У нас не принято платить за других.

И он отключился.

У меня наступил ступор. Я не мог себе представить, что Магистра больше нет. Из своей комнаты вышла Лизи. Я сообщил ей о смерти Оока.

- Какой ужас, - опешила она, и у нее на глазах навернулись слезы. – Он был хорошим человеком.

Я взъерошил себе волосы и посмотрел на нее:

- Где твой отец?

- Не знаю. Он не возвращался.

- Не хватало только его потерять.

Мы с Лизи спустились в ресторан. Профессор был там. Оказывается, он уснул прямо за столом.

- Здесь так хорошо, - мечтательно сказал он, когда мы с Лизи сели на свободные стулья. – Идеальный мир. Дочка, оставайся здесь.

- Что-то не хочется, - сказала Лизи. – Магистр умер.

Профессор вздохнул и заметил:

- Печально, он был забавен.

Я промолчал, хотя меня просто распирало от злости. Лизи посмотрела на отца:

- Отец, нам нужно идти дальше.

Профессор налил себе кофе и ответил:

- Я готов хоть сейчас, но дело в том, что координаты портала были в моей тетрадке, а ее отобрала полиция Соона.

- Что?! - обомлела Лизи. – Отец, какая полиция Соона?! Я не видела ее с того самого момента, как оказалась в лаборатории. Ты ее потерял.

- Не может быть! – парировал он. – Ее отобрали на Сооне. И вообще. Я не понимаю, что тебе от меня надо?

- Мне? – Лизи не нашлась, что ответить.

- Профессор, - вмешался в разговор я. – Получается, что Вам некуда идти. Давайте вернемся назад, домой. Вы знаете коды нашего мира?

Профессор поджал губы.

- Отец! – крикнула Лизи. – Отвечай!

- Нет! Я не помню! У меня проблемы с памятью! Я вообще не понимаю, зачем так нервничать? Мы находимся в прекрасном мире. Здесь нет войн, жестокости, преследований. Что вам еще надо?! Живите и наслаждайтесь! Вот Вы, Софи, ну что Вы забыли там? Свою собаку? Как только Вы окажетесь дома, Вас тут же арестуют и Ваш любимый пес останется у других людей. К тому же он все равно подохнет раньше Вас. Не хотите думать о себе, подумайте о моей дочери. Оставайтесь здесь, найдите себе дом, поженитесь, нарожайте детишек, найдите занятие по душе и заведите хоть сотню собак!

Он резко поднялся, уронив при этом стул, и направился к выходу. Я смотрел ему вслед и лихорадочно думал о том, что мне надо сделать, чтобы вернуться домой. Разумеется, для этого мне нужен код нашего мира. Только вот где его взять, я не знал. Уткнувшись в биокон, я попробовал найти там хоть какую-нибудь информацию. И как Лизи ни старалась внушить мне, что когда отец придет в себя и начнет нормально общаться, то обязательно вспомнит коды, я не верил ей. Более того, она стала меня раздражать.

Видя, что я не реагирую на ее увещевания, Лизи обиделась и вскоре ушла из ресторана. Я продолжал рыться в биоконе. Часа через два я нашел коды нашего пласта, но это были коды официальных порталов – тех, где требовались разрешительные документы. У меня их не было. Надо будет что-то придумать.

Прошло десять дней с того времени, как я узнал о смерти Магистра. С Лизи и ее отцом я находился в натянутых отношениях. Мы практически не разговаривали, и, чтобы реже встречаться с ними, я стал уходить из гостиницы и бродил по улицам, посещая музеи и выставки. В этом мире все было красиво. Даже слишком. Природа, люди, строения, дома... Казалось, что я нахожусь в нарисованном мире. И в этом нарисованном мире на пятый день я наткнулся на публичную библиотеку. Это было удивительное место. Настоящий дворец, стоявший на берегу огромного озера. Он выделялся своей роскошью и помпезностью. Изобилие скульптур на его фасаде просто не поддавалось описанию, а сочетание белого и золотого придавало ему солнечный блеск на фоне темного полотна воды.

Огромное количество залов с высокими потолками вводило в состояние трепета. По этим залам можно было водить экскурсии. В них было все: роскошь интерьера, картины и скульптуры, сочетавшиеся с изяществом полок, на которых хранились не только настоящие книги и старинные свитки из многих миров, но и всевозможные компьютерные носители.

Я начал приходить сюда ежедневно. Мне не нравилось сидеть в больших залах, где за красивыми резными столами сосредотачивалась основная масса посетителей. Тем более, как я выяснил практически сразу, библиотека, в понимании местной публики, была местом сосредоточения щегольства, пижонства и выпендрежа. Публика собиралась здесь не для того, чтобы пополнить пробелы в коре головного мозга, а именно для того, чтобы выставить напоказ свой достаток и скудоумие. В этих разодетых и разукрашенных глупцах я видел сборище тщеславных дегенератов. Не все были таковыми. Библиотеку посещали и те, кто искренне интересовался кладезем мировой

мудрости и знаний. Эти люди предпочитали уединяться в небольших закутках, которых в этом величественном здании было великое множество и которые я обнаружил на второй день моего блуждания по библиотечным просторам. Из них я сразу приметил один, находящийся в самом дальнем зале библиотеки, где в тишине высоченных книжных шкафов хранились самые настоящие книги. Обнаружив там небольшой стол, спрятанный от посторонних глаз все теми же книжными шкафами, я стал приходить в этот уголок безмолвия каждый день.

В один из таких дней, на рассвете, пока Лизи и ее отец спали, я, прихватив две бутылки воды, вышел из гостиницы и направился в библиотеку. Ровно в шесть утра я стоял на пороге читального зала. К моему удивлению, вход в него был перекрыт. Посмотрев по сторонам и не заметив поблизости ни одного служащего, я перешагнул через лиловую ленту стойки ограждения и спокойно направился к моему уединенному месту. В конце концов, я никому не мешаю – сижу себе тихо и читаю. В худшем случае, если меня и обнаружат, то, скорее всего, выгонят со скандалом. Я удобно устроился на мягком стуле с подлокотниками, включил библиотечный компьютер и приступил к чтению.

Меня интересовала только одна информация – коды неучтенных порталов моего мира. За последние дни я нашел и прочитал уйму информации о порталах и все больше приходил к выводу, что профессор Ройтман во многом был прав. Много интересного узнал я и о многовременных мирах. Оказывается, отец Лизи не все знал о них. В одном из старинных текстов я наткнулся на упоминание о нескольких мирах, где, действительно, сочетались несколько временных координат и люди, живущие там, вынуждены были переходить из одной временной системы координат в другую, независимо от их воли. При этом у них в каждой системе координат была своя жизнь, семья, работа, друзья.

Просидев за компьютером часов пять, я решил немного отдохнуть. Откинувшись на спинку кресла, я закрыл глаза. Постепенно дремота окутала меня мягким одеялом и я начал засыпать. Спал я от силы минут тридцать, когда сквозь сон услышал голоса. С трудом разлепив веки, я прислушался. Голоса доносились из той части зала, где стояли несколько кресел. Я не собирался подслушивать, но в тишине голоса звучали отчетливо и ясно.

- Ты уверен, что нам никто не помешает? – спрашивал у кого-то обладатель низкого бархатного голоса.

Этот кто-то сипло ответил:

- Уверен.

Бархатный голос сказал:

- Зачем она нас позвала?

Простуженный голос закашлял и ответил:

- Понятия не имею.

Я почувствовал себя не очень уютно. Может, уйти? Возвращаться в отель не хотелось. Подперев кулаком голову, я стал размышлять о том, что готов хоть сейчас пройти через официальный портал и понести наказание, лишь бы вернуться домой. Мои размышления прервал звон бокалов. Кто-то поставил их на стол. Раздался приглушенный хлопок – это из бутылки вынули пробку.

- Решили выпить без меня?

Я замер. Голос показался мне знакомым. Осторожно, чтобы не обнаружить себя, я вытянул с одной из полок какую-то рукопись и прильнул к щели, образовавшейся между книгами.

Ее я заметил сразу. Она стояла около одного из кресел, лицом ко мне и смотрела, как полный мужчина средних лет и невысокого роста наполняет бокалы темно-зеленой тягучей жидкостью. Это была Юрия – внучка профессора Ройтмана. Но что она делает здесь? И тут мне в голову пришла одна мысль. Я должен записать эту встречу на камеру. Я понятия не имел, как она работает, но, все же нажал на «Запись» и, судя по тому, что на моей руке начался отсчет времени, запись пошла. Видимо, все, что видели мои глаза, записывалось биокомом.

Тем временем полный мужчина поднял свой бокал и произнес: «За нашу миссию!». Вот кто являлся обладателем бархатного голоса. Третьего я не видел – он сидел ко мне спиной, и высокая спинка кресла полностью скрывала его от моего взора.

Выпив, Юрия села. Полный мужчина остался стоять.

- Бур, - обратилась к нему девушка, - ты так и будешь стоять?

Немного помявшись, обладатель бархатного голоса присел на самый краешек свободного кресла.

- Плохое вино, - услышал я сиплый голос.

- Согласна, - ответила Юрия. - Что у тебя с голосом?

- Ерунда. Простыл, когда отвозил жену в клинику.

- Давно надо было от нее избавиться, - усмехнулась Юрия. - Мы тебе молодую найдем.

- Боюсь, что мне старую обратно вернут, - смеясь, ответил простуженный. - Ее органы такие же старые, как и она сама.

- Не волнуйся, - Юрия допила вино. - Мы позаботимся о том, чтобы ты ее больше не увидел.

Бур поставил свой бокал на низкий столик между креслами:

- Она у тебя какая по счету?

- Десятая, - немного подумав, ответил простуженный.

Тот присвистнул:

- Так ты что, все время женишься на рабынях?!

- Они мне больше нравятся, - ответил простуженный и поднялся с кресла. - А вино действительно отвратное. Возьму другое.

Он повернулся в мою сторону. Это был высокий, худощавый человек на вид лет шестидесяти. Он подошел к одному из шкафов и достал из него бутылку вина. Вернувшись к столику, он открыл ее и, наполнив бокалы розовой жидкостью, вновь уселся в кресло.

- Как поживает твой осведомитель? – спросил он у Бура.

Бур громко отхлебнул из своего бокала, ответил:

- Все так же. Наводит панику среди населения Вотаргии. Многие готовы к переходу в другие миры. Завербовал дюжину подонков из числа рабов – пообещал им бессмертие и золотые горы. К твоему сведению, работает чисто, аккуратно и быстро.

- Похвально. Только, может, не стоит обрекать на смерть такое количество людей, Бур? – спросил Гон.

- Это ты кого людьми называешь, старый идиот?! – рявкнул Бур и вскочил на ноги. – Рабов?!

- На свой возраст посмотри, - обиделся Гон.

- Успокойтесь! Оба! – прикрикнула на мужчин Юрия. - Одному рабов стало жалко! – и она с ненавистью посмотрела на Гона. - А наш народ тебе не жалко?! Земли нет! Еды не хватает! Пресноводные реки практически пусты! А там, - Юрия ткнул пальцем в

сторону, - обширные земли, поля, пастбища, косяки рыб, пресная вода! Или наши предки зря возрадовались, когда открыли те миры?

- Не тебе меня учить! - махнув рукой, сказал Гон. - Скажи лучше, зачем хотела с нами увидеться?

- Пора заселять земли, - сказала Юрия, наливая себе еще вина.

- Но эксперимент еще не закончен, - возразил ей Гон. - Новое поколение рабов только подрастает...

- Указ Верховного Жреца, - отрезала Юрия. - И еще. Сегодня вечером он будет ждать нас в храме «Шепот звезд». Кстати, код доступа изменился.

- Знаю, - сказал Бур и зевнул – разговор явно начал его утомлять.

- Что значит изменился? – засуетился Гон. - Я не в курсе.

- Откуда тебе быть в курсе, - язвительно заметил Бур, - ты то женишься, то от очередной жены избавляешься.

- О, боги, - Юрия закатила глаза. - Наделите этих недоумков разумом. Гон, специально для тебя: Девятнадцать звезд прошептали шестьдесят два раза слово «жизнь». Запомнил?

Я мчался в отель что есть мочи. Вломившись в номер, я еще минут пять стоял, прижавшись лбом к прохладной поверхности окна, и восстанавливал дыхание. Лизи с испугом смотрела на меня. Отдышавшись, я рухнул на диван и во всех подробностях рассказал ей и профессору о том, что видел и слышал в библиотеке. Закончив свой рассказ, я выдохнул. Лизи молчала, а профессор отреагировал однозначно – я все придумал, чтобы опорочить внучку его лучшего друга.

Другого ответа я от него и не ожидал. Мне ничего не оставалось, как подняться с дивана и включить телевизионную панель. Настроив ее на свой биокон, я включил запись.

И профессору пришлось поверить. Просмотрев запись, он поднялся и, не проронив ни слова, ушел в свою комнату.

Лизи грустно заметила:

- Юрия казалась такой милой...

- Это единственное, что тебя огорчило? – спросил я, отключая биокон от телевизионной панели.

- Меня многое что огорчает в последнее время, - Лизи поднялась на ноги. - Кстати, о каких рабах шла речь?

- Не знаю. Но выясню.

Я направился к двери.

- Ты куда? – с тревогой в голосе спросила Лизи.

- В храм.

- Я с тобой! Только отца предупрежу.

На Лючи было четыре храма, но тот, куда направлялись мы, находился, судя по карте, в стороне от всех материков. Чтобы попасть к нему, нам пришлось пройти несколько порталов, и это заняло уйму времени.

В результате наших переходов мы оказались на ровной каменистой поверхности, больше напоминающей идеально срезанную вершину скалы, подсвечиваемую невидимым источником света. Ее площадь была невелика, и, чтобы не свалиться в пропасть, я маленькими шажками приблизился к самому ее краю. Осторожно вытянув шею, я посмотрел вниз. Правда, увидеть что-либо, как я ни старался, так и не удалось –

там царила крошечная тьма. Бросив эту затею, я вернулся обратно к Лизи. Она в задумчивости смотрела куда-то вдаль.

- Знаешь, - тихо сказала она, - я когда-то читала о том, что наши предки считали землю плоской. У меня сейчас такое впечатление, что они были правы.

- Возможно. Храма здесь нет. Либо мы не туда попали, либо это хорошо продуманный фокус.

- Впечатляет, - абсолютно серьезно ответила мне Лизи. - Только никаких «или» нет. Мы точно находимся в нужном месте. Не знаю как, но я это чувствую.

- Тогда, возможно, ты знаешь, куда нам идти дальше? – сыронизировал я.

- У меня такое ощущение, что это место напоминает шкатулку с секретом.

- Шкатулку? – переспросил я.

- Да! - у Лизи от собственного предположения загорелись глаза. - Нужно только понять, как ее открыть. Нажать на что-то или сказать что-нибудь.

Я задумался, и меня внезапно осенило. Какой же я идиот! Забыть о такой важной вещи. Юрия говорила, что изменился код доступа.

- Лизи, ты умница! – воскликнул я и чмокнул ее в кончик носа. - Есть, есть подсказка! Вспомни, Юрия говорила, что изменился код доступа. Только как мы его введем?

Лизи покачала головой:

- Вряд ли его нужно вводить. Попробуй сказать вслух.

- Уверена?

Набрав в грудь побольше воздуха, я почти что крикнул:

- Девятнадцать звезд прошептали шестьдесят два раза слово «жизнь»!

Раздался гул. От неожиданности я вздрогнул и прислушался. Он поднимался откуда-то снизу, с каждой секундой нарастая все больше и больше. Лизи прильнула ко мне. Сначала из черноты бездны показались клубы сиреневатого тумана, сквозь которые проступали очертания верхушек какого-то грандиозного сооружения, увенчанные странными знаками. Следом за ними стали выползать устрашающе массивные стены величественного храма. Мы с Лизи, как замороженные, не могли оторваться от этого фантастического зрелища. И, когда, наконец, этот поистине исполинский храм, подобно огромной скале, вырос перед нами, он замер – и воцарилась полная тишина. Она длилась недолго. Раздался скрежет, и часть передней стены храма медленно опустилась на каменистую поверхность, образовав собою мост, по которому теперь можно было войти в это невероятное место.

- Идем? - шепотом спросила Лизи.

- Почему ты шепчешь? – не двигаясь, спросил я.

- Не знаю. У меня мурашки по коже бегут и внутри все похолодело.

- У меня тоже.

Она взяла меня за руку, и мы пошли вперед. Как только наши ноги соприкоснулись с поверхностью моста, он тут же озарился ярким светом, исходящим от факелов в руках каменных исполинов, что украшали его. Их было ровно девятнадцать. Я сосчитал. Так, в сопровождении этих изваяний, мы вошли в стены храма. В нем было прохладно. Поежившись, я огляделся.

Внутри храм был похож на некий комплекс. Я бы даже сказал, что это был центр, из которого явно чем-то управляли. Везде стояли полукруглые столы, поверхность которых представляла собой компьютерную клавиатуру в виде квадратов и кружков с непонятными для меня символами и знаками.

Посреди храма на тонком постаменте красовался огромный золотой шар, украшенный мелкими драгоценными камнями. Несколько изысканных резных скамеек окружали его. Я взглянул на Лизи – она, задрав голову, разглядывала высоченные своды потолка.

Заметив несколько дверей, я решил проверить, что находится за ними.

- Куда ты? – испуганно спросила Лизи, когда я сделал несколько шагов в их направлении.

- Нам надо найти место, где мы можем укрыться.

- Не думаю, что нам стоит прятаться, - Лизи подошла ко мне и положила свою ладонь на мое плечо. – Если нам суждено умереть сегодня, то какая разница: увидят они нас сразу или нет.

- Мудрое решение, - раздался за нашими спинами знакомый голос.

Мы обернулись и увидели Юрию. Она была не одна. Рядом с ней стояли Бур и Гон. Бур, вытянув вперед указательный палец правой руки с надетым на него металлическим наконечником, целился прямо в нас. По наконечнику проходили голубоватые сполохи. Я и раньше видел такие наконечники у сотрудников ДОБ и знал, что это мощнейшее оружие из Зазеркалья.

- Не стоит, генерал, - сказала Юрия, не сводя с нас глаз, - они не опасны.

Бур неохотно опустил руку и спросил свою спутницу:

- Как ты можешь быть в этом уверена?

- Успела с ними познакомиться. Правда, их было четверо, когда они нелегально прибыли на Соон.

- Откуда?

- Они террианцы.

- Где еще двое?

- Как много вопросов, генерал.

Она подошла к нам и, указав на одну из скамеек, предложила:

- Не хотите присесть?

Лизи села. Я, сунув руки в карманы, остался стоять - с детства ненавижу, когда мне что-либо приказывают.

Юрия, погрозив мне своим тонким пальчиком, усмехнулась:

- Какой упрямец!

Я в упор смотрел на нее и никак не мог понять, как внучка профессора за небольшой промежуток времени могла так измениться. Может, это не она, а ее двойник? Юрию ничуть не смутил мой взгляд.

- Что-то хочешь спросить? – поинтересовалась она.

- Хочу, - ответил я. – Твой дед знает, чем ты сейчас занимаешься?

- Нет, - спокойно ответила Юрия. – Для него я в данный момент нахожусь со школьной экскурсией в другой коммуне. К тому же открою вам небольшой секрет, он мне не дедушка... Хотите что-нибудь выпить? – внезапно предложила она.

- Нет, - сказал я, - боюсь отравиться.

- Как хотите, а я выпью – сказала Юрия и посмотрела на Гона.

Тот быстро скрылся за одной из дверей. Через минуту он принес бутылку с водой и передал ее девушке. Она открутила крышку и, усевшись на край одного из столов, принялась пить. Напившись, она сказала:

- На самом деле настоящая внучка профессора случайно погибла вместе с родителями.

- Но почему ты как две капли воды похожа на его дочь?

- Странный вопрос, - ответила Юрия, снова отпивая воду из бутылки. - Даже ребенок смог бы на него ответить. Изначально старикам показали абсолютно другого младенца и уговорили отдать их «внучку» на воспитание в государственное учреждение, мотивируя это тем, что они в возрасте и им будет тяжело. После долгих раздумий они согласились. Тем временем в лаборатории клонировали его дочь, и они ничего не заподозрили.

- А зачем было клонировать ее и тем более выдавать за внучку? Погибла, так погибла.

- Нам нужен был контроль над стариком. Он великий ученый на Сооне, и есть подозрение, что входит в группу заговорщиков...

Она не договорила – стремительно вскочив, Юрия громко крикнула:

- Адо! Мы с генералом наконец обнаружили пришлых. Они здесь!

Я повернул голову и увидел отца. На моих скулах заиграли желваки. Не обращая внимания на Юрию, он прошел мимо склонившихся Бур и Гона и подошел ко мне:

- Ну что же, это просто замечательно. А где профессор?

- Не знаю, - ответил я, буравя отца взглядом.

- А твоя мать?

- Она на Сооне, потеряла память... Не трогай их.

- Профессора найти, - приказал Адо Юрии, - а женщина нам не нужна. Ты надела на них браслеты?

- Нет.

- Юрия, ты меня поражаешь...

- У меня нет с собой браслетов! – Юрия явно была раздражена.

- Ладно, - примирительно сказал Адо, - эти рабы все равно не смогут отсюда убежать.

Услыхав это, Лизи бросилась на Адо с кулаками:

- Вы не смеете так говорить! Кто Вы такой и что себе позволяете!

По тому, как занервничал Бур, мне стало ясно, что ему не терпится стрельнуть в дочь профессора.

- Лизи! – окликнул я ее. – Успокойся!

Отец, скрестив руки на груди, повернулся к Гону:

- Вот видишь, как они себя ведут, а ты их защищаешь.

Повернувшись к нам, он добавил:

- Вас, как и представителей еще девяти миров, создали именно для этих целей. Вы все являетесь рабами лючианцев, и другого отношения к вам не будет.

Лизи расхохоталась.

- Я сказал что-то смешное? – сведя брови у переносицы, спросил Адо.

Лизи вытерла пальцами выступившие на глазах слезы:

- Я вспомнила одну легенду. Она гласит, что когда-то людьми правили злые боги. Они разоряли земли, загрязняли воду, убивали животных. Но однажды об их злодеяниях узнали добрые боги и спустились с небес. Прогнав злых богов, они породили детей, чтобы те смогли жить в мире и радости, возрождая великие земли. Неужели вам не смешно? – и она снова рассмеялась.

- Давай убьем ее! – предложил Бур. – И тогда посмеемся все вместе.

- Успеешь еще, - ответил Адо, - ступай лучше к portalу. Скоро придет Верховный Жрец.

Бур подал знак Гону, и они вместе вышли из храма.

- Ты еще здесь? – Адо пристально посмотрел на Юрию.

- Я не могу оставить тебя одного с двумя пришлыми.
- Со мной все будет в порядке.
- Но Адо!..
- Я сказал, иди!

Юрия повиновалась. Адо сел на скамью и, похлопав по сидению рядом с собой, сказал:

- Итак, сын, садись.

Я не сдвинулся с места.

- Садись, у меня не так много времени, чтобы тебе кое-что объяснить.

Я неохотно сел. Вытянув вперед ноги, Адо сказал:

- А теперь слушай меня внимательно. Ни ты, Софи, ни мама, ни твои братья никогда не знали обо мне всей правды. Я работаю на разведку и нахожусь на задании. Что бы ты обо мне ни услышал, запомни – не верь никому. Я играю роль и мне пока верят.

- Так ты не убегал?

- Нет. И я никогда не служил дипломатом – это было всего лишь прикрытием. Когда мы узнали, что готовится вторжение с целью захвата нашего мира и порабощения его жителей, была разработана спецоперация. Было решено меня и еще нескольких моих коллег перебросить на Лючи.

- Но как ты стал Адо?

- И среди лючианцев есть достойные люди. Им удалось посадить меня в кресло правителя Соона...

В храм вбежала Юрия.

- Адо! Верховный Жрец прибыл, но он не хочет заходить сюда.

- Почему? – удивился Адо.

- Он сказал, что в храме пришлые и они оскверняют его своим присутствием.

Адо заскрипел зубами:

- Ох уж эти религиозные фанатики. Скажи ему, что они ради жизни согласились служить нам.

Мы с Лизи переглянулись. Отец поднялся и устремился к выходу:

- Присмотри за ними! – приказал он Юрии.

Та, насвистывая какую-то мелодию, подошла к скамье, на которой мы с Лизи сидели. Прекратив свистеть, она пренебрежительно заметила:

- Хотя вы и согласились служить нам, все равно вас убьют.

- А пока мы живы, - парировал я, - ответь, кто задал на навигаторе другой маршрут и украл документы? Ты?

- Я.

- Но зачем?

- Должны же мы были узнать, как выглядят пришлые, которых ждал мой дед.

Лизи прошипела:

- Не смей называть его своим дедом, самозванка.

Но ее шипение лишь позабавило Юрию.

Я сжал Лизину руку и задал девушке следующий вопрос:

- А камеру установить не проще было бы?

- Проще было бы вас сразу уничтожить, - ответила Юрия, - Адо приказал пришлых не трогать, только вести за ними наблюдение. Жрец поддержал.

- Вот как, - сказал я, - так почему вы не следили за нами и позволили проникнуть сюда, на Лючи?

- Кто сказал, что за вами не следили?

- Вы обо всем докладывали Адо?

Юрия закатила глаза:

- Адо сам из пришлых. Ему не нужно все знать. Он – всего лишь пешка в игре Верховного Жреца.

- Что это значит? – я был ошеломлен ее словами.

- Мало того, что упрямый, так еще и любопытный, – поморщилась Юлия.

- Но мы должны понимать, кому согласились помогать.

Юрия помолчала немного и ответила:

- У Верховного Жреца конфликт с Адо. Поговаривают, что Адо хочет сам занять его место. Ну, вы понимаете. Жрец – личность таинственная и всесильная. Думаю, когда его увидите, то будете приятно удивлены. Если вы действительно согласны помогать моему народу, то советую держаться подальше от Адо.

- Я приму это к сведению. Но все же мы ничего не знаем о твоём народе. Может, просветишь?

Юрия не ответила. Она склонилась перед кем-то в низком поклоне. Я повернул голову. В просторной рубахе до пят, с босыми ногами в нашу сторону шел Магистр Оок. За ним семенил Гон.

- Магистр?! – ахнула Лизи и вцепилась в меня руками.

Ничего не понимая, я встал. За мной поднялась и Лизи.

- Я же обещала, что вы будете приятно удивлены, – с нахальной улыбкой произнесла Юлия.

- Ты жив? – я не знал, что мне делать дальше – в моей голове не укладывалось, что Магистр и есть некий Верховный Жрец, которому подчиняется народ Лючи.

Оок подошел к тому месту, где мы стояли, и сел напротив нас. Он был похож и не похож на того Магистра, с которым мы провели несколько дней. Магистр, сидящий перед нами, был спокоен, от него исходила какая-то мощь, одеяние было новым, неопрятные сальные волосы превратились в ухоженную шелковистую гриву, а сам он благоухал, как цветок.

- Нам сказали, что ты умер, – я шагнул к нему, чтобы сесть рядом.

- Как ты разговариваешь с Верховным Жрецом, раб! – взревел Гон и со всего размаху ударил меня по лицу.

Не удержавшись, я упал на колени. У меня из носа потекла кровь, и Лизи кинулась ко мне.

Магистр с безразличием наблюдал, как Лизи помогает мне встать. Когда я наконец поднялся, она усадила меня на скамью, и я откинул голову назад, чтобы остановить кровь.

- Не стоит делать лишних движений, – предупредил Магистр, – иначе я не ручаюсь за действия моих людей.

Немного помолчав, он продолжил:

- Как видишь, я выполнил твою просьбу и ты встретился с отцом. Что касается моей «смерти»... Мне же надо было как-то выйти из той игры, что я затеял. Вот и пришлось придумать именно такой способ. Тебе понравилось?

- Безумно, – ответил я, не опуская голову. – Видимо, ты получил массу удовольствия от своего театра. А как же моя мать? Та женщина, у которой мы ее оставили, тоже играла свою роль?

- Да, – ответил Магистр. – Это мой надежный человек. Что касается твоей матери, то...

- Адо просил не трогать ее, - напомнил я.

- Ах, Софи, - улыбаясь, сказал Магистр, - я был бы плохим Жрецом, если бы не знал, что он твой отец и муж Джул.

Я не знал, что сказать. Лизи крепко держала меня за руку.

- Адо давно ходил под подозрением, а ты лишь подтвердил мои опасения.

- Где он?

- Адо? – переспросил Магистр. – Сейчас узнаем... Генерал!

- Его нет, - с поклоном ответил Гон. – Он переправляет Адо в тюрьму.

Я глубоко вздохнул и закрыл глаза. Неужели я больше не увижу его?

Тем временем Магистр обратился к Юрии:

- Что же ты так невнимательна к нашим гостям? Почему не удовлетворила их интерес к истории нашего народа? Что же ты не отвечаешь? – строго сказал он тихим, но властным голосом.

Юрия невольно выпрямилась:

- Как я могу в Вашем присутствии... Лучше Вы.

И Магистр, прикрыв глаза, начал свой рассказ.

- Когда-то очень давно мир моих предков стал умирать. Истощились природные ресурсы, закончились запасы, без которых невозможно было поддерживать жизнь. Мой народ мог бы в считанные секунды уничтожить население любой планеты и спокойно поселиться на ней, но рядом таких планет не существовало, а лететь туда, где, возможно, обладают таким же оружием, мои предки посчитали глупой затеей. Было решено построить большие корабли и, разлетевшись в разные стороны Вселенной, подыскать себе новое жилье. И такие корабли были построены. Они больше походили на огромные города и стартовали уже практически с мертвой планеты. И вот во время полета на одном из кораблей среди увезенных с планеты рукописей нашли одну, в которой говорилось о многовариантности пространства. О том, что это чей-то бред или вымысел, не могло быть и речи, так как автором той рукописи был тот, кого мои предки называли Творцом.

- Значит, и твой народ кто-то создал? – перебив его, спросил я.

Магистр, проигнорировав мой вопрос, продолжал рассказ:

- Воспользовавшись знаниями, они за считанные дни разобрались, как открыть проход в другие миры, не покидая планеты. Сообщив об открытии на другие корабли, мои предки вернулись обратно, но кроме еще одного корабля-города в это больше никто не поверил. На родную планету вернулась только одна треть людей. Они прошли сквозь порталы, и оказалось, что другие слои их планеты идеально подходят для существования. Сначала их очень расстроило, что другие не захотели вернуться обратно, но потом они обрадовались. Дело в том, что мы живем очень долго и в какой-то момент времени ресурсы опять бы истощились. Кому нужны лишние рты? Перебравшись на ближайший пласт, они назвали его Лючи – в память о старом мире – и параллельно стали работать еще с несколькими мирами, один из которых называли Соон. Для освоения новых земель требовалась рабочая сила...

- И они создали рабов? - с горечью перебил я его.

- Да, и мои предки решили создать для себя рабов. Если бы вы только знали, сколько ошибок они совершили, сколько готового материала уничтожили, прежде чем на свет появились первые экземпляры – полностью похожие на нас внешне и в состоянии воспроизводить себе подобных. Их наделили разумом десятилетних детей и научили определенным навыкам, чтобы они легко могли выполнять те или иные действия. И они прекрасно с этим справлялись. Но лет через двести ученые заметили, что в гены рабов

закралась ошибка. Или эту ошибку кто-то допустил сознательно. Речь шла о продолжительности жизни и развитии. Изначально продолжительность жизни рабов не должна была превышать сорока лет. Этого достаточно для того, чтобы быть полезным своему господину и, оставив после себя потомство, не стать обузой. Но из-за этой ошибки рабы стали жить дольше. Сначала пятьдесят, потом семьдесят, девяносто и даже сто лет. Как понимаете, это стало началом настоящей катастрофы. Дополнительная еда, места для отдыха, лекарства и прочее. Достигнув определенного возраста, они становились бесполезными. И что самое удивительное – они стали развиваться и совершенствоваться. Они спорили с нами, отстаивали свои права, игнорировали нас. Тогда ученые попробовали ограничить их численность. Но это была пустая затея.

- Не проще ли было создать андроидов? – спросила Лизи.

Магистр, сцепив пальцы рук, ответил:

- Неужели ты думаешь, что мои предки не создавали роботов? А кто, по-твоему, осваивал Лючи? Но и они со временем начинали совершенствоваться, и однажды это чуть не привело к войне.

- Раз мы сейчас сидим здесь, - ядовито заметил я, – роботы проиграли битву.

- Не совсем так, - ответил Магистр, – но речь сейчас не об этом. Я веду к тому, что без разницы, кого создает человек – антроида или свое собственное подобие – оно рано или поздно усомнится в своем создателе и поднимет на него руку.

Я устало провел руками по волосам. То, что я услышал, особо не обрадовало, но и не огорчило меня:

- Значит, в один из дней ваши творения попросили вас покинуть обжитые земли? Я говорю о Сооне и моем мире. И теперь, по прошествии веков, вы хотите вернуть их обратно? Я не понимаю одного. Зачем? Там давно живут люди, которые абсолютно не чувствуют себя рабами.

Магистр поджал губы, а я продолжал:

- Да, твой народ нашел эти земли, он принес на них жизнь, но мы не обязаны повиноваться вам. У вас явно какое-то извращенное отношение к другим. Сколько вы живете? Ты сказал, что долго.

- До пяти тысяч лет.

Я присвистнул:

- Ничего себе!

- Многовато, - согласилась Лизи, - поэтому они и не дружат с головой. По-моему, намного проще было бы договориться со своими «питомцами». Вы им технологии, не лезете в их жизнь, а они вас обслуживают, разумеется за вознаграждение. Этих миров-пластов миллионы.

- Абсолютно верно, - сказал я, опуская голову – кровь больше не шла, - в моем мире многим требуется работа.

- Не все пласты пригодны для жизни, - ответил Магистр.

- Кстати, а что все-таки случилось с теми антроидами, которых вы создали?

- Они требовались для выполнения сложных работ на Лючи. Но в какой-то момент времени стали эволюционировать и вскоре, несмотря на заложенную в них программу, стали сопротивляться и убивать нас. Мы решили уничтожить их, но сделать это было сложно. Тогда ученые создали искусственный мозг, который также называли в честь нашего погибшего мира «Лючи». Она их и уничтожила. С тех пор мы живем спокойно. К «Лючи» подключены все биокомы – она прекрасный психолог, умеющий действовать на психику рабов в зависимости от того, что требуется в тот или иной момент времени. К сожалению, и среди наших лючианцев есть предатели. Когда мы, взрастив прекрасных

рабов на Сооне, уже собрались перебраться туда, кто-то предал нас и они моментально запретили использование любых компьютеров. Из-за этого Лючи не может больше воздействовать на них.

- Знаешь, я несколько дней провел в библиотеке и прочитал, что когда на Сооне еще существовали компьютеры, то люди умирали на операционных столах, потому что операции им делали роботы. Еще читал о взрывающихся кардиостимуляторах и многих других страшилках. Это все Лючи делала?

- Спроси ее сам, - сказал Магистр, - тем более что она за твоей спиной.

Я знал, что за моей спиной находится золотой шар.

- Это и есть ваша Лючи? – обескураженно спросил я.

- Да.

- Прости, но я не понимаю одного - как она может воздействовать на людей?

- Большая часть граждан Соона имеют чипы. В твоём мире они называются биорами. Это мы в своё время подкинули вашим учёным эту идею. Единственное, что мы не успели сделать, так это установить аналог Лючи. Как раз в тот момент ваше правительство перекрыло доступы в ваш мир. Правда, есть ещё парочка проходов, но они спонтанно работают. Что касается соонских чипов, то, к сожалению, в отличие от твоего мира, мы не смогли заставить всех самочек Соона рожать в инкубаторах. Но в тех, кто всё-таки появился на свет именно там, чипы присутствуют. Единственное неудобство заключается в том, что они повышают восприимчивость к любым энергиям и люди, имеющие их, становятся магами. Нам даже пришлось согнать их всех в одну резервацию.

- Но зачем? Они же ничего не сделали! – я был возмущён до глубины души.

Магистр согласно кивнул головой:

- Совершенно верно... Но они рабы, и мы намерены довести дело наших предков до логического конца. Гон! Все готово для установки Лючи на Сооне?

- Да, Верховный Жрец! – склонившись, ответил тот. – Но мне потребуется ещё пара месяцев.

- Поторопись! У тебя есть только один месяц! Между прочим, эксперимент подошёл к концу, и скоро у тебя появится новая армия бесполок. Её будет сложно уничтожить. Ну а что касается этих рабов, - и Магистр смерил нас с Лизи презрительным взглядом, - уничтожьте их. Они теперь слишком много знают.

Он поднялся со скамьи и в сопровождении Гона покинул храм.

Юрия осталась с нами. Она вынула из кармана наконечник и одела себе на палец.

Я понял, что сейчас она нас убьёт. Я обнял Лизи и прижал её к себе.

- Как ты думаешь, - тихо спросила она, - умирать больно?

- Не знаю, - честно ответил я ей. – Наверное.

- А что у неё на пальце?

- Оружие. Оно испепеляет. Остается лишь горстка пепла.

- На выход! - скомандовала Юлия. - Если знаете какие-нибудь молитвы – читайте.

Вдруг боги услышат вас.

И она засмеялась над собственным сарказмом.

Мы с Лизи вышли из храма и перешли по мосту бездну. Юлия, наставив на нас свой палец, шла сзади и насвистывала очередную мелодию. Когда мы ступили на ровную поверхность, она крикнула:

- Пришли! Лицом ко мне!

Мы послушно развернулись.

Юлия улыбалась:

- Ну вот и всё. И чего деткам дома не сиделось? Наслаждались бы жизнью, а теперь приходится на вас заряд тратить.

Она прищурилась, направляя на нас свой наконечник, и тут из-за ближайшей скульптуры ей в спину ударил яркий луч. Одно мгновение – и вместо девушки перед нами осталась лежать горстка пепла. Лизи обмякла в моих руках и потеряла сознание, я едва успел ее подхватить. Из-за исполина на мост спрыгнул Адо.

Он подбежал к нам:

- Отец! – воскликнул я. - Но тебя же арестовали!

- Я сбежал, - ответил он.

- Как? – изумленно спросил я.

- Одожил у генерала наконечник, - ответил Адо. – Что с твоей спутницей?

- Кажется, сознание потеряла.

- Тогда приводи ее быстро в чувство, нам надо уходить!

Я взвалил Лизи себе на плечо и посмотрел на отца:

- Сама очнется.

Мы вбежали в помещение портала, и отец набрал какие-то цифры. По одному мы вошли в рябь темноты.

Уже несколько часов мы сидели в какой-то комнате, куда нас привел Адо. Первым делом он приказал отключить биокомы, что я и сделал. Лизи потихоньку приходила в себя.

- Отец, - обратился я к Адо, - Верховный Жрец говорил о каком-то эксперименте, что подошел к концу. Ты не знаешь, о чем шла речь?

- Когда были уничтожены андроиды и на свет появилась Лючи, то перед ней поставили задачу создать послушное и выносливое существо. Лючи за неделю создала проект бесполого человека.

- Зачем?

- Чтобы рабы не могли размножаться и были выносливы, как любой андроид. По сути, такой биоробот был полностью подчинен Лючи и она могла легко управлять им.

- Понятно, - тихо сказал я. – Скажи, а кого взращивают инкубаторы у нас?

- Генетически мутированных людей. Но мы, в отличие от населения Соона, плохо поддаемся дебилизации, и сделать из нас послушные игрушки так и не удалось. Но кое-чего они добились: мы уже не можем самостоятельно порождать себе подобных. Только единицы.

- А они не боятся того, что их Лючи в какой-то момент, посчитав остальных людей нерациональными, натравит на них биороботов и уничтожит всех до единого?

- Во-первых, не знаю, почему, но бесполые почти не выделяют тепло, а Лючи боится остаться без подзарядки. Представь себе, внезапно погасло светило, исчезли все запасы, из которых можно добывать электроэнергию. Откуда ее еще можно взять? Из человека. Лючи будет контролировать численность. Как ты думаешь, куда девают людей из Домов Забвения?

- Что значит «куда»? – не понял я. – Их сжигают в крематориях.

- Нет. Несколько веков наш мир поставляет их сюда в обмен на новейшие разработки. Это простые обыватели думают, что их усыпляют из-за возраста.

- Подожди, подожди, что значит «думают»?

- Никого не умертвляют. Им вкалывают какую-то дрянь, что дает видимость смерти. На самом деле этот лючианский коктейль вводит человека в состояние летаргического сна. После чего этих бедолаг доставляют на Лючи, в храм.

- Это там, где мы были? – уточнил я.

- Тот шар, что стоит посреди зала, и есть Лючи.

- Жрец сказал об этом.

- Под Лючи находится бездна со спящими. Лючианцы называют ее «Шепот звезд».

- Но как они добывают энергию из спящего? – задала вопрос пришедшая в себя Лизи.

- Я не очень знаком с этим процессом, - ответил ей Адо, - но, кажется, когда организму требуется переработать и нейтрализовать поступающие в него токсины, он затрачивает много энергии. Лючи вводит спящим какую-то токсичную дрянь, и те начинают выделять энергию, пока не умирают сами. Ведь если не пополнять запасы жира и белка, то человек умирает от истощения..

- Они настоящие уроды, - сказал я. – Деградирующие, и нас такими сделали. Впрочем, наши Дома Забвения ничем не лучше. Интересно только, зачем наше правительство до сих пор поставляет им людей?

- Как ты не понимаешь, - сказала Лизи, - это плата за то, чтобы они нас не трогали.

- Я согласен с тобой, - Адо сначала посмотрел на Лизи, потом на меня. – Если они сумеют перебросить Лючи в наш мир, то она очень быстро через очки, регистраторы, телекомы и биоры заставит людей подчиняться только ей. Выберет и оставит жить самых деградирующих, а остальных пустит в расход. Вы заметили, что лючианцы помешаны на красоте?

- Это очень заметно, - сказал я.

- Ты еще не все видел, - сказал отец. – У них имеется много форм красоты. К примеру, они любят экспериментировать с рабами и животными. Берут и отделяют голову от туловища, а затем соединяют с другой парой из числа животного или птичьего мира. Если раб не выживает впоследствии такой операции, то из него делают чучело. Если выживает, то продают как домашнее животное или в зоопарки других миров. Многие из выживших подопытных не могут смириться со своим новым обликом и кончают жизнь самоубийством. Но это касается только тех видов, у которых человеческая голова.

У меня кровь забурила в венах и запульсировала в висках.

- Подонки! Безжалостные подонки...

- А теперь слушайте меня внимательно. Мы не должны допустить, чтобы в наш мир ворвалась вся эта мерзость. Мы должны уничтожить этот чертов храм и Лючи. Софи, ты отправишься домой. Я передам информацию для правительства. Около портала тебя встретит надежный человек и отведет куда следует.

- Хорошо, отец, но я бы хотел помочь тебе здесь.

- Нет, исключено. Сейчас вы отправитесь к порталам, там и встретимся.

В бункер мы прибыли за двадцать минут до встречи с Адо. Сегодня здесь было немногочисленно. Лизи была расстроена тем, что ее отец так и не появился. Я, как мог, приободрял Лизи, но в глубине души радовался тому, что этот выживший из ума ученый больше не будет настраивать свою дочь против меня. Мимо нас раз шесть пробежал мальчишка лет двенадцати. На седьмой раз он остановился и делая вид, что изучает карту Лючи, спросил:

- Софи?

- Да, - подал я голос. – А ты кто?

- Прохожий, - ответил он. – Следуйте за мной.

Мы с Лизи переглянулись, а мальчишка, не обращая на нас внимание, двинулся в сторону туалета, на двери которого висела табличка «Закрыто». Мы поспешили следом.

- Кто тебя прислал?

- Адо, - буркнул он и, пройдя мимо двери, указал на нее пальцем.

Мы с Лизи остановились, и я, открыв дверь, вошел в небольшое помещение. Лизи, вошедшая следом, закрыла дверь на замок. Около большого зеркала, висевшего на стене, стоял Адо.

- Отец! – обрадовался я.

- Не кричи, - поморщился он и протянул небольшой коробок. – Вот это передашь в руки того, кто встретит тебя на той стороне.

- Как я его узнаю?

- Он будет там один.

- А если меня будет ждать засада? – предположил я, забирая коробок.

- Исключено. О том портале знают только три человека.

- Понятно.

- И вот еще что, - сказал Адо, немного подумав. – Когда мне будет нужна твоя помощь, я с тобой свяжусь сам.

- Хорошо, отец, мы с Лизи будем тебя ждать.

Адо кашлянул. Затем потер свой подбородок и сказал:

- Боюсь, что твоя спутница останется со мной.

- Но почему? – поразился я.

Адо посмотрел на Лизи:

- Боюсь, у меня плохие новости. Профессор арестован.

Лизи ахнула и прижала ладонь к губам. На ее глазах навернулись слезы:

- Как? Как это случилось?

Адо тяжело вздохнул:

- Как ты понимаешь, я не в курсе всего этого. Но его арестовали несколько часов назад, и он находится в тюрьме Соона.

- А почему там? – всхлипывая, спросила Лизи.

- На Лючи нет тюрем.

Утерев слезы, Лизи спросила:

- Вы сможете мне встретиться с ним?

- Да, разумеется. Ты должна будешь подтвердить его личность.

Лизи испуганно посмотрела на меня.

- Отец! - я вмешался в разговор. – Дело в том, что мы уже попадали в тюрьму, и у нас документы на чужие имена.

- Это меняет дело, - немного помолчав, сказал Адо. – Ну, что-нибудь придумаем.

- А ей обязательно нужно присутствовать на Сооне? – я не знал, что мне делать.

Лизи слегка ударила меня кулаком в руку.

- Ты еще спрашиваешь! Мой отец в тюрьме. Я должна быть рядом с ним!

- Хорошо, хорошо, - я поднял руки вверх. – Сделаем так. Я передам на той стороне коробочку и тут же обратно. Отец, прошу тебя, береги ее. И мне нужны коды доступа.

- Тебе их дадут. Они все время меняются и, к сожалению, я их не знаю.

- Где мне вас искать на Сооне?

Адо, подумав пару минут, назвал адрес.

- Ты готов, сын?

Я кивнул в знак согласия.

Адо согнул руку в локте и что-то набрал на биокоме. Зеркало дернулось и отъехало в сторону. За ним виднелась темная гладь портала. Когда по ней пошла рябь, я, посмотрев на Лизи, шагнул вперед.

Портал с другой стороны оказался старинным зеркалом в небольшом магазинчике. Я стоял около него и пытался понять, кому передать коробок. Мимо меня, рассматривая мебель, проходили люди, но никто из них ко мне так и не подошел. Ситуация была странной. Отец говорил, что меня будет ждать человек и он будет совершенно один, а на самом деле все по-другому. Ко мне подошел мужчина в строгом костюме.

- Что-нибудь присмотрели интересное? – услужливо спросил он.

Я улыбнулся и сказал:

- Да собственно говоря, мне ничего не надо. Я договорился здесь встретиться с другом. Вот стою и жду.

- Тогда я удаляюсь, - сказал мне мужчина и отошел.

Значит, это не он. И я стал ждать. Прошло несколько часов, а ко мне так никто и не подошел. Я начал нервничать. И что мне теперь делать? Кого я должен искать? Ни имени, ни фамилии, ни номера виркома. Впрочем, виркома сейчас у меня нет. Но делать что-то надо. Куда мне идти? С одной стороны, мне безумно хотелось домой, к Хвосту. С другой, Лизи осталась там. Если я ее не заберу, то, скорее всего, никогда больше не увижу. Мне захотелось есть. Думаю, что стоит где-нибудь перекусить. Я вышел из магазинчика и огляделся. Знакомые места. Я находился недалеко от собственного офиса. Надо же! Здесь недалеко есть приличное кафе. Я направился напрямик туда. В кафе никого не было, и я спокойно сел за столик около окна. Ко мне подбежал официант, и я, сделав заказ, стал рассуждать сам с собой: если по каким-то причинам меня никто не встретил, то, возможно, мне стоит попробовать самому найти этого встречающего. Но как? И тут я вспомнил о Рони. Правда, как с ним связаться, знали только Лизи и ее отец. Официант принес мне заказ, и я стал с жадностью есть мясо и салат. И тут меня как током ударило. А чем я буду расплачиваться? У меня сразу пропал аппетит. Что же за день такой! Ко мне снова подошел официант.

- Простите, я могу Вас спросить?

- Давай, - разрешил я.

- Что у Вас на руке? Новшество?

Я даже не понял, о чем он говорит. Посмотрев на свою руку, я не поверил своим глазам - биоком работал. Проямлив что-то невнятное об экспериментальном тату и спровадив молодого человека, я стал лихорадочно думать. Как он мог включиться, если был выключен, и как он работает, если здесь нет источника, который бы его поддерживал? Проведя несколько действий, я убедился – биоком работал. С облегчением я заплатил по счету и решил позвонить. Кому и куда? Старикам? Только расстроить их, Хвоста и себя. Думай, Софи, думай. Где может работать этот Рони? Он был связан со Скоттом, а Скотт работал в ДОБ. Стоит попробовать. Я по памяти набрал номер Департамента, и у меня в голове раздались гудки. Соединение было. На том конце провода ответил женский голос:

- Департамент Безопасности. Оператор 45. Чем могу быть Вам полезна?

- Добрый день, - сказал я мысленно, помня, что иначе возникает эхо. - Это Софи. Софи Краут. Ловец... Вы меня слышите?

- Да. Я отлично вас слышу, ловец.

- Я ищу одного вашего сотрудника. Но, к сожалению, знаю только его имя. Он – китаец и зовут его Рони. Я понимаю, что моя просьба выглядит смешной и найти человека по тем данным, что я дал, это как иголку в стоге сена искать, но...

- Я поняла Вас, ловец. Ждите.

И она отключилась. Я прождал минут десять и уже начал думать, что из моей затеи ничего не получится, как оператор 45 снова вышла со мной на связь:

- Вы на линии? - спросила оператор.

- Да, я здесь.

- Соединяю, - сказала она и отключилась.

Я не мог поверить в это. Так просто?

- Рони Браун, - раздался знакомый голос.

- Рони! Это Софи. Помнишь? Профессор Артур Зарин...

- Софи? – удивленно спросил Рони. – Ты здесь?

- Да, Рони! И мне нужна твоя помощь.

- Где ты находишься?

Я назвал ему адрес, и спустя пятнадцать минут Рони входил в кафе. Я обрадовался ему, как старому другу. Он сел за столик напротив меня, и я все ему рассказал. С того самого места, как мы очутились в заброшенной лаборатории. Он слушал очень внимательно. Когда я закончил свой рассказ, он поднялся:

- Это очень важная информация. Думаю, что тебе стоит пойти со мной.

Мы прибыли с ним в Центральный офис ДОБ, и Рони, прежде чем открыть дверь одного из кабинетов, попросил:

- Сейчас все то, что ты рассказал мне, повтори моему боссу.

- А не боишься, что он узнает о том, что и ты, и Скотт помогали кому-то уйти в Зазеркалье?

- Не боюсь, Софи. Мы со Скоттом лично готовили эту операцию по переброске профессора в Зазеркалье.

Я выпучил глаза:

- Ты хочешь сказать, что профессор Зарин - сотрудник ДОБ? И Лизи была в курсе?

- Нет-нет, - поспешил успокоить меня Рони. - Лизи, как и твоя мать, была не в курсе. Что касается профессора, то он не был нашим сотрудником – он был нашим добровольным помощником. Думаю, что позже тебе все объяснят.

И он пропустил меня в большой кабинет. Там за длинным столом сидели три генерала. Один из них указал мне на стул, стоявший посередине комнаты. Я сел и стал говорить. Затем посыпались вопросы. Их было много. Когда допрос закончился, генералы о чем-то долго шептались за столом. Наконец один из них встал и сказал:

- Следуйте за мной.

Я поднялся, и он повел меня в другой кабинет.

«Интересно, - подумал я, - мне снова придется рассказывать все с самого начала?»

В другом кабинете, куда меня привел генерал, сидел пожилой мужчина и что-то писал в виркоме. Увидав нас, он предложил мне сесть в кресло, стоявшее около его стола. Сопровождавший меня генерал отдал честь и вышел. Я сел, и мужчина, отложив вирком, сказал:

- Добрый день, Софи.

- Добрый, - ответил я, не зная, что говорить дальше.

- Меня зовут Рауль Сантьяго. Я – Министр Департамента Безопасности. Заново пересказывать ничего не надо – я слышал весь ваш рассказ по виркому. Очень интересно. Боюсь, что Вас обвели вокруг пальца.

- Не понял.

- А что тут понимать? – министр откинулся на спинку кресла. – Ваш отец Мэтью Краут, или, как его зовут сейчас, Адо, обманул Вас.

- Этого не может быть!

- К сожалению, это так. Я знал Мэтью очень хорошо. Да, он работал на нас, был отличным агентом, у него было задание проникнуть в Зазеркалье и занять большой пост, что он и сделал, но, увы, где-то лет пять назад разведка донесла, что его перевербовали на Лючи.

Я чуть не задохнулся:

- Вы хотите сказать, что он двойной агент?!

- Я сказал то, что сказал. Он сдал многих наших разведчиков, работавших под прикрытием. И использовал Вас – собственного сына.

- Но как? – у меня все это не укладывалось в голове.

- Позвольте коробок.

Я достал из кармана коробок и передал ее Министру.

- Как Вы думаете, Софи, что это такое?

- Отец просил передать... - я замолчал.

А ведь, действительно, что я должен был передать? Я пожал плечами. Министр грустно улыбнулся и сказал:

- Это Лючи, Софи.

У меня потемнело в глазах. Господи, что же я наделал! Собственными руками принес в свой мир эту заразу. Вот почему заработал биоком.

- Не расстраивайтесь, Софи. Мы теперь сами позаботимся об этой вещице.

- Мне надо вернуться на Соон. Там остались профессор и его дочь. Кстати, а зачем профессору нужно было попасть в прошлое?

- Это он Вам сказал? Понимаете, задание у профессора было совсем другое, но Вам об этом знать не обязательно. И еще. Я не уверен, что Вам стоит туда возвращаться. Думаю, что и профессор, и его дочь погибли.

- Я убью его! – сквозь зубы процедил я.

- Кого? Отца?

- Да.

В тот же день меня переправили на Соон. Хотя я не удержался и навестил Хвоста. Он так обрадовался, что даже не смог говорить. Только прыгал, скулил и лизался. Старики тоже были счастливы увидеть меня, и я снова попросил их присмотреть за Хвостом.

- Помнишь Лизи? – спросил я, обнимаясь с собакой.

- Да-а.

- Она попала в беду, и ей надо помочь, - я и думать не хотел о том, что Лизи нет в живых.

- Ты-ы по-омо-ога-ать? – протянул Хвост, вылизывая мне руку.

- Да. И я хочу, чтобы ты еще пожил с Анной и ее мужем. Тебе нравится?

- Да-а.

- А с внуками играешься?

- Мно-ого-о.

- Тогда я спокоен за тебя, дружище.

На Сооне меня встретили двое сотрудников ДОБа – Олаф и Жак. Они снабдили меня новыми документами и отвезли в четвертую коммуну, где жили Джул и Рууз Наа с внучкой. Мне дали всего десять минут времени, и я быстро помчался к нужной квартире. Дверь мне открыла Рууз. Увидав меня, она немного смутилась, но быстро взяла себя в руки и стала расспрашивать об остальных. Я понимал, что она лишь играет свою роль. Сказав, что у всех все нормально, я спросил ее о матери. Рууз, отведя глаза в сторону, затараторила:

- Я не могу на нее нарадоваться! Я Вам так признательна! Наша жизнь просто изменилась. Малышка от нее не отходит, зовет мамой. Они сейчас в парке, гуляют. Вернутся через час. Подождете?

- Нет, не могу. Мне надо бежать.

- Ой, что это я говорю-говорю. Чуть не забыла! Ко мне забежал Магистр Оок. Он оставил Вам вот это, - и она засеменила на кухню.

Там, вынув из ящика сложенный лист бумаги, она передала его мне.

- Спасибо, Рууз, - поблагодарил я женщину и вернулся к машине, где меня ждали мои новые знакомые.

- Что скажешь? – спросил Жак, когда мы выехали из гаража.

- Матери дома нет. Рууз сказала, что она в парке гуляет с ребенком. Думаете, ее тоже держат в тюрьме?

- Уверен, - сказал Олаф. – Адо не нужны лишние свидетели, впрочем, как и Верховному Жрецу.

- Она передала мне записку от него, - сказал я.

- Читай, - приказал Олаф.

Я прочитал. В записке говорилось, что Верховный Жрец хочет встретиться со мной. Там же был указан и соонский номер телефона.

- Думаете, стоит позвонить? – спросил я агентов.

- Стоит, - ответил Жак.

- Тогда мне нужен телефон.

Жак достал из бардачка телефонную трубку и подключил ее к одному из разъемов навигатора.

Набрав номер, я услышал голос Магистра:

- А ты везунчик, Софи.

- В чем?

- Избежал смерти.

- Уже знаешь? Где Лизи?

- У нас.

- Она жива?

- Да.

У меня камень упал с души.

- Отдай ее мне, Магистр.

В трубке послышался какой-то писк, а затем снова голос Магистра:

- Приходи, куда я скажу, и получишь свою Лизи.

- Магистр... или мне звать тебя по-другому?

- Магистр подойдет, - разрешил он.

- Так вот, Магистр, дай мне с ней поговорить. Пока не поговорю, на встречу не приеду.

- Странный ты парень, Софи. Неужели ты думаешь, что я тебя не найду? Это дело времени.

- На Сооне не найдешь.

- Ошибаешься. Через пару дней на Сооне установят Лючи, а у тебя биоком. Так что не ставь мне условия и приезжай. Запоминай адрес.

- Запомню через два дня, - сказал я и дал отбой.

- Все так плохо? – поинтересовался Олаф.

- Через два дня на Сооне установят Лючи, - проинформировал я. – Странно.

Помнится, Гону давали месяц.

Агенты переглянулись.

- Плохо дело, - сказал Жак, - надо наших предупредить. Высади-ка меня здесь, а сами езжайте в гостиницу.

- Может, домой? – спросил Олаф.

- Не стоит, - ответил Жак. – На нас началась охота.

Олаф остановил машину, и Жак вышел.

Мы с Олафом поехали дальше.

В гостинице, куда привез меня Олаф, мы сняли отдельный номер. Жак приехал часа через три и выпалил прямо с порога:

- Собирайтесь, нас ждут.

- Где?

- Так я и сказал, - ответил Жак, любуясь своим отражением в зеркале, - а если нас подслушивают?

- Кто?

Даже Олаф опешил от слов своего напарника.

- Опытный разведчик, - продолжал Жак, поправляя волосы, - должен держать язык за зубами и уметь обмануть любого.

Это было не смешно. К тому же меня стало раздражать его самолюбование.

- Так вы готовы или нет? – спросил снова Жак, не переставая крутиться перед зеркалом.

Олаф поднялся с дивана:

- Мы уже давно готовы. Веди нас.

Когда мы сели в машину, Жак спросил:

- Софи, что Вы думаете о Сваане?

- О ком? – не понял я.

- О Сваане, что переправлял Вас на Лючи.

- Я не знаю, что сказать. Я общался с ним часа два. Вроде, ничего плохого сказать не могу. А что случилось?

- Это он устанавливал Вам биоком?

- Да.

- Его следует удалить, - сказал Жак, сворачивая на узкую улочку.

- Да объясните, в чем дело! Ходите вокруг да около.

- Если он поставил Вам последнюю версию, то Вас можно найти в любой точке, даже если он отключен.

Честно говоря, мне было абсолютно напевать, найдут меня или нет. Мои нервы были на пределе. Я хотел, чтобы все это закончилось как можно скорее.

Мы подъехали к госпиталю.

- Не волнуйтесь, Софи, - сказал Жак, - здесь нам помогут избавиться Вас от биокома, и тогда нам не страшен Жрец в десятой степени.

Мы вылезли из машины. Олаф предпочел остаться в ней, а Жак повел меня по длинным коридорам госпиталя. Нам периодически попадались пациенты, врачи, медсестры, а мы все шли и шли. Жак о чем-то болтал, но я его не слушал. Наконец он подошел к какому-то кабинету и постучал.

- Входите, - слышалось из-за двери.

Жак открыл дверь и вошел первым. Я, разумеется, за ним. За небольшим белым столом сидел пожилой врач. Он что-то писал в журнале. Оторвавшись, врач посмотрел на нас и указал на кушетку. Жак подтолкнул меня к ней, и я присел на самый ее краешек.

- Ложитесь, молодой человек, и покажите свою руку.

Я лег и вытянул вперед руку. Врач подошел ко мне и, наклонившись, стал рассматривать ее.

- Жак, - обратился он к моему проводнику, - подайте мне вон ту бутылочку из шкафа, с розовой этикеткой.

Жак подошел к белому узкому шкафу и открыл стеклянную дверцу. Достав из нее бутылочку с прозрачной жидкостью он осторожно передал ее врачу.

- И стакан, пожалуйста.

Жак послушно достал и стакан. Врач налил в него жидкость и поднес к моим губам.

- Выпейте, это что-то вроде анестезии.

Я выполнил его просьбу. У меня тут же закружилась голова.

- Доктор, - сказал я, - у меня голова кружится.

- Все в порядке, молодой человек, - ответил тот. - Все хорошо. Так и должно быть.

У меня онемели руки и ноги. Я попытался ими пошевелить - безрезультатно. Перед глазами плыли темные круги. Дверь распахнулась, и двое в белых халатах ввезли в кабинет каталку. Меня переложили на нее и повезли по бесконечно длинному коридору. Я, как в тумане, слышал голос Жака:

- Учтите, Верховному Жрецу он нужен живым.

- Хорошо. Проблем не будет. А его отца вы взяли?

- Еще нет, но, думаю, что скоро. К тому же он догадался, что я - двойной агент. Вы знаете, что он сделал?

- Нет.

- Он переправил со своим сыном вирус для Лючи. Столько времени и сил потрачено зря.

Доктор хмыкнул:

- Установите позже. Днем раньше, днем позже. У вас пока есть чем заниматься. Сооном.

Я чувствовал, что задыхаюсь. Значит, отец никого не предавал. Предателем был Жак! Собрав последние силы в кулак, я прохрипел:

- Мне тяжело дышать.

- Потерпи, чуть-чуть осталось, - ответил мне доктор.

Каталку вкатили в какую-то комнату и, поставив около большого аппарата, засунули в рот трубку. Дышать стало чуть-чуть легче. Из глаз предательски покатались

слезы. Я не хотел плакать, но они текли сами. В комнату завезли еще две каталки. На них лежали Олаф и Сваан.

- Могу предложить мгновенную смерть от инъекции, - услышал я снова голос Жака. - Во всяком случае, лучше умереть так, чем стать полуживотным. Что ты выбираешь, напарник?

Я скосил глаза. Жак навис над Олафом и ехидно улыбался. Олаф, глядя в потолок, ответил:

- Инъекцию. Разрешаю после смерти набить меня соломой и установить мое чучело в твоём доме. Мне будет приятно после смерти ежедневно испепелять тебя взглядом. Жаль, что я не поверил, когда Адо предупредил меня о тебе.

Жак пнул каталку ногой и посмотрел на Сваана:

- Ну, а ты что хочешь, громила?

- Я могу попросить для себя такую же смерть?

Жак отрицательно покачал головой:

- Нет. На тебя уже пришел заказ из зоопарка.

- Хватит болтать, - услышал я голос доктора, - мне надо работать.

Жак не торопясь вышел из кабинета, а доктор велел своим помощникам катить каталки с Олафом и Свааном в соседнее помещение.

Затем он подошел ко мне:

- Как Вы себя чувствуете?

Из-за трубки я не мог говорить, но доктору это было не нужно. Он посветил мне в зрачки, посмотрел на аппарат, к которому я был подключен, и сказал:

- Хорошо. Очень хорошо.

Он вынул трубку у меня из горла, и я закашлял.

- Вы можете разговаривать, - сообщил он мне, - но двигаться нет. Во всяком случае еще несколько часов.

- Доктор, - прохрипел я, - зачем Вы это делаете?

- Что? – удивленно спросил тот.

- Зачем Вы им помогаете?

- Я считаю, что если они придут к власти, то наведут наконец-то порядок.

- Они убьют всех. И Вас тоже.

- Я нужен им как врач.

И тут я услышал голос:

- Не смешите меня.

Доктор вздрогнул, и на его лице появился животный страх. Он медленно повернулся в ту сторону, откуда доносился голос.

- Адо! – воскликнул доктор, увидав моего отца, и у него затряслись руки.

- Сын, как ты? – спросил Адо, обращаясь ко мне.

- Хорошо, отец. Только шевелиться не могу. Жак – двойной агент.

- Уже нет. Пришлось отправить его к праотцам.

Не спуская глаз с доктора, Адо подошел к каталке. Я заметил на его пальце наконечник.

- Где Олаф? – спросил он.

- В соседнем помещении, - сказал я, - и Сваан с ним.

- А что скажет доктор? – злоево спросил Адо.

- Я не хотел, - затараторил доктор. – Они угрожали мне и моей семье. Я был вынужден работать на них.

- Сказки в другом месте будешь рассказывать.

В кабинет вбежали трое мужчин.

- Адо, ты нашел его? – спросил один из них.

- Да. Наденьте на этого старого мерзавца наручники – и в тюрьму. Его семью туда же. А я переправлю сына в надежное место.

Двое мужчин, скрутив доктора, вывели его из помещения, третий помог отцу дотащить меня до машины.

- Лаас, - обратился к нему Адо, - возьми нескольких бойцов и прочешите эту больницу вдоль и поперек. Всех подозрительных арестовывать. Найди Олафа. Рядом с ним должен быть еще один человек, его просто допросить, если тот в состоянии.

- Слушаюсь!

Адо сел в машину.

- Отец, я разговаривал с Ооком. Лизи у него.

- У него нет Лизи. Она находится в надежном месте. Ждет тебя.

- Жак тебя подставил. В ДОБе тебя считают предателем.

- Я знаю. Думаю, что все утрясется. Один человек скоро будет у министра и все ему объяснит.

Отец привез меня на военную базу. Двое молодых ребят перенесли меня к portalу.

- Возможно, - сказал Адо, - мы с тобой больше не увидимся, но ты знай, я тебя очень люблю.

- Почему не увидимся?

Отец вздохнул и, набрав цифровой код, ответил:

- Я сказал «возможно».

Прежде чем отправить меня через портал, он поднес к моим губам флагу и сказал:

- Пей!

- Что это? – спросил я.

- Потом поймешь, - сказал отец и влил в меня какую-то горькую настойку.

Последнее, что я помню, была рябь портала. А потом я пришел в себя здесь...

- Скажите, Софи, Вы не устали? Как себя чувствуете?

- Хорошо. Я чувствую себя хорошо. От одной только мысли, что остался человеком.

- Тогда не смею Вас больше задерживать. Вас уже дома заждались.

- Дома?

- Да. За Вами приехал Ваш отец. Почему Вы вздрогнули?

- Где он?

- В парке, разговаривает с Вашим лечащим врачом.

Молодой человек, поддерживаемый под руку санитаром психиатрической лечебницы, вышел на подъездную аллею.

- Ну что? – поинтересовался санитар. – Вы так и не надумали переодеться?

Молодой человек отрицательно покачал головой.

- Нам туда, - подсказал санитар, кивая головой в сторону двух мужчин, стоявших около белого автомобиля.

Они не спеша подошли к ним.

- Профессор, - обратился санитар к одному из мужчин, - пациент хочет поехать домой в больничной одежде.

Профессор выразительно поднял кверху густые брови, а затем, поправив на шее большую бабочку-галстук, сказал:

- Думаю, мы переживем. Будьте так любезны, помогите Сократу сесть в машину. До сих пор не могу привыкнуть к этому имени. Мистер Краут, как Вам пришло в голову назвать так своего сына?

Стоявший рядом с ним рослый мужчина в темном строгом костюме в полоску широко улыбнулся:

- Это все моя жена. Увлекалась когда-то древнегреческими философами. Мы зовем его Сот. Так легче.

Он посмотрел на молодого человека и добавил:

- Ничего, Сот, и это переживем. Хватит по больницам шляться, тебя уже все заждались.

- Кто все? – спросил молодой человек, которому санитар помогал сесть на переднее сидение.

От его вопроса мужчина смутился:

- Как кто? - ответил он. – Вся твоя семья: дед с бабкой, мать, Лизи и твоя собака. Помнишь свою собаку? Ты дал ему имя Хвост. Помнишь, как вы с дедом ездили выбирать его в питомник?

Сот, не ответив, послушно сел в машину.

Профессор, засунув руки в карманы брюк, задумчиво сказал:

- Надеюсь, память к нему вернется. Со своей стороны мы сделали все возможное.

- Знаете, доктор, - ответил ему мистер Краут, - это такая трагедия для нашей семьи. Сначала взрыв в лаборатории, где погиб его учитель и наставник.

- Тот самый, знаменитый физик Артур Зарин?

- Да, а с ним еще несколько коллег сына. Среди них был и его лучший друг Скотт. А потом начались все эти галлюцинации. Вы не представляете, как переживает его супруга. Бедная Лизи, она места себе не находит. Я уже не говорю о нас с матерью... Хорошо, что взрывом его выбросило в открытое окно и у него нет ожогов, как у других... Спасибо Вам, профессор Ройтман! И всей Вашей команде.

- Не забывайте давать ему лекарства, мистер Краут. И держите нас в курсе,- попросил профессор и пожал протянутую ему руку.

Мужчина сел за руль и повернул ключ. Машина завелась и плавно тронулась с места.

Вернувшись к себе в кабинет, профессор увидел за своим столом того самого гостя из военного ведомства, что утром приехал для разговора с его пациентом.

- Вы еще здесь? – удивился профессор.

- Уже ухожу, - гость поднялся из-за стола.

В его руках профессор увидал историю болезни Сократа.

- Вы хотите ее забрать? – настороженно спросил он у гостя.

- Да, - сухо ответил ему гость. – И у меня будет к Вам одна небольшая просьба. У Вас никогда не было пациента по имени Сократ Краут. Надеюсь, Вы не откажете мне в такой любезности?

- Не откажу, - растерянно пролепетал профессор.

- Вот и отлично! – обрадовался гость. – Не хотелось бы силой лишать Вас воспоминаний.

Автомобиль мчался по скоростному шоссе. Молодой человек, прижавшись лбом к стеклу, молча смотрел в окно. В отличие от него, тот, кто назвался его отцом, болтал всю

дорогу без остановки. Он о чем-то рассказывал, шутил и сам же смеялся над своими остротами.

Когда машина съехала с трассы и остановилась у самой кромки моря, мужчина повернулся к молодому человеку и спросил:

- Ты узнаешь эти места?

- Да. Я здесь живу.

- Хочешь пройтись до дома пешком? А я в объезд.

Молодой человек вылез из автомобиля и, сняв с себя обувь, пошел вдоль берега. Теплые волны, накатывая, омывали его ноги. Впереди показались дома. Это была его деревня. Он прибавил шаг, но, увидав два силуэта, остановился и замер.

Присмотревшись, он разглядел сидящих на берегу моря женщину и собаку. Громко закричав, молодой человек бросился к ним. Женщина повернула голову в его сторону и поднялась. Собака громко залаяла и, сорвавшись с места, помчалась ему навстречу. Слезы застилали ему глаза, к горлу подкатил комок, его ноги вязли в мокром песке, но он не обращал на это никакого внимания. Он видел только их: улыбающуюся Лизи и бегущего к нему Хвоста. Теперь он точно знал, что нашел свою дорогу назад.